ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА. КРЕМЛЬ. Фото Ф. Кислова.

На первой странице обложки:
Памятник Богдану Хмельницкому в Киеве.

На последней странице обложки:
Киев. Здание Верховного Совета Украинской ССР.
Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК № 2 (1387) 10 ЯНВАРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

С великой радостью и волнением народы Советского Союза встречают всенародный праздник — 300-летие воссоединения Украины с Россией.

Нерушимая братская дружба русского и украинского народов, всех народов СССР является прочной опорой могущества и силы нашего государства. Не раз приходилось русскому и украинскому народам плечом к плечу отбивать налеты всяческих охотников до чужих земель и жизненного пространства. Как два верных брата, стояли русский и украинский народы, отстаивая свободу и независимость своих земель, нанося захватчикам сокрушительные удары. Так бывало много раз. Так было и после Великой Октябрьской революции, когда Украина вслед за Россией стала на социалистический путь.

Так было и в годы Великой Отечественной войны, когда русский, украинский, все народы Советской страны разгромили немецкий фашизм, победили в жестокой борьбе и спасли человечество от черных сил фашизма.

Прочны и нерушимы связи русской и украинской культур. Литература, музыка, живопись, театр, наука братских народов питают друг друга живительными соками. Творческое общение писателей и ученых, художников и музыкантов имеет давние и славные традиции.

Сказочно расцвела Украина за годы Советской власти. Могучая индустрия, гиганты-заводы. Изумительные по красоте города, сотни новых поселков. Новые театры, институты, школы... Да разве можно перечислить все народные богатства Украины? Разве можно описать красоту и щедрость ее природы? Цветущая по весне, как будто в бело-розовой дымке, она постепенно набирает золотой цвет к лету, когда из края в край наполняется гулом комбайнов и тракторов, плывущих среди высокой пшеницы. Едешь по широким ее дорогам — и словно страницу за страницей читаешь чудесную книгу новой жизни.

Сколько радушия встречаешь в каждом доме, в каждой хате! Как крепки и сердечны рукопожатия твоих братьев и сестер!

Нерушима дружба наших народов. В труде и в бою закаленная, прошедшая многовековые испытания, она крепче стали и гранита.

И так же вот, как пожимают друг другу руки колхозник артели имени Сталина, Ростовской области, Петр Шепикин и колхозница артели «Шлях до комунізму», Сталинской области, Мария Кулик, так прочны узы братской дружбы русского и украинского народов, осененной знаменем Коммунистической партии, ведущей нашу Родину к новым победам.

Анатолий СОФРОНОВ

На границе двух республик. Колхозница артели «Шлях до комунізму» (Сталинская область) Мария Кулик и колхозник артели имени Сталина (Ростовская область) Петр Шепикин обмениваются хлебом-солью.

Фото Е. Комма.

У НАС, НА УКРАИНЕ...

Владимир ВЛАДКО

Приветливая, ласковая Украина, воспетая Гоголем и Шевченко, над которой бездонное голубое небо и белые облака, плывущие в нем; ясное зеркало прудов и рек, бегущих меж кудрявыми вербами и высокими серебристыми тополями; задушевные, неповторимые украинские песни, льющиеся, замирая, далеко-далеко над садами и лугами, пока не растает в прозрачном ароматном воздухе последняя вздрагивающая нотка; темнеющее небо, величавая тишина бархатной украинской ночи...

Знаете ли вы нашу прекрасную Советскую Украину, сестру великой России, цветущую, полную радости новой жизни, полнокровной, богатой, счастливой? Да, и небо над Украиной такое же голубое, и так же кудрявится буйная зелень садов и лесов, и песни привольно звучат в них, и не уменьшилось очарование знаменитой украинской ночи, а хлопцы и дивчата стали, пожалуй, еще краше, чем гоголевские Вакула и Оксана.

Только многие хлопцы и дивчата одеты теперь чаще всего в комбинезоны трактористов и комбайнеров, в спецовки монтеров и механиков, в прозодежду шахтеров и рудокопов. А синие шаровары, цветистые, разузоренные сорочки, ленты и намиста с венками остались для вечеров художественной самодеятельности да праздничных гуляний. Наряду со старыми народными украинскими песнями все больше слышны новые. Перемены заметны, конечно, не только в костюмах и песнях: жизнь стала другой, новой.

Здесь, на Украине, особенно в исторических ее местах, мы находим своеобразную прелесть в сочетании памятников седой старины и смелых сооружений советской нови. Начните хотя бы с самого Киева, древней и вечно юной столицы Советской Украины.

Разве не любо глянуть от древних Золотых ворот, воздвигнутых еще Ярославом в XI веке, на стремительно возносящуюся в небо 190-метровую вышку телевизионного центра?

Над сверкающим золотым куполом колокольни тысячелетнего Софийского собора с его немеркнущей мозаикой проносятся скоростные самолеты, поднявшиеся с бетонных взлетных дорожек Киевского аэропорта.

На днепровской заснеженной круче почти рядом высятся построенный в XVIII веке изящнейший бело-синий Андреевский собор и каменное полукружие многоэтажного дома киевских областных организаций.

Да и сам могучий Днепр-Славутич, издревле прославленный путь из варяг в греки, а ныне основная водная магистраль Советской Украины, с его теплоходами и пароходами, баржами и плотами, глиссерами и яхтами,— разве не является и он таким же выразительным памятником, в котором сошлись исторические контрасты?!

Несколько ниже Киева, у старого украинского города Канева, редкий пассажир теплохода, идущего вниз по Днепру, не перейдет на правый борт, забыв о делах, беседах, развлечениях. Здесь, на высоком зеленом холме, откуда далеко видны заднепровские дали, похоронен великий кобзарь — Тарас Григорьевич Шевченко. И здесь же, в Каневе, находится могила русского писателя-бойца Аркадия Гайдара, героически отдавшего свою жизнь в боях против гитлеровских захватчиков...

Между полями и лесами, между лугами и холмами пройдет теплоход по Днепру ниже и ниже, мимо Кременчуга и Днепропетровска,— и вот оно, озеро Ленина, покрывшее своей зеркальной гладью знаменитые днепровские пороги, веками стоявшие на пути судоходства. Здесь была прославленная в легендах и песнях Запорожская сечь; здесь гуляла и набиралась сил казацкая вольница, буйная, непокорная, свободолюбивая,— передовой заслон Украины от татарских набегов. И сюда, на Запорожскую сечь, посылал украинский народ своих лучших сынов в войско Богдана Хмельницкого, когда великий гетман собирал полки для решительных сражений с польским шляхетским войском.

Это было триста лет назад. Полки гетмана Хмеля с жестокими боями прошли все Правобережье и изгнали польскую шляхту. Украинский народ, вышедший из единого корня древнерусской народности, связанный с русским народом единством происхождения, близостью и общностью всего исторического развития, постоянно стремился к объединению с братским русским народом. От имени всего украинского народа, выражая его вековечное стремление, Богдан Хмельницкий в январе 1654 года провозгласил на Переяславской Раде воссоединение Украины с Россией. Славная борьба украинского народа за свою самостоятельность, за свое спасение как нации проходила в нерушимом союзе с великим русским народом.

Мы вспоминаем историю, всматриваясь в стройные очертания знакомой уже по рисункам и картинам высокой днепровской плотины. Днепрогэс, первенец наших пятилеток, красавец Днепрогэс, положивший начало энергетическому кольцу Левобережья, Донбасса и Криворожья, индустриальных гигантов Советской Украины! Как взволнованно следили мы за его строительством, как радовались его открытию! Тяжко было нам узнать о том, что враги в дни Отечественной войны взрывали монолитное тело плотины и хлынули гневные днепровские воды, и острыми клыками снова возникли уже заросшие водорослями скалы порогов!.. Но кончилась славной победой жестокая война, и могучие руки советского народа подняли Днепрогэс и его плотину из развалин, вдохнули в них новую жизнь. Снова красуется Днепрогэс, как символ бессмертия советского народа, снова льет свой ток в энергетическое индустриальное кольцо, плавит огненный металл на «Запорожстали».

Но ведь и Днепрогэс тоже становится историей! Мы ощущаем это, когда теплоход, спустившись еще ниже по Днепру, проходит мимо Каховки — плацдарма исторических боев в годы гражданской войны. Здесь воздвигается новая мощная электростанция, еще более совершенная, чем Днепрогэс; и разница между ними становится понятной, когда думаешь о том, что Днепрогэс возникал в начальный период строительства социализма, а Каховская гидроэлектростанция рождается в период строительства коммунизма! Это — наше сегодня!

Великое сегодня, красочные черты которого, возникая и дополняя друг друга, зримы во всей украинской советской яви. Они в корне изменили весь облик Украины, памятный нам по классическим произведениям литературы.

Совсем не так уж тиха украинская ночь, когда по зерновым массивам, пофыркивая и грохоча, идут тракторы и комбайны, прорезающие темноту ослепительными лучами фар. А ведь сейчас на Украине работает 1 347 машинно-тракторных и специализированных станций, и только за последние два года республика получила десятки тысяч новых тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин! Немудрено, что машинно-тракторные станции могут почти полностью ликвидировать ручной труд: ныне они выполняют более 80 процентов всех полевых работ, а в южных областях Украины — даже до 90—95 процентов.

И хотя звезды блещут попрежнему, но гораздо ярче их горят в украинских селах электрические огни: ведь на Украине только за послевоенные годы восстановлено и построено более 4 тысяч сельских электростанций. А это не только свет и механизация работ,— это электрические приборы в быту колхозников, это радио в каждой хате и даже телевидение в Киевской и прилегающих к ней областях, куда достигают ультракороткие волны Киевского телевизионного центра.

Но ведь и украинский крестьянин ныне иной. Это не гоголевские Черевик или Чуб; это советский колхозник — мастер высоких урожаев или механизатор сельского хозяйства — передовик колхозного производства, уверенный в себе, своих силах, внимании партии и правительства к своим делам, знающий, что государство и народ оценят каждый его успех. Ведь в республике только за послевоенные годы отмечено высокими правительственными наградами около 59 тысяч передовиков сельского хозяйства, а 1 057 новаторов колхозного производства удостоены почетного звания Героя Социалистического Труда!

На золотые звезды Героев с гордостью смотрят друзья и товарищи — односельчане; но с еще большим восхищением глядят на них селяне западных областей, частенько приезжающие в гости к заслуженным мастерам высоких урожаев своей республики. Западные области, Закарпатье, Буковина — самые молодые края республики, веками томившиеся под пятой польских, австрийских, венгерских и румынских помещиков,— воссоединились в одной братской семье. Тяжелый путь прошло население этих областей, испив до дна горькую чашу капиталистического гнета и нужды,

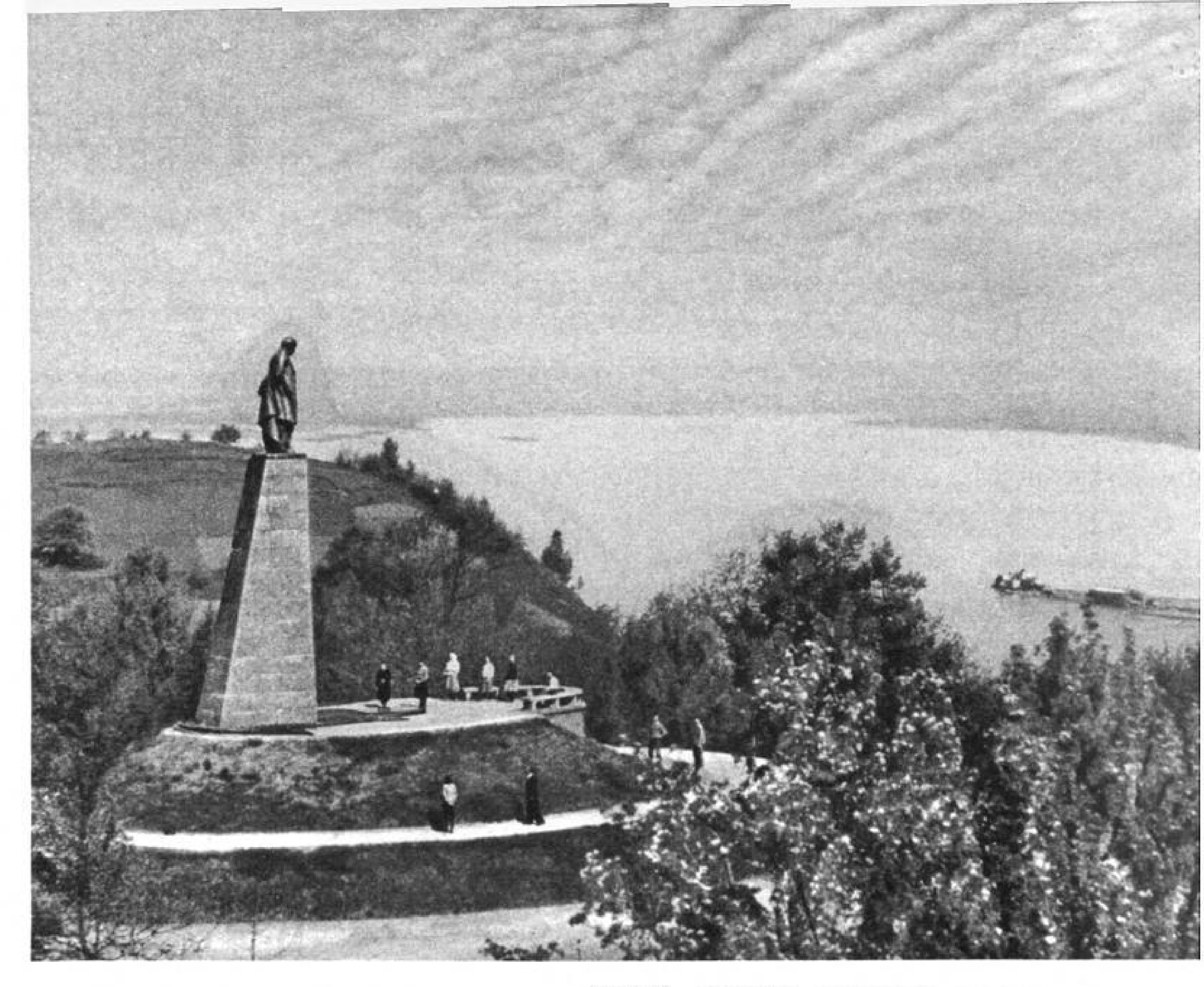
ярко описанных в произведениях Ивана Франко, Василия Стефаника, Ольги Кобылянской и других западноукраинских дореволюционных прогрессивных писателей.

Не те теперь гуцулы, не те буковинцы! На просторных колхозных полях, закрепленных за ними навечно, они по примеру братьев — украинцев,— передовиков и новаторов, усердно трудятся, строя свою счастливую, зажиточную жизнь. О ней, новой жизни в братской семье советских народов, о счастье вдохновенного творческого труда поет теперь древняя трембита. Да и как не петь ей радостные песни, если там, где грамотный был еще недавно редкостью, ныне обучаются десятки тысяч юношей и девушек! Здесь теперь нет ни одного села, где не было бы школы, клуба, библиотеки.

Раньше Борислав, центр нефтедобычи западных областей, был краем обездоленных, угнетаемых тружеников, описанных Иваном Франко в его знаменитой повести. Теперь Борислав живет по-новому. Дети и внуки героев Ивана Франко стали свободными, счастливыми людьми, знатными людьми производства, передовиками, инженерами и техниками. Такова новая советская действительность, к которой приобщились трудящиеся западных областей Украины.

Братские связи соединяют всех трудящихся Советской Украины. Машины и оборудование идут с востока в западные области; нефть, карпатский лес и газ из далекой Дашавы шлют в ответ из западных областей. В Киеве для его промышленности, коммунальных предприятий и жителей еще недавно приходилось ежегодно привозить сотни эшелонов топлива. За несколько послевоенных лет был построен газопровод Дашава — Киев длиной в 500 километров.

И Правобережье и Левобережье Советской Украины, разделяемые голубой полосой Днепра, изобилуют разнообразнейшими продуктами сельского хозяйства. Необозримые колхозные зерновые массивы дают знаменитую украинскую пшеницу, огромные свекловичные плантации поставляют ценное сырье для многочисленных сахарных заводов, животноводческие фермы дают народу мясо, молоко, масло... И везде можно видеть единый, всеобъемлющий процесс, являющийся главной линией советского производства: это машинизация и механизация работ. С каждым годом в нашу действительность вторгается все больше и больше машин, сложных, разнообразных надежных «механических рук». Это делает советская промышленность и ее основа — тяжелая индустрия.



Редкий пассажир теплохода, идущего по Днепру, не глянет на высокий зеленый холм, где похоронен великий кобзарь земли украинской Тарас Григорьевич Шевченко.

Фото И. Тункеля.

Рабочие московских, ленинградских, свердловских заводов повседневно оказывают помощь братскому украинскому народу.

В послевоенный период с помощью великого русского народа и других народов Советского Союза промышленность, земледелие, все хозяйство Советской Украины не только восстановлено, но выросло, стало более мощным.

Как Полтавщина, Киевщина и большинство правобережных областей определяют сельскохозяйственное лицо республики, так Донбасс и Криворожье, Днепропетровск и Днепродзержинск, Харьков и Ворошиловград определяют ее индустриальное лицо. Это гигантские промышленные центры.

Донбасс не случайно называют Всесоюзной кочегаркой: это образно характеризует его удельный вес в стране. Много страшных разрушений принесла Донбассу война, но безмерно могуч советский народ, руководимый Коммунистической партией и Советским правительством. Залечены все зиявшие раны. За послевоенные годы Донбасс снова занял свое главенствующее место в угольной промышленности. Он снова стал самым крупным и наиболее механизированным угольным бассейном Советского Союза; его шахты дают стране уже значительно больше угля, чем в предвоенном 1940 году.

Уголь Донбасса и железная руда Криворожья — основа украинской тяжелой индустрии. Стали еще более мощными восстановленные машиностроительные заводы. Общий объем их продукции по сравнению с 1940 годом вырос почти в два раза!

Неисчерпаемым потоком выходят из цехов новые и новые, невиданные ранее машины. Шагающие экскаваторы и угольные комбайны в Донбассе, электромашины и турбогенераторы, сельскохозяйственные машины и тепловозы в Харькове, паровозы в Ворошиловграде, станки-автоматы в Киеве... Пожалуй, нет смысла пытаться дать хоть сколько-нибудь исчерпывающий перечень всего того, что выпускают украинские машиностроительные заводы! Их продукция растет с каждым годом.

Наука в Украинской республике деятельно помогает народному хозяйству страны. Стоит вспомнить хотя бы заслуживший широчайшую известность у производственников всего Советского Союза институт электросварки; подобную работу ведут и многие другие научно-исследовательские институты. Интеллигенция Советской Украины, созданная и воспитанная партией и Советской властью, представляет собою подлинно народные национальные кадры. Лишь в прошлом году высшие учебные заведения и техникумы Украины дали народному хозяйству 76 тысяч молодых специалистов.

Рост интеллигенции — только один из показателей бурного расцвета украинской национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Никогда еще произведения украинской литературы и искусства не вызывали столь широкого признания всего многонационального советского народа.

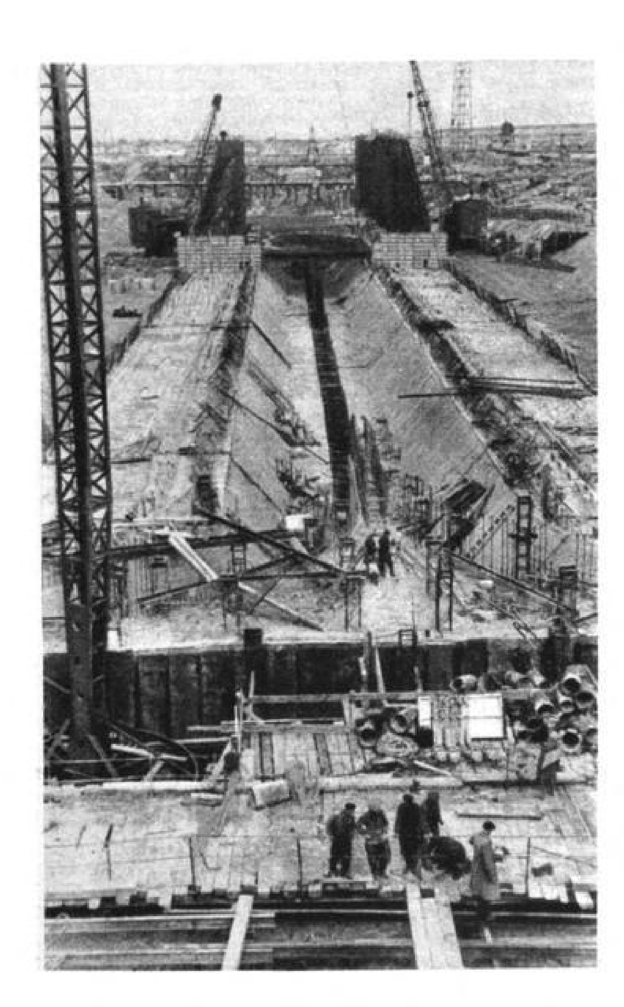
Поистине ярко расцветает украинское советское искусство под благотворным влиянием передовой русской культуры.

И это тоже одна из характернейших черт облика прекрасной Советской Украины, которая празднует сейчас трехсотлетие воссоединения Украины с Россией.

К этому празднику моя республика пришла сквозь грозы освободительных войн, в борьбе против иноземных поработителей, в борьбе за воссоединение с русским народом.

К этому празднику моя республика пришла сквозь бури революций, первой последовав за Россией по пути Великого Октября, еще более и тесно и на веки веков объединившего украинский и русский народы, их настоящее и будущее, их судьбы. Это праздник радости и счастья свободных народов!

Чудесные дни ожидают Украину в этом году, дни праздничного ликования и всенародного подъема, дни песен и музыки, дни братских объятий с друзьями, приехавшими со всех концов Советского Союза! Приезжайте в эти дни на Украину, приезжайте на полноводный Днепр, на его живописные кручи, приезжайте в Киев, в буйное весеннее кипение его цветущих каштанов! Приветливая, ласковая Советская Украина встретит вас, как дорогих гостей, братьев, товарищей, встретит так, как умеет встречать веселый, гостеприимный и жизнерадостный украинский народ. Встретит всем, чем богата чарующая украинская природа, встретит всем изобилием своего хозяйства, встретит всем разнообразием своего красочного искусства.



На наших глазах возникает Каховская гидроэлектростанция. На снимке: строительство камеры судоходного шлюза.

Фото Ю. Лихуты (ТАСС).

Украинский шахтер, Герой Социалистического Труда П. К. Заварза, недавно посетивший Чехословакию в составе делегации советских рабочих беседует с горняками Йиржетина.

Праздник вечного братства

Ян ДРДА

Огромным успехом пользуются в Чехословакии историческая кинокартина Игоря Савченко «Богдан Хмельницкий» и роман Натана Рыбака «Переяславская Рада». Эти произведения помогли нам, чехам и словакам, познакомиться с историей братского украинского народа, которому угрожало так много чужеземных поработителей и который нашел защиту своей национальной независимости в братском воссоединении с великим русским народом в едином Российском государстве.

Празднование трехсотлетия воссоединения Украины с Россией, несомненно, найдет в Чехословакии большой и радостный отклик. Каждый из нас сознает, какую роль сыграло единство русского и украинского народов в дни Великой Октябрьской социалистической революции, в победоносном строительстве Советского Союза, в Великой Отечественной войне и какую роль оно играет ныне, в эпоху строительства коммунизма в СССР. Мы хорошо сознаем, какое значение это единство имеет и для всех славян и для нас, чехов и словаков, ибо заря нашего возрождения и новой жизни взошла как отражение бессмертного освободительного подвига советских народов.

Два самых больших славянских народа, русский и украинский, дружно и сплоченно живущие в могучей семье советских народов, дают пример искренней, нерушимой, братской дружбы и единства, основанных на принципах ленинско-сталинской национальной политики. Какой гордостью наполняется сердце каждого патриота в нашей Чехословакии, когда он думает об этом вдохновляющем примере! Ведь история нашего народа очень многим похожа на историю украинского народа! Если Украина в течение нескольких столетий угнеталась и разорялась кочевыми ордами турецко-татарских ханов и польской шляхтой, которые проливали кровь ее сынов и дочерей, уничтожали и похищали ее национальные ценности, то наш народ пережил столетия страданий и борьбы против агрессоров с Запада. Нам в прошлом тоже грозило истребление, и лучшие люди моей страны так же самоотверженно боролись и отдавали свою жизнь за независимость родины. Поэтому так близки нам произведения украинской исторической литературы, как и украинцам близки наши исторические произведения.

Классик украинской литературы Тарас Шевченко выбрал для своего поэтического произведения образ нашего национального героя Яна Гуса, и творения Шевченко уже в прошлом столетии находили сердечный отклик у моего народа.

Мы, чехи, нашли спасение своей национальной независимости, свое будущее благодаря братской помощи могучего Советского Союза. Мы никогда не забудем, что в героической Советской Армии, освободившей Чехословакию и Прагу, словно два богатыря, сражались рука об руку против ненавистных фашистских орд русский и украинец. Мы никогда не забудем, что первыми возвестили чехословацкому народу свободу и новую жизнь люди, говорящие на столь близких нам языках. Победоносный 1945 год стал для нас началом нового этапа в сближении с русскими, украинскими и другими советскими людьми.

Во всей Чехословакии не найдешь дома, будь это в деревне или городе, где бы люди не вспоминали с любовью какого-нибудь «своего» Ивана или Тараса, который пришел к ним в простой красноармейской гимнастерке и открыл им свое мужественное, горячее, славянское, советское сердце!

В десятках наших городов поставлены памятники освободителям. Воплощенные в медь и бронзу, они любовно сжимают в своих объятиях чешского или словацкого ребенка, которому спасли жизнь и открыли дорогу к счастью. И нет у нас в Чехословакии ни одного честного человека, который в глубине своего сердца не чувствовал бы, что Советский Союз для нас, для нашей национальной независимости и расцвета — это самая непоколебимая, самая сильная защита, самая крепкая опора теперь и в будущем.

Поэтому и 300-я годовщина единства русского и украинского народов будет радостным праздником в Чехословакии. Мы отметим этот день, как имеющий для нас самое жизненное значение. Мы прославим в этот день могучую, объединенную Советскую Украину, процветающую в счастливой семье советских народов, и богатырский русский народ — первый социалистический народ в мире. Мы прославим Союз Советских Социалистических Республик — нашу защиту, нашу надежду.

ДОРОГИ

В. РУДИМ

Фото Г. Санько.

Кажется, это произошло как раз тогда, когда отправляли экскаваторы в город Оху.

— Оха? Где же находится такой город? — спрашивали на заводе.

И когда узнавали, что Оха на далеком Сахалине, за несколько тысяч километров от Краматорска, удивлялись еще больше:

— Ого! Значит, даже там, на «краю света», будут работать наши машины!

Вот тогда-то и возникла мысль: сделать рельефную электрифицированную карту и показать на ней пункты, куда идет продукция завода.

Вспыхнула первая лампочка на карте: Краматорск.

Почему так зовется этот город, неподалеку от которого, по предположениям ученых, между солеными озерами, рубились с половцами воины князя Игоря? Здесь проходила древняя торговая дорога, а на берегу реки Торца шумел в старину торг: купцы обменивали всевозможный товар— по-украински крам... Так возникло название Крамторг, которое со временем превратилось в Краматорск.

В 1929 году в полынной степи под станцией Краматорской началось сооружение огромного завода. Вся страна создавала гигант тяжелого машиностроения на Украине. На строительной площадке плечом к плечу трудились рабочие и инженеры почти тридцати национальностей. В прославленной бригаде бетонщиков, которую возглавлял русский рабочий Мовлев, были и украинцы, и татары, и армяне, и узбеки. Они показывали чудеса трудового героизма: в смену давали 1 300 замесов!

Не на мемориальных досках, а в сердцах людей навсегда остались имена москвичей и ленинградцев, уральцев и сибиряков, инженеров и простых рабочих — всех тех, кто помог возродить завод после фашистского нашествия, кто сделал «завод заводов» мощнее прежнего.

Страна получает все больше машин с маркой «НКМЗ» — Ново-Краматорский завод тяжелого машиностроения имени Сталина. Машины-гиганты отправляются во все республики Советского Союза, в двести городов. И с каждым из них Краматорск связан тесными узами: оттуда звонят по телефону, присылают письма и телеграммы, приезжают инженеры и передовые рабочие.

По соседству с заводом после войны выросла большая гостиница «Индустрия». Она никогда не пустует. На этажах раздается русская, армянская, украинская, грузинская, белорусская, казахская, узбекская речь.

Приезжие встают на рассвете и вместе с первой сменой приходят в цехи консультировать, советоваться, помогать, учиться. Одни проверяют социалистические договоры (новокраматорцы со «дня рождения» соревнуются с уралмашевцами), другие участвуют в научных конференциях.

В «Индустрии» мы встретили пожилого человека со значком лауреата Сталинской премии. Разго-

Части шагающего экскаватора «ЭШ-4/40» запакованы и готовы к отправке в Китай и Болгарию.

ДРУЖБЫ

ворились. Оказалось, что Яков Иванович Куландин — так звали нашего собеседника — москвич, прибыл на научную конференцию, посвященную проблеме дальнейшего развития сварки крупных отливок. Среди участников конференции — профессора и инженеры Москвы, Ленинграда, Свердловска, Таганрога, Киева, Харькова, Сызрани. Русские и украинцы вместе решали важные производственные вопросы. В Краматорске они собрались не случайно. Именно здесь были достигнуты первые успехи в сварке крупных отливок. Вот как это произошло.

Сравнительно недавно общими усилиями русских и украинских инженеров было создано для Днепровской гидроэлектростанции имени Ленина цельнолитое рабочее колесо турбины весом в 150 тонн. Доставка такой махины на место поездом причинила немало хлопот: пришлось вырезать верхние связи всех железнодорожных мостов до самого Запорожья. Вот специалисты и призадумались: надо бы крупные детали отливать по частям и потом сваривать их на месте. Этим занялись научно-исследовательские институты Москвы и Киева, инженеры Краматорска, Ленинграда и других городов. Работали сообща и нашли способ сварки.

Из Ленинграда, с завода «Электросила», командирован в Краматорск инженер Николай Павлович Ежов. Его мы увидели в механическом цехе. Николай Павлович хлопотал возле гигантских деталей волжских гидротурбин. Ленинградец помогал украинцам быстрее справиться с почетным заказом.

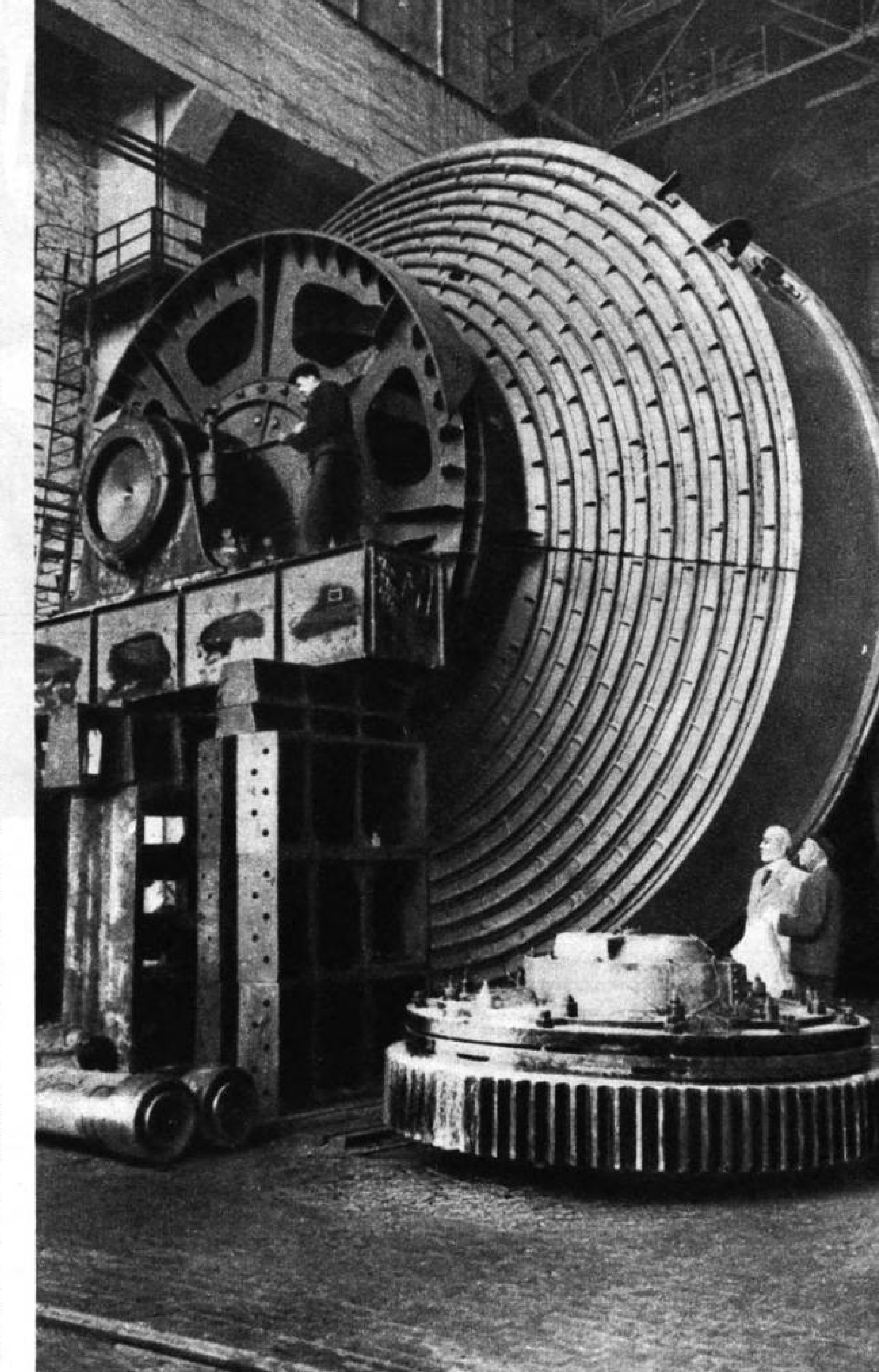
Важные производственные дела привели в цех и инженера Раису Юлиановну Сулковскую. Она приехала из-под Москвы, но тоже... с Ново-Краматорского завода. Как появился еще один завод с таким же названием, как в Донбассе? Дело в том, что во время войны оборудование «завода заводов» было эвакуировано и на его базе возник «младший брат» Ново-Краматорского гиганта под Москвой.

...Днем и ночью во все концы страны бегут из Краматорска тяжелые поезда. Сколько платформ в составе, столько и деталей, а на деталях — надписи, заставляющие железнодорожников настораживаться в пути: «Сверхнегабарит».

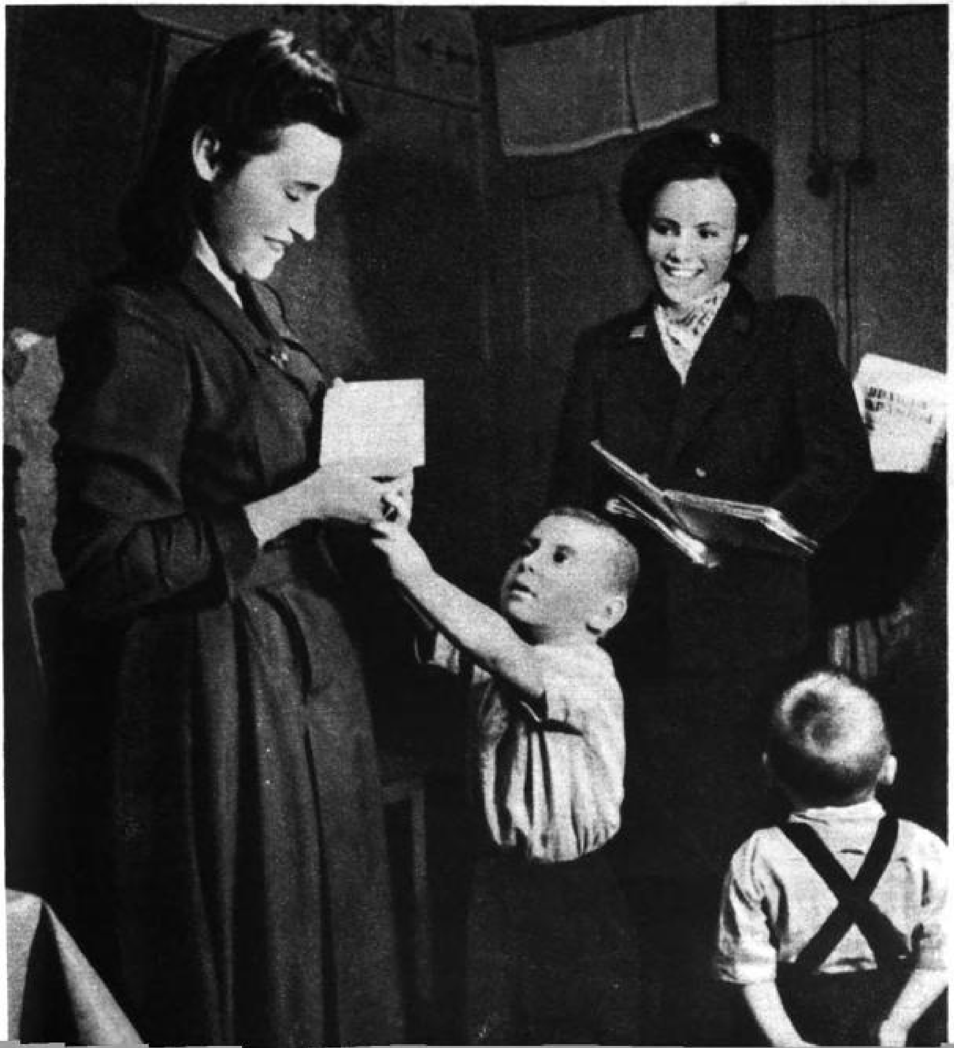
И вслед за грузовыми эшелонами возвращаются домой командированные — те, кто изучал новые машины еще в процессе их рождения. Уезжают в родные места казахские энергетики, туркменские экскаваторщики, грузинские металлурги.

С благодарностью вспоминает о своем пребывании в Донбассе инженер Закавказского металлургического завода в Рустави Давид Ткешелашвили. Он отлично ознакомился в Краматорске со своим будущим «подопечным» — мощным обжимным прокатным станом. Наука пошла впрок: Ткешелашвили вскоре был назначен заместителем начальника цеха блуминга. Грузинский инженер увез из Краматорска не только новые знания; здесь он подружился с людьми самых различных национальностей: русским И. Благовещенским, украинцем П. Гутченко, белорусом М. Василевичем, осетином Г. Кумаритовым.

Командировка в Краматорск — это словно путевка в хорошую школу, где можно многому научиться. Но еще лучше, чем командировка, назначение на работу. С направлениями институтов прибыли недавно на завод молодые специалисты Багиан, Вадачкория, Мартиросян, Гилязитдинов. Уроженцы Еревана, Тбилиси, Боржоми и Уфы впервые познакомились в отделе кадров завода и искренне поздравили друг друга с хорошим назначением.



Сборка шахтно-подъемной машины.



Мария Федоровна Козлова (слева) получила письмо из Варшавы от мужа, работающего на сооружении Дворца науки.

Слава украинского города Краматорска прокатилась по новостройкам, перешагнула рубежи советской земли. Не так давно главный инженер завода Владимир Федорович Карпов с особенным удовольствием сообщил своим коллегам: начинаем поставку оборудования в Китайскую Народную Республику. А через несколько недель приехали инженеры Шебешьтен и Фельдеши из Венгрии — им нужно было прокатное оборудование. Потом в цехах стали упаковывать ящики и с другими адресами — польскими и болгарскими.

Пришел черед нанести ответные визиты за границу. Почин сделал Георгий Дмитриевич Киселев — он поехал в Венгрию; затем получил командировку в Польшу Владимир Павлович Малышевский, в Чехословакию — Николай Степанович Мещеряков, уехали и другие специалисты-краматорцы.

А в гостинице «Индустрия», в свою очередь, появились посланцы народно-демократических стран. Почтальоны несли на проспект Сталина, на Челябинскую, на Магнитогорскую улицы письма с венгерскими, польскими, румынскими штемпелями. Краматорский телеграф зарегистрировал международный разговор: Марию Афанасьевну Жарикову вызвал к телефону муж, который работает в Варшаве и живет в поселке «Дружба».

Далеко-далеко протянулись из Краматорска дороги дружбы. Нет им и не будет конца-края.

—КАК ДЕЛА У ДРУЗЕЙ?

В. ШУМОВ и П. КРАВЧЕНКО

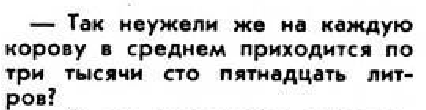


Фото Б. Кузьмина и Н. Козловского.

1. Под Москвой

Началось это в 1939 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

У экспонатов раменского колхоза «Коммунар», Московской области, остановились женщины и о чем-то быстро заговорили певучим украинским говорком.

Были среди колхозников «Коммунара» такие, которые не отходили от своих экспонатов, ревниво прислушиваясь к суждениям посетителей. Выяснилось, что дояркам из Киево-Святошинского района понравились удои в колхозе «Коммунар».

— Так неужели же на каждую корову в среднем приходится по три тысячи сто пятнадцать литров?

— А вы приезжайте, поглядите, — пробасил кто-то из раменцев.

— Ну что ж, и приедем, раз приглашаете,— усмехнулись украинские доярки.

В 1939 году такие высокие удои в колхозах случались не так уж часто. На выставке колхоз «Коммунар» получил премию — мотоцикл и 3 тысячи рублей.

Киево-святошинцы прибыли в Раменский район, многому удивились, кое-что осудили, а потом предложили:

— Будем соревноваться!

И вот с тех пор уже пятнадцатый год длится соревнование между русскими колхозами Раменского района и украинскими — Киево-Святошинского.

Во время Отечественной войны председатель раменского колхоза «Пламя» Сергей Васильевич Кащеев был командиром роты. Со своей ротой он прорвался к колхозу имени Кагановича, Киево-Святошинского района. Он говорил бойцам: освобождаем колхоз, с которым мы соревнуемся. Кащеев погиб на околице колхоза имени Кагановича за несколько дней до освобождения Киево-Святошинского района от оккупантов.

Вскоре сюда приехали раменцы. Украинские колхозники со слезами на глазах обнимали русских друзей:

— Видите, что фашистский злыдень у нас понатворил? Видите?..

Раменцы видели. В несчастье советские люди привыкли помогать друг другу делом, а не словами. Вновь уговорились соревноваться. Тогда же был заключен договор между колхозом имени Хрущева, Киево-Святошинского района, и раменским колхозом «Коммунар».

— Район с районом — это само собой, — говорила украинцам зоотехник «Коммунара» Нина Сергеевна Смирнова, — а мы — два колхоза — само собой. Так больше поможем друг другу.

Вернувшись домой, делегаты рассказали о том, что видели на Украине. В те дни раменские колхозники послали в подарок друзьям целый эшелон скота. Колхоз «Коммунар» отобрал у себя для отправки киево-святошинцам тридцать две головы.

* * *

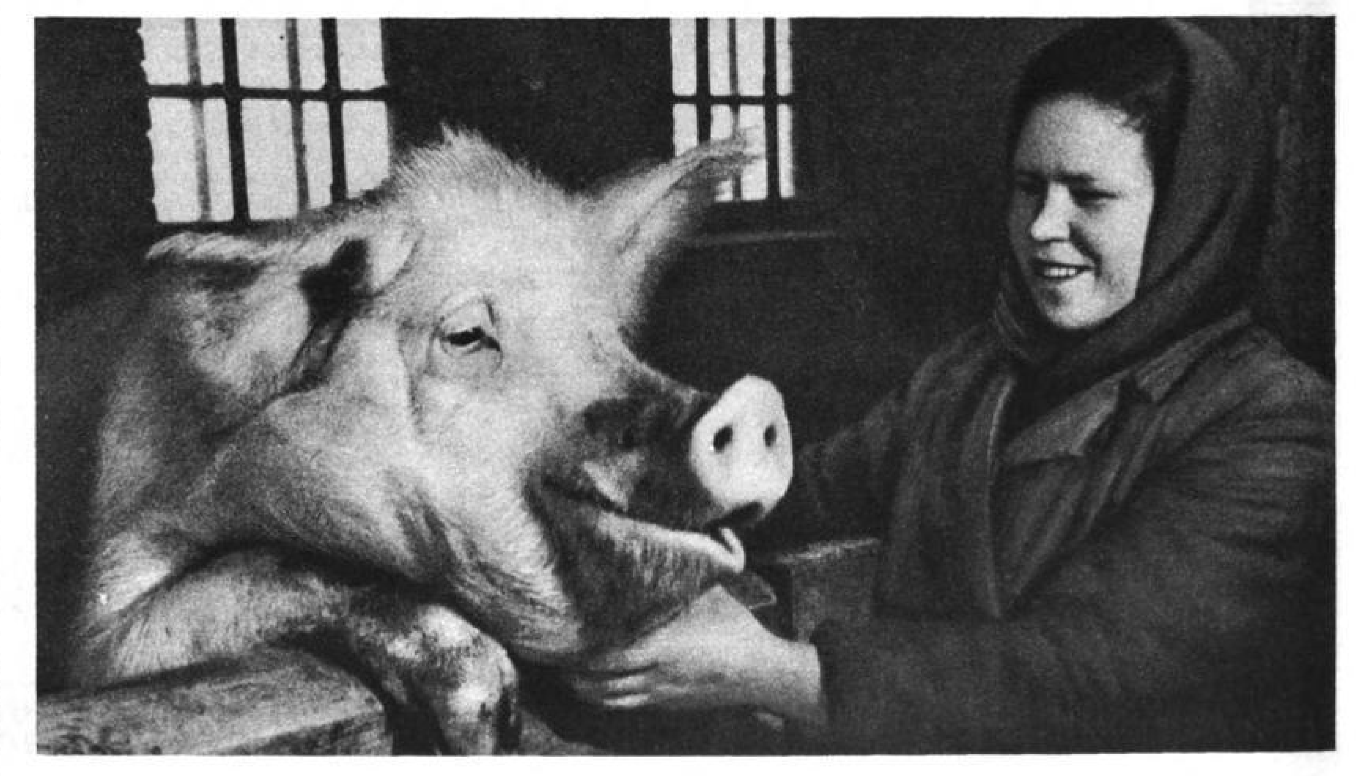
С тех пор минуло около десяти лет. Связи между двумя колхозами не прекращаются.

Бригадир из «Коммунара» 62-летний Степан Ефимович Полячкин, который заснят рядом с бригадиром того же колхоза Василием Зиновьевичем Черепановым (фото слева), взял обязательство собрать зерновых по 25 центнеров с гектара. Но когда киево-святошинцы раззадорили его в своих письмах, он применил новую агротехнику и собрал 28 центнеров. И Василий Черепанов не намного отстал: яровой пшеницы он собрал 26 центнеров с гектара.

Могут раменцы похвалиться перед друзьями и другими успехами. Летом они построили большой кирпичный птичник, пробурили артезианскую скважину глубиной в 62 метра, выстроили новый свинарник из бутового камня и кирпича, построили сушилку, котельную и поставили тысячу новых парниковых рам.

Клавдия Ивановна Логина не жалеет кормов для своих питомцев, переведенных в новый птичник. «Мы за год получим не меньше чем по 110 яиц от каждой несушки. А как у вас?» — пишет она своим украинским друзьям.

В новый свинарник переселились важные и солидные свиньи. «Ну что, Машка, довольна новым помещением?»— спрашивает свою подопечную свинарка Лиля Пигусова. «Х-ррр»,— отвечает Машка. «Ну, а насчет питания как? Отру-



бей все-таки еще маловато?» «Х-ррр». «Вот ты и скажи это «х-ррр» председателю нашему: ведь двадцать деловых поросят за год дай ему по обязательству, а он, вишь, скупится на корма».

— Вот здесь,— говорит председатель колхоза «Коммунар» Иван Алексеевич Агафонов (фото вверху), — к весне появится еще тысяча новых парниковых рам, а вместе со старыми — две тысячи двести. Обогреваться будут трубами от котельной. В этом году и теплицу выстроим. А к 1956 году парниковых рам у нас будет пять тысяч!

2. На Украине

Когда знатная доярка Галина Борисенко из колхоза имени Хрущева делится опытом, выступая на совещаниях, она обязательно вспоминает о встрече с Александрой Ивановной Фроловой, дояркой раменского колхоза «Серп и молот», которая была в гостях у киевлян. Вкратце, но так, что всем понятно, Борисенко рассказывает, какие «секреты» ей, не таясь, открыла колхозница Подмосковья.

В Киево-Святошинском районе нередко говорят о происшедших событиях так: «Це зроблено після того, як у нас раменці побувалы»; или: «А було це тоді, колы мы у раменців гостювалы».

Районная газета «Більшовицьке слово» часто печатает заметки под рубрикой «У наших друзей в Раменском районе».

Председатель колхоза имени Хрущева Анатолий Владимирович Юрков после сентябрьского Пленума ЦК КПСС вместе с другими председателями колхозов Киевской области побывал на экскурсии в Раменском районе и вернулся с новыми планами.

В погожий, бесснежный декабрьский день в колхозе работает бульдозер, роющий просторный котлован. Машина остановилась, и из кабины выскакивают дети.

— Мои помощники, — шутит бульдозерист Иван Шапенко. — Еще читать не научились, а с машиной уже знакомы. Вполне посовременному!.. (фото внизу).

Иван Шапенко переехал сюда из города и участвует в колхозном строительстве.

— Мы о бульдозере и не мечтали, а нынче это не в диковину, — говорит колхозный агроном Владимир Петрович Волошко. — Здесь мы построим навозохранилище. Вручную копали бы долго...

В этот обычный декабрьский день во всех уголках колхоза идет трудовая жизнь. Строится водопровод. На рытье траншеи и прокладке труб заняты десятки колхозников. Траншея протянется на 800 метров — до новой животноводческой фермы.

Колхозу требуется все больше электроэнергии. Монтаж силовой подстанции ведут колхозные электрики Рябченко и Пантелеймон Моторный.

Колхоз решил строить теплицу на тысячу квадратных метров, с паровым отоплением. Строительство будет вести шеф — коллектив одного из киевских заводов.

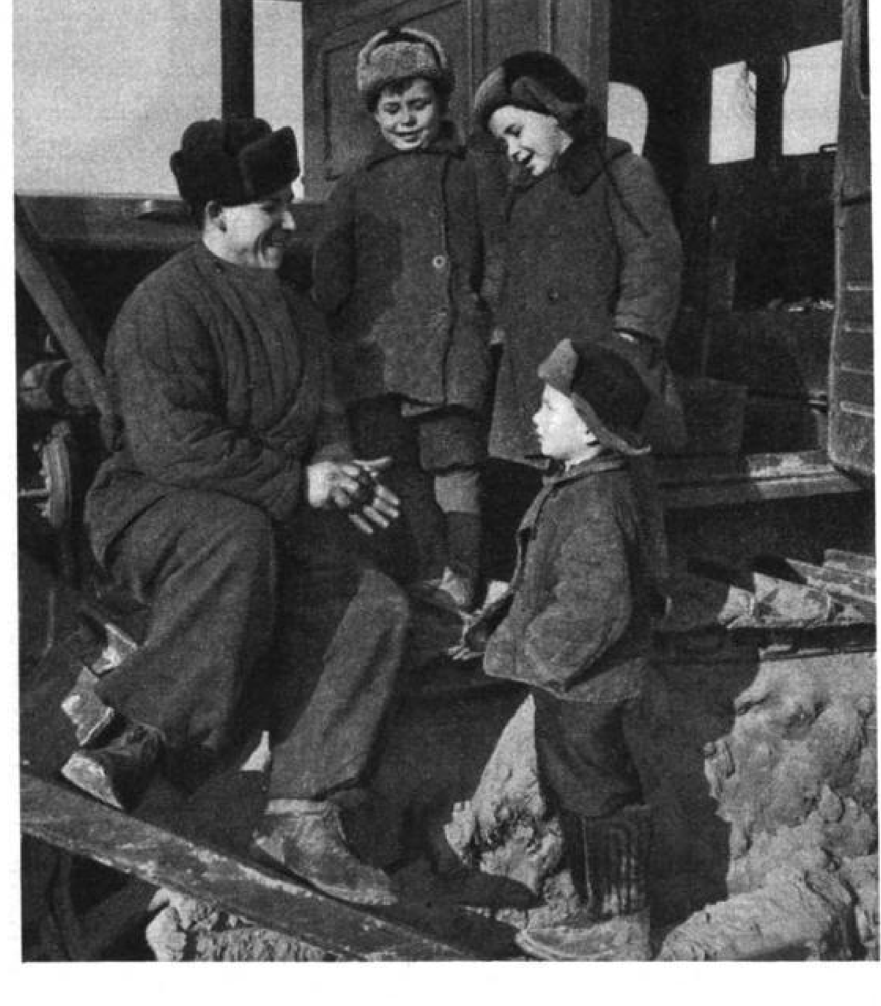
— Планы у нас большие и возможности огромные, — говорит Анатолий Владимирович Юрков. — В этом году получили доходу свыше двух миллионов четырехсот тысяч рублей. От «Коммунара» не отстаем!..

Вернувшись в правление, Юрков достал из стола письмо, в котором колхозники «Коммунара» рассказывают об итогах сельскохозяйственного года и поздравляют с успехами украинских товарищей.

«Ваше письмо мы читали на бригадных собраниях. Ваши успехи радуют нас...» — пишут на Украину.

В 1953 году колхоз имени Хрущева значительно увеличил валовой сбор зерна, овощей, кормовых корнеплодов, винограда, клубники, надои молока. Сейчас идет подготовка к весне. Как и в колхозе «Коммунар», на тысячу рам расширяются парники ранних овощей. Звенья Екатерины Ткаченко и Ульяны Топчий укрыли кагаты с картофелем двумя слоями соломы и земли.

Все колхозники живо интересуются делами товарищей из Подмосковья и шлют им привет. Шлет привет и маленький Саша, пожелавший сфотографироваться вместе со своим дедом Никитой Васильевичем Грищенко.



Наша сила

Любомир ДМИТЕРКО

1

Светлый праздник!
Ты идешь на площадь
По веселой улице, мой друг.
Ветер флаги на домах полощет,
Все лучами залито вокруг.
Киев наш!
Излучиной крутою,
Как рукою,
обнял
Днепр
поля.
Мы с тобою, Днепр!
Всегда с тобою!
В украинском сердце ширь твоя!
За тебя с врагом в жестоком споре
Бились мы у Волги,
через Дон
Шли на Ворсклу,
на Сулу̀,
и вскоре
Ты явился, как заветный сон.
Выплыл из осеннего тумана,
Звал
и к нам тянулся под огнем.
Не забыть той осени багряной,
Не забыть Слободки над Днепром...

2

...Шестого в ночь ноябрьским листопадом
Шуршал во тьме над танками Подол.
Ворвался с ними ветер Сталинграда,
И Киев, словно заново, расцвел.
Казалось, вновь каштанами апреля,
Как белым дымом, будет он повит.
Но враг в ту ночь еще таился в щелях,
Еще хватался он за динамит.
Вот вспыхнул дом, второй...
Взорвался третий...
Сыпнул горохом дробно автомат...
Вновь очутились мы на шаг от смерти,
Но твердо знали: нет пути назад!
Крещатик... Площадь... Рядом — переулок...
Споткнулся кто-то, вздрогнул и упал.
Огнем, как саблей, битва полоснула
И вдруг утихла.
Но танкист не встал.
Не встал отважный Шолуденко.
Тело
Мы предали земле,
отдав почет
Трехкратным залпом.
Битва вновь гремела.
Святая месть звала бойцов вперед!

Так мы и шли: от боя и до боя —
На Фастов, на Житомир и на Львов.
Из мертвых «тигров» памятник герою
Мы воздвигали на полях боев.

3

Тот первый день я буду помнить годы!
Пустой, безлюдный город... Тишина...
И вдруг, как берег заливают воды,
Когда с Днепра срывает лед весна,
Так люди хлынули...
И ожил город.
Шли из лесов, из тайников степных.
Сибиряка-танкиста и сапера
Из Вологды
встречали, как родных.
У стен Софии, где коня, как прежде,
Богдан Хмельницкий сдерживал едва,
Где к северу простерлась булава,
Как символ воплотившейся надежды,—
Объятья братьев я увидел вновь...
Мы знаем, в чем таится наша сила:
Для нас ворота Киева открыла
Любовь Ватутина и Шолуденка кровь,
Кровь сыновей Днепра, Шексны и Волги,
Кровь сыновей шестнадцати сестер...
...Стояли мы у памятника долго,
Что руку дружбы
к северу
простер.

4

Вечная слава героям, павшим в жестоких
боях!

Ватутина в Киеве мы схоронили...
Черемуха вновь распустилась в лесах,
Красуется в полном расцвете и силе.
А память о павших в народе живет,
К надгробьям склоняется зелень живая.
Вдоль этих надгробий дорога идет
В чудесное завтра родимого края.
Гранитный Ватутин стоит средь листвы,
И тонет в цветах Шолуденка могила...
У Киева в сердце
и в сердце Москвы —
Любви обоюдной
великая сила.
Мы ленинско-сталинской дружбой сильны.
Да будет вовеки она неизменна!
И в мирное время
и в годы войны
Для нас
эта братская дружба
священна!

Перевел с украинского
Дм. СЕДЫХ.

Моя республика

Иван НЕХОДА

В дружбе с Москвою

Жито на воле
На̀лилось в поле,
Комбайны с рассветом уходят вдаль...
Вечерней вестью —
Огней созвездья:
То запорожцы варят сталь!

Гиганты-заводы,
И нивы, и воды —
Все ты, Украина,
Все ты!
Ты в дружбе с Москвою —
Своею сестрою,—
Как солнце,
Сияй с высоты!

Волны Азова
Плещут сурово,
Но вышли шаланды: лова пора...
В донецкой шахте
Шахтер на вахте —
Там уголь идет «на-гора̀»!

Шаланды с сетями,
Копры над степями —
Все ты, Украина,
Все ты!
Ты в дружбе с Москвою —
Своею сестрою,—
Как солнце,
Сияй с высоты!

Слышит полсвета:
Трембита где-то,—
Гей! — с верховины пошел лесосплав...
Песни — за кручи,
Вышки — под тучи,—
Качает нам нефть Борислав!

Трембиты родные,
Края нефтяные —
Все ты, Украина,
Все ты!
Ты в дружбе с Москвою —
Своею сестрою,—
Как солнце,
Сияй с высоты!

Днепр за холмами,
Днепр за садами,
На волнах и лодка и два весла...
Солнце, букеты...
Когда на свете
Весна так привольно цвела!!

И Киев чудесный
И девичьи песни —
Все ты, Украина,
Все ты!
Ты в дружбе с Москвою —
Своею сестрою,—
Как солнце,
Сияй с высоты!

Песня о Киеве

На приднепровских живописных склонах
В листве-красе, кудрявой, словно хмель,
Вознесся Киев, весь в садах зеленых,—
Здесь древнерусской славы колыбель.

Весной у нас в подснежниках низины,
А соловьи! Заслушаетесь вы...
Любимый стольный город Украины,
Цветущий Киев, кровный брат Москвы!

Ты первым, Киев, вслед за русским братом
Взвил наше знамя красное в борьбе,
Ты в дни войны был доблестным солдатом,
Солдата Мира видят все в тебе.

Кварталы новых зданий — как на плане!
Гудки с «Ленкузницы», с «Большевика»...
На вахту мира стали киевляне —
Крута решимость и сильна рука!

В венке из новостроек ты все выше,
Ты хорошеешь, Киев, с каждым днем...
Мы строим мир, мы ветром стройки
дышим,
И счастье входит в наш веселый дом.

А только вечер — света переливы:
В огнях Крещатик — золота струя...
Сияй в созвездье городов счастливых,
Советский Киев — молодость моя!

Яхт белизна и парусов кипенье,
Сверкает Днепр, у берегов бурля...
Любимый Киев, молодей в цветенье
Под звездами московского Кремля!

Весной у нас в подснежниках низины,
А соловьи! Заслушаетесь вы...
Любимый стольный город Украины,
Цветущий Киев, кровный брат Москвы!

Перевел с украинского
Анатолий КУДРЕЙКО.

КИЕВ. Площадь Калинина.

Фото Н. Козловского

КИЕВ. Красноармейская улица.

Фото Б. Игнатовича

ХАРЬКОВ. Площадь Дзержинского. Фото Б. Вдовенко.

ГОРОД СТАЛИНО, ДОНБАСС. Улица Артема. Фото Я. Рюмкина.

В КРЕМЛЕ НА ЕЛКЕ

Красная площадь. Первый день нового, 1954 года. Снег хлопьями ложится на гранитные плиты Мавзолея, на шинели часовых, застывших у Спасской башни, одевает в белые шубы мохнатые ели...

Гостеприимно раскрылись в этот день кремлевские ворота. Притихшие от волнения, проходят за зубчатые стены маленькие москвичи. Они осматривают «Царь-пушку», «Царь-колокол», древние соборы, колокольню Ивана Великого... А вот и Большой Кремлевский дворец, куда направляются гости.

Георгиевский зал — замечательный памятник славы русского оружия — сверкает тысячами огней (снимок вверху). Посередине, вся в блестящих шарах и стеклянных бусах, огромная елка. Кружатся веселые хороводы, звенят песни. Через Святые сени дети попадают в круглый сводчатый зал — Грановитую палату. Замечательные русские умельцы — палешане братья Белоусовы — расписали ее стены. Сегодня танцуют и здесь (снимок справа).

Незаметно пролетает время. Вечерело, когда с подарками в руках выходила из Кремлевского дворца детвора (снимок внизу слева).

За время зимних каникул десятки тысяч московских школьников побывали в Кремле на елке.

...Недолго пустовали 1 января дворцовые залы. Девять часов вечера. Молодые рабочие и колхозники, комсомольские работники, десятиклассники собрались на бал-маскарад. Весело ведет программу Аркадий Райкин. Звучат задорные частушки двух подружек — в гости к молодежи приехал хор имени Пятницкого. Выступают артисты Большого театра Вера Давыдова, Иван Козловский, Павел Лисициан, Раиса Стручкова...

Не скучно и в антрактах между отделениями большого концерта. Молодежь в маскарадных костюмах окружила девушку в черном платье. Друзья Наташи Филипповой прощаются с ней (снимок внизу справа). Бал еще в самом разгаре, а Наташе пора уходить: через несколько часов она улетает в Лондон. Юная балерина в составе советской делегации примет участие в ежегодном фестивале студентов технического училища в Уолтемстоу...

Над Москвой опустилась ночь, а окна Кремлевского дворца все еще светились ярким светом.

Т. ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Фото А. ГОСТЕВА.

Народные выборы

Перед новым годом трудящиеся Румынии избирали депутатов в областные, городские, районные и сельские народные Советы. В тот же день болгарский народ выбирал депутатов Народного собрания. Выборы принесли полную победу кандидатам Фронта народной демократии Румынии и Отечественного фронта Болгарии.

Румыния. Крестьяне села Батош, Венгерской автономной области,— венгры, немцы, румыны — направляются к избирательному участку.

Болгария. Генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Вылко Червенков среди избирателей второго избирательного района Софии, где баллотировалась артистка Маргарита Дунаринова (справа).

60-летие И. А. Каирова

Исполнилось 60 лет Ивану Андреевичу Каирову, министру просвещения РСФСР и президенту Академии педагогических наук РСФСР.

В связи с 60-летием И. А. Каирова Верховный Совет СССР наградил его орденом Трудового Красного Знамени за заслуги перед Советским государством в области народного образования.

Имея многолетний опыт преподавания в педагогических высших учебных заведениях и в средней школе, широко общаясь со школьной молодежью и учительством, И. А. Каиров всесторонне знает жизнь школы. Он умело сочетает практику руководства народным образованием с деятельным участием в разработке теории советской педагогической науки, основанной на марксистско-ленинском учении.

И. А. Каиров руководит ответственной работой по усовершенствованию программ и учебников для средней школы и педагогических институтов, направленной на крутой подъём качества образовательной и воспитательной работы школы.

Приветствуя и поздравляя И. А. Каирова, я, старая советская учительница, горячо желаю ему долгих лет плодотворного труда.

Е. МАРТЬЯНОВА,
директор 29-й женской средней школы Москвы, депутат Верховного Совета СССР.

Пятнадцать именинников

Старейшие архитекторы Москвы. Слева направо: А. П. Волошенко, А. И. Скачков, Н. С. Зикеев, Я. И. Галкин, А. И. Орлов, С. Е. Антонов (впереди), Е. А. Трубников, С. С. Миколенко, П. Л. Славкин.

Фото Я. Рюмкина.

В зале, где собрались гости, много говорили о долголетии. Для этого были основания: пятнадцати именинникам, которых чествовали, минуло в общей сложности 1 080 лет: шестерым исполнилось по семьдесят пять, девять человек праздновали семидесятилетие.

В Союзе советских архитекторов несколько лет тому назад была создана секция старых архитекторов. В ней состоят столичные зодчие старше шестидесяти лет — около двухсот человек. Старейший из них — Дмитрий Петрович Сухов, известный архитектор, ученый, педагог. Ему исполнилось 86 лет.

В конце года, когда на отрывном календаре остаются считанные листки, секция устраивает именины — чествует тех, кому минуло семьдесят, семьдесят пять и больше лет. Первый раз было 5 юбиляров, каждый праздновал свое семидесятипятилетие. Через год оказалось 9 именинников, одного из них поздравляли с восьмидесятилетием.

На днях мы присутствовали в празднично убранном зале, где товарищи, друзья и родные приветствовали 15 именинников, проживших большую и интересную жизнь, отдавших любимому делу в общей сложности более 700 лет жизни.

На стенах зала свидетельства о творческих успехах юбиляров: здесь размещены рисунки, проекты, схемы жилых домов, фабричных корпусов, больниц, клубов, театров.

Алексей Иванович Скачков. Еще в начале нынешнего века он стал гражданским инженером, директором первой в России школы огнестойкого строительства и печного мастерства, организованной Новгородским земством. Им построено более двухсот огнестойких зданий, и до сих пор стоят они нерушимыми.

Алексею Ивановичу никак не дашь 75 лет.

— В чем секрет вашей молодости? — спрашивали его коллеги.

— 128 движений! — коротко отвечал он. Выяснилось, что речь идет об утренней зарядке, о ежедневных холодных умываниях и обтираниях жестким полотенцем докрасна.

— А против Орлова не устоять! — замечает кто-то.

— Против Орлова — нет, — тотчас соглашается Алексей Иванович.

Орлова, его тоже зовут Алексеем Ивановичем, славился некогда богатырской силой. Даже профессиональным силачам, выступавшим в цирке, он легко сгибал руки. До двадцатилетнего возраста Алексей Орлов ходил в борозде за волами, косил пшеницу, работал на отцовском куске земли. Учиться ему удалось лишь впоследствии, а в 35 лет Алексей Иванович стал архитектором, участвовал в проектировании Казанского вокзала в Москве, много строил и в селах и в городах страны.

Рядом с Орловым сидит его сверстник Степан Силович Миколенко. В судьбах их есть нечто общее. Много лет проработал Миколенко столяром на фабриках и заводах, участвовал в забастовке в 1905 году, был уволен и взят под надзор полиции. Долгие годы скитался по строительствам, был десятником и в Киеве, и в Смоленске, и в Москве. Октябрьская революция застала его в действующей армии. Его избирают председателем дивизионного Совета солдатских депутатов. Демобилизовавшись, уже при Советской власти, он начинает учиться и тоже в 35 лет получает диплом архитектора. Миколенко строил заводы, школы и больницы.

Среди юбиляров Сергей Ефимович Антонов, он выделяется широкой, окладистой бородой. Антонов отпустил ее еще в армии, во время первой мировой войны. На этой войне он был ранен и контужен.

Пройдитесь по столичным улицам — и вы увидите плоды труда Антонова: дом на углу Каланчевской и Домниковской, дома на Сретенье, Большой Полянке, Пятницкой, в Бродниковом переулке.

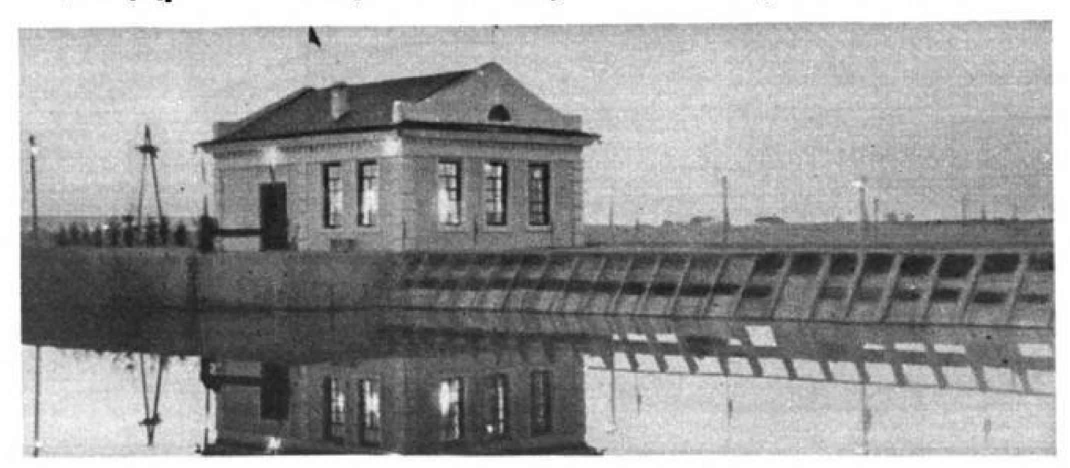
Трагически началась жизнь убеленного теперь сединами профессора Якова Иосифовича Райха. В день его рождения, в 1883 году, военный суд в Одессе вынес приговор о повешении его отца-народовольца. Казнь была заменена ссылкой в Якутию. Восемнадцатилетняя жена ссыльного, захватив четырехмесячного сына, поехала следом за ним. Четырнадцать лет прожила семья революционера в далеком и суровом краю.

Не все именинники занимаются проектированием и строительством. Иные увлеклись литературной, педагогической работой, некоторые по состоянию здоровья ушли на пенсию. Все они горячо аплодировали одному из юбиляров, который, говоря о преклонных годах человеческой жизни, воскликнул:

— Да здравствует осенняя, счастливая, плодоносящая пора!

Я. МИЛЕЦКИЙ

Гидростанции на реках Орловщины



Шаховская ГЭС. Вид ночью.

Фото В. Щеголева.

Дон, Ока, Сосна, Зуша — около 250 больших и малых рек протекает по территории Орловской области. Их общая протяженность превышает 5 тысяч километров.

Много гидростанций построено на Орловщине. Только за последние 10 лет здесь сооружено свыше 80 сельских ГЭС.

Недавно состоялся пуск Шаховской гидроэлектростанции. Это пятая ГЭС, построенная на Приокском каскаде. Колхозы Кромского района механизируют животноводческие фермы. В домах появляются электрические плитки и утюги, заговорили радиоприемники.

На днях закончено сооружение Касимовской ГЭС. В ближайшее время ток дадут крупные гидроэлектростанции — Лыковская и Орловская.

В рассказе И. С. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи» изображен заброшенный край, тяжелая крестьянская доля. Ныне вдоль реки Красивая Меча выросли электрифицированные и радиофицированные колхозы, совхозы и МТС. Лишь одна Сергиевская межколхозная ГЭС имени И. В. Сталина дает ток почти 60 колхозным селам и освещает районный центр — село Красное.

А. ВЯЛКИН

Первая встреча с Ялмаром Андерсеном

Самый интересный забег матча. Дмитрий Сакуненко (слева) и Ялмар Андерсен ведут борьбу на дистанции 5 000 метров.

Фото Н. Волкова.

Пущены секундомеры судей. Два скорохода устремились вперед по ледяному кругу, освещенному лучами прожекторов. То один, то другой пытается вырваться вперед, и зрители, заполнившие до отказа трибуны малого стадиона «Динамо» в Москве, не могут оторвать глаз от этой все нарастающей борьбы на дистанции 5 000 метров.

Кто же эти упорные соперники? Один из них — неоднократный чемпион мира, победитель последних олимпийских игр, норвежец Ялмар Андерсен, другой — молодой скороход из Владимира Дмитрий Сакуненко. Только на последней прямой удалось Андерсену опередить своего соперника, о котором он до сих пор ничего не слыхал.

— Кто он, Сакуненко? — удивленно спросил Андерсен, закончив бег.— Я никак не рассчитывал на такую упорную борьбу.

Еще не раз приходилось удивляться известному норвежскому спортсмену. Приехав в Москву и впервые встретившись с советскими конькобежцами, Андерсен рассчитывал на то, что ему придется вести борьбу с двумя известными ему скороходами — Олегом Гончаренко и Борисом Шилковым, а в команде СССР оказалась целая группа очень сильных молодых конькобежцев. Что знали норвежцы о возможностях Евгения Гришина? Что слышали они о таких совсем молодых скороходах, как Юрий Кислов и Валентин Радышевцев, которые еще в прошлом году выступали на соревнованиях школьников?

Именно об этом и говорил в первую очередь Ялмар Андерсен, делясь своими впечатлениями о матче сборных команд Норвегии и СССР.

«СССР имеет теперь шесть—семь скороходов высшего класса»,— заявил Андерсен корреспонденту агентства Франс пресс. «Я поражен успехами советских спортсменов, достигнутыми за последние годы. Россия может рассчитывать на многие победы в международных встречах»,— сказал олимпийский чемпион представителю газеты «Морген тиднинген». «Я никогда еще не участвовал в столь тяжелых забегах, как в Москве, я никогда не напрягал своих сил так, как там», — признался Андерсен корреспонденту газеты «Верденс ганг».

Такую оценку дал конькобежцам СССР один из лучших скороходов мира. Он выиграл в Москве две дистанции — 5 000 и 10 000 метров, но этого оказалось недостаточно, чтобы стать победителем соревнования.

Как известно, победителем считается тот спортсмен, который в сумме четырех дистанций наберет наименьшее количество очков (наименьшее потому, что в конькобежном спорте в основу подсчета берутся секунды. Чем быстрее пробежит дистанцию скороход, чем меньше он потратит на это времени, тем меньше очков он получает). Андерсен оказался лишь на девятом месте в беге на 500 метров, хотя закончил дистанцию сравнительно неплохо — за 45,5 секунды. В беге на 1 500 метров он занял только восьмое место и, таким образом, в сумме четырех дистанций показал третий результат.

Победителем международной встречи Норвегия —СССР стал ленинградец Борис Шилков. Этот прекрасный скороход сумел точно распределить свои силы на всех дистанциях. Он занял третье место на 500 метров, первое — на 1 500 и четвертые места на 5 000 и 10 000 метров. Таким образом, Шилков набрал 193,118 очка. Отличный итог!

Исключительный успех выпал на долю Дмитрия Сакуненко, который трижды выступал в паре с Ялмаром Андерсеном. Еще никогда за свою короткую спортивную жизнь не удавалось этому молодому конькобежцу добиться такого высокого результата. Сакуненко занял общее второе место, опередив, таким образом, олимпийского чемпиона Андерсена и абсолютного чемпиона мира Гончаренко.

К встрече норвежских и советских конькобежцев внимательно приглядывались спортсмены, тренеры, журналисты многих стран. Газеты посвятили конькобежной встрече в Москве подробные отчеты. Так, например, спортивный обозреватель «Морген бладет» Нифф пишет:

«Никто не ожидал норвежской победы в Москве, но, пожалуй, никто не ожидал такой демонстрации всестороннего мастерства русских на ледяной дорожке, как это сделал Шилков и его товарищи. Мы оказались мальчишками перед ними...»

Газета «Морген постен» так оценивает победу советской команды:

«...русские в рекордно короткое время продвинулись фантастически далеко, и их особый ритм бега приведет к еще большему триумфу. Они сохраняли ритм во время всех забегов. Наши скороходы многому научились».

Первый международный матч сезона радует высокими результатами почти всех участников нашей команды. Достаточно сказать, что из десяти первых мест семь заняли советские скороходы. Каждый из них набрал меньше 200 очков. А ведь еще совсем недавно результат в 200 очков в сумме многоборья считался высшим достижением.

Закончилась борьба двух сильнейших команд мира, но встреча норвежских и советских скороходов — это только первая проба сил перед крупнейшими международными соревнованиями нынешнего сезона.

СПОРТИВНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Разговор с полярниками

Летят белокрылые чайки —
Привет от родимой земли...

Когда в эфире раздаются слова этой песни, советские радисты на острове Шпицберген подстраивают приемную аппаратуру: их вызывает Москва. Песня, которая служит позывным сигналом специальной радиопередачи, была написана несколько лет тому назад под Новый год родственниками зимовавших в Арктике полярников. Ее положили на музыку, передали в эфир. С тех пор этой песней начинаются традиционные передачи «Разговор с полярниками Шпицбергена». А для раций других зимовок есть свои позывные-песни.

Участники новогодней передачи: мать магнитолога-полярника Серафима Ивановна Михайлова, ее семилетняя внучка Таня, диктор Лина Шашкова.

Фото Я. Рюмкина.

Мы можем представить только по восторженным, благодарственным телеграммам, что делается во время такого радиоразговора там, на дальнем Севере. Но слезы радостного волнения, прерывающиеся голоса выступавших перед микрофоном — их мы видели и слышали под Новый год в Москве, в студиях Главного управления радиоинформации.

Особенно волнующими были выступления детей. Взобравшись на стул, карапузы, вроде Вовочки Ртищева, сказавшего только: «Папа и мама, я стал большой, до свиданья», — укладывали свои «радиоречи» в несколько секунд. Пятилетние музыканты наигрывали на скрипках-«восьмушках» «Полечки» и «Колыбельные». Дети отходили от микрофона, приветственно кивая головой и помахивая руками.

Но и взрослые говорили так проникновенно и задушевно, будто разговор проходил не «на слуху» у тысяч, а при встрече с глазу на глаз.

Время каждому отведено короткое, а хочется рассказать о многом. Вот у полярника Виктора Ивановича Володина на Большой Земле 13 человек в семье, о каждом ему нужно передать хоть несколько слов. И идет торопливое перечисление свадеб, рождений, новоселий.

За год произошло так много важных событий, радостных изменений! «Наде дали комнату в центре. Справили новоселье, вспомнили тебя, подняли тост за полярницу. И наши бытовые условия улучшились — провели газ, водопровод. Времени свободного у меня стало больше»,— сообщает Тамаре Васиной ее мать. «Ты не узнаешь Москву, так она похорошела»,— дополняет рассказ матери сестра Валентина. «Получили за выслугу лет. Предполагаем приобрести машину «Москвич» и на ней встретить тебя, когда ты вернешься»,— говорит Ардалиону Васильевичу Мосолову сестра Евгения. «Посадила в нашем садике новые сорта крыжовника и смородины, купила привитые павловские лимоны, так что к твоему приезду у нас будут свои лимоны»,— рассказывает Василию Александровичу Разумовскому жена Александра Еремеевна.

В разговоре с полярниками принимали участие не только москвичи. Управление радиоинформации через своих корреспондентов записало на пленку выступления в разных городах. У полярников, работающих на рудниках Шпицбергена, особенно много родственников в Донбассе. В эфире звучали голоса шахтеров из города Новошахтинска, из города Шахты. Обращаясь к сыну — навалоотбойщику,— Александр Николаевич Чернышков рассказал о делах донбассовцев, о том, что «никогда на шахтах не было столько промышленных и продовольственных товаров, как сейчас». И еще сказал он: «Много радости принесло нам сообщение, что ты, Сеня, передовой рабочий шахты! Мы все верим, что и впредь ты не подкачаешь и постоишь за нашу шахтерскую славу».

Кончилась передача, и Полярной станции Главсевморпути сообщили, что слышимость была хорошая, магнитные бури не мешали.

Голоса родных, друзей, знакомых придали новые силы зимовщикам, которые во тьме полярной ночи не чувствуют себя оторванными от Большой Земли.

И. АГРАНОВСКИЙ

Матчи шведских и московских хоккеистов

Момент хоккейного матча между командами «АИК» (Швеция) и «Динамо» (Москва).

Фото А. Бочинина.

Шведские хоккеисты впервые посетили Москву. Все встречи закончились победой советских спортсменов. Они быстрее скользили по льду, лучше владели клюшкой и более метко посылали шайбу в ворота.

Это преимущество сказалось в первом же матче, когда игроки клуба «АИК» встретились с московскими динамовцами. Несмотря на сильную игру шведских защитников и особенно вратаря Л. Свенссона, хозяева поля добились победы со счетом 4 : 0.

Московские хоккеисты общества «Зенит» встретились с командой «АИК» в первый день нового года и выиграли со счетом 5 : 0, а хоккеисты ЦДСА добились победы, забросив 13 шайб и пропустив только одну.

На Переяславской Раде

Павло ТЫЧИНА

Звон несется колокольный,
топот ног и стук копыт.
Люди движутся на площадь, —
Переяслав весь гудит...

Вновь война! Да нет же — братство,
дружбы светлая пора!
В небе голуби сверкают,
словно блестки серебра...

Вот Богдан из храма вышел,
он народу бьет челом;
с ним боярин, тот, что прибыл
из Москвы к нему послом.

Бутурлин идет с Богданом,
все посольство — погляди!
Ой, какой денек хороший,
сколько счастья впереди!

Расступился круг народа,
на помосте гетман встал.
Стройный лес флажков багряных
на ветру затрепетал.

Вот колокола утихли, —
только дышат казаки:
будет вечной наша дружба
и объятия крепки.

И тогда Богдан Хмельницкий
гордо поднял булаву:
— Вижу, братья, как вы рады,
сам я радостью живу!

К нам приехал из России
верный друг, надежный друг.
Гляньте, как сияет солнце,
что ни день — светлей вокруг.

Что еще сказать вам, братья!
Много мы знавали бед...
Ближе русского народа
и роднее в мире нет!

К нам враги ломились в хату —
нет им края и конца...
Но к России мы с любовью
обратим свои сердца!

Как султана мы отбили,—
глянь, а шляхта тут как тут...
Лишь в Москве надежды наши,
все пути в Москву ведут!

Наш язык и кровь — родные,
перед нами — общий враг.
Час пришел объединиться
здесь, на Альты берегах!

И гремит повсюду «Слава!»,
каждый счастлив, каждый рад.
— Дружба, верность и единство,—
люди всюду говорят.

А посол, лишь только стихли,
руку к ним простер свою:
— Я от русского народа
вам поклон передаю!

И опять грохочет «Слава!»,
и опять шумит народ:
к нам в содружестве с Москвою
время новое придет.

И в словах его сердечных
столько света и тепла, —
был язык понятен русский,
речь понятной всем была.

Как одна, казачьи шапки
полетели в облака...
Пусть отныне наша дружба
будет прочной на века!

Звон несется колокольный,
топот ног и стук копыт...
Всюду радуются люди, —
Переяслав весь гудит...

Перевел с украинского
Мих. МАТУСОВСКИЙ.

ШТУРМ ШКЛОВА

Из II тома романа «Переяславская Рада»

Натан РЫБАК

Рисунки М. ДЕРЕГУСА
к украинскому изданию романа.

В то лето зловещие языки пламени багрово подымались у края неба, и едкий запах гари стоял на дорогах.

Днем и ночью, строго придерживаясь заранее установленного порядка, шли войска. Вздымала пыль конница. Обливаясь потом, подталкивали на взгорках и выбоинах пушкари свои пушки. Перекинув ноги через грядки телег, ехала пехота. Время от времени над полем, над пустынными, безлюдными селами, сожженными войском Радзивилла, взлетала в чистое, безоблачное небо песня, а больше шли молча, терпеливо ожидая наступления вечера, когда можно будет отдохнуть.

Белокорые березы печально клонились долу, точно, гонимые жаждой, искали воды на земле: по всему видать, с неба дождя ожидать не приходилось. Кланялись березки и пешему и конному, шелестя преждевременно высохшей, покрытой дорожной пылью листвой.

А небо висело прозрачное и бесконечное, такое же, как над Корсунем или над Чигирином, словно не земля Белой Руси расстилалась кругом, а те же приднепровские земли и бескрайние поля Полтавщины.

Именно это бросилось в глаза наказному гетману Ивану Золотаренку, когда он, слезая с коня, остановился у деревянной каплички[1] на краткий отдых.

Казаки проворно разостлали под березой коврик, раскинули шатер. Есаул воткнул в землю древко с бунчуком. Ветер подхватил бунчук и весело взвеял его над почернелой тесовой крышей каплички.

Седой ворон, сидевший на гребне крыши, недовольно взмахнул крыльями, гортанно крикнул и отлетел в бурьян.

Кто-то из казаков небрежно пустил ему вслед стрелу, и она, вонзившись в землю, еще долго трепетала над выгоревшими стеблями полыни.

Золотаренко снял шапку, вытер потный лоб и сел на ковер, поджав под себя по татарскому обычаю ноги. На этом месте он уговорился ожидать прибытия князя Трубецкого. Войско между тем двигалось дальше, к широким лугам Шкловской поймы, где должно было стать табором.

Золотаренко зажмурился. Странно было слышать однообразный шум и грохот, немолчным потоком струившийся сбоку, не видя ни лиц казаков, ни сотен телег, пушек, лошадей, волов... Уже две ночи ни он, ни войско вовсе не спали. Нужно было, не теряя времени, еще до сумерек выйти на Шкловку, и только теперь, когда наказной гетман увидел, что полки придут туда раньше, он успокоился.

Послышались шаги. Золотаренко открыл глаза. Перед ним стояли Гуляй-День, полковник Гремич, обозный Полуботок, полковник Лизогуб и есаул Горицвет. Он указал им рукой на ковер.

Они уселись было,— но тут же все поднялись на ноги, заслышав трубы. Выйдя вместе с Золотаренком из шатра, все увидали, как с востока на дорогу вынеслись несколько всадников и галопом поскакали к капличке.

— Князь Трубецкой! — радостно воскликнул Золотаренко.— По коням, и навстречу!

У села Охримовичи стрелецкое и казацкое войска соединились.

Вечером в шатре Золотаренка состоялся военный совет, на котором решено было, основываясь на добытых сведениях, не дать войску Радзивилла выйти на Смоленский шлях, навязать ему бой и в то же время штурмовать у него за спиной Шклов, чтобы, разгромленный, он не смог отсиживаться за стенами крепости.

Князь Трубецкой привез радостные вести о падении Полоцка и о выходе стрелецкого войска на Двину.

Гуляй-День внимательно слушал полковников. С того дня, как он с низовым полком покинул Великий Луг и стал под бунчук наказного гетмана, многое переменилось в его жизни.

Низовики, идя на запад через всю Украину, увидали ее села и города как бы в обновах. Будто переродились люди. Выходили казакам навстречу целыми селами и далеко провожали. Желали казакам:

— Вы там Радзивилла побейте, а мы тут — Потоцкого и татар!

В селах оставались только женщины, старики и дети. Хлопцы, у которых еще и усов на губе не было, и те пошли в казаки... Радовали глаз колосящиеся нивы. Была надежда: может, в этот год не испепелит их война.

Пернач[2] в руке Гуляй-Дня уравнял его с полковниками, сидевшими теперь на ковре, нагнувшись над картой, рядом с князем Трубецким и наказным гетманом Золотаренком. «Но надолго ли сравнял меня с ними пернач наказного полковника?» — невольно думал Гуляй-День, но думал без тревоги за себя, а скорее со смехом в душе.

Полуботок и Лизогуб недобрым глазом косились на низового атамана. К чему было звать его сюда? И того довольно, что при встрече русского воеводы присутствовал. Все это выдумки Золотаренка. Легкой славы ищет, братается с низовой голотой. Ездит к ним в табор, песни с ними орет, пьет горилку, а Гуляй-День ему будто побратим давний.

Гуляй-День замечал недовольные взгляды полковников. Но они его мало трогали. Сейчас не эта забота тревожила сердце.

Военный совет решил: низовому полку вместе с пушкарями князя Трубецкого обложить крепость Шклов, взять ее на аккорд. Штурм начать, как только конница Радзивилла втянется в сражение с объединенной конницей московской и казацкой. Тем временем донскому полку атамана Медведева надлежало углубиться в расположение врага и выйти на дорогу Шклов — Вильно, чтобы отрезать армии Радзивилла возможность отхода в этом направлении.

Один за другим покидали шатер полковники. Гуляй-День поднялся тоже.

Трубецкой обратился к хмуро молчавшему военачальнику:

— Полковник Цыклер, тебе выступать вместе с атаманом Гуляй-Днем.

Цыклер, все время сидевший в углу на барабане и грызший короткую вишневую трубку, тяжело поднялся, буркнул недовольно:

— Слушаю господина воеводу.

Стоял рядом с Гуляй-Днем, искоса поглядывал на него.

— Наказной атаман Гуляй-День,— Золотаренко улыбнулся благожелательно.— Штурм Шкловской крепости не игрушка. Либо на коне либо под конем тебе быть. Запомни! Должен взять!

Гуляй-День только кивнул головой.

И то, что он ничего не сказал, тоже не понравилось Полуботку и Лизогубу. Они переглянулись.

[1] Часовенка.

[2] Полковничья булава.

Цыклер обиженно сопел. Не ему подчинили все войско, а этому черкашенину, который с виду больше похож на черносошного мужика, чем на генерала! Что у него за спиной? А он, Цыклер, служил и королю польскому и курфюрсту саксонскому и шесть месяцев обучал пушечному делу султанских янычаров... Черт дернул его послушаться Шемберка и стать на русскую службу! Не лучше ли было податься в Шведское королевство, когда возможность была...

И когда Цыклер уже ехал рядом с Гуляй-Днем в лагерь низовиков, а позади них грохотали на дороге его пушки, он все еще думал об утраченной возможности перейти на службу к шведскому королю. Только когда пришла в голову мысль, что сделать это и сейчас не поздно, он успокоился и ломаным языком сказал Гуляй-Дню:

— Я брать штурмом десять фортеций... Имею саблю от короля польского Владислава Четвертого, звезду с алмазами на лазоревом атласном поясе от саксонского принца, сам царь Алексей Михайлович пожаловать мне маетность под Москвой...

Гуляй-День усмехнулся. Его не жаловали ни короли, ни принцы...

Цыклер снова обиделся. Ожидал восторженного удивления со стороны черкашенина. А он точно воды в рот набрал. Цыклер отъехал в сторону, покрикивая на пушкарей:

— Дьяволы, скорее! Я вас, доннер-веттер! Я вас...

Гуляй-День помотал головой. Подумал: вот кабы кто-нибудь из этих дьяволов погладил тебя, чучело, по затылку, криком подавился бы!

Степан Чуйков шел при своей пушке и, хотя не на него кричал Цыклер, чувствовал: вся злоба ему, а не тихому Уточкину, к которому придрался полковник.

С того дня, как он пригрозил Цыклеру, между ними установилась безмолвная, но страшная вражда. На стороне Чуйкова было то преимущество, что он Цыклера не боялся, а Цыклер, люто ненавидя этого сильного русского солдата, отчаянно боялся его. Ему по ночам мерещилось, что в шатер прокрадывается этот, с серьгой в ухе, дерзкий солдат и кидается на него с ножом. Цыклер не раз прислушивался к тревожной, напряженной тишине и украдкой приподымал полу шатра, проверяя, не спят ли часовые.

У Цыклера была надежда, что Чуйкова убьют в бою. Больше того, полковник с умыслом поставил под Невелем пушку Чуйкова в таком месте, где его неминуемо должны были захватить в плен польские рейтары. Но проклятый русский отбился от отряда рейтаров да еще в плен взял с десяток.

Когда Цыклер после боя обходил ряды пушкарей, он увидел перед собою улыбающееся лицо Чуйкова, но в глазах пушкаря не было смеха. Озноб пробрал Цыклера. Он злобно выругался и пошел прочь.

Сделалось так, что им двоим уже тесно было на белом свете. И Цыклер уже не мог думать ни о чем ином, как о том только, чтобы сжить со свету этого проклятущего солдата. Сняв с него цепи по приказу стрелецкого воеводы Артамона Матвеева, он уже не осмеливался придираться к пушкарю и срывал злость на других. Это понимал Степан Чуйков, идя за своей пушкой, перекидываясь короткими фразами с товарищами.

К вечеру стрелецкий полк Цыклера прибыл в расположение низового войска. Казаки высыпали из лесу, где они стояли табором. Кинулись к стрельцам с радостными возгласами.

Цыклер хмурился. Пошел в шатер Гуляй-Дня. Недоверчиво слушал, что говорил Гуляй-День. Выходило, черкасский полковник доподлинно знал, сколько именно и где стоят пушки в крепости, где находятся башни с порохом, какие полки охраняют Шклов и кто из регментарей во главе их.

Услыхав имя Франца Вейде, Цыклер с почтением сказал:

— О, это известный во многих странах рыцарь!

— А мы его побьем! — твердо возразил Гуляй-День.

Цыклер возмутился:

— Много на себя берешь!

Но Гуляй-День только рассмеялся:

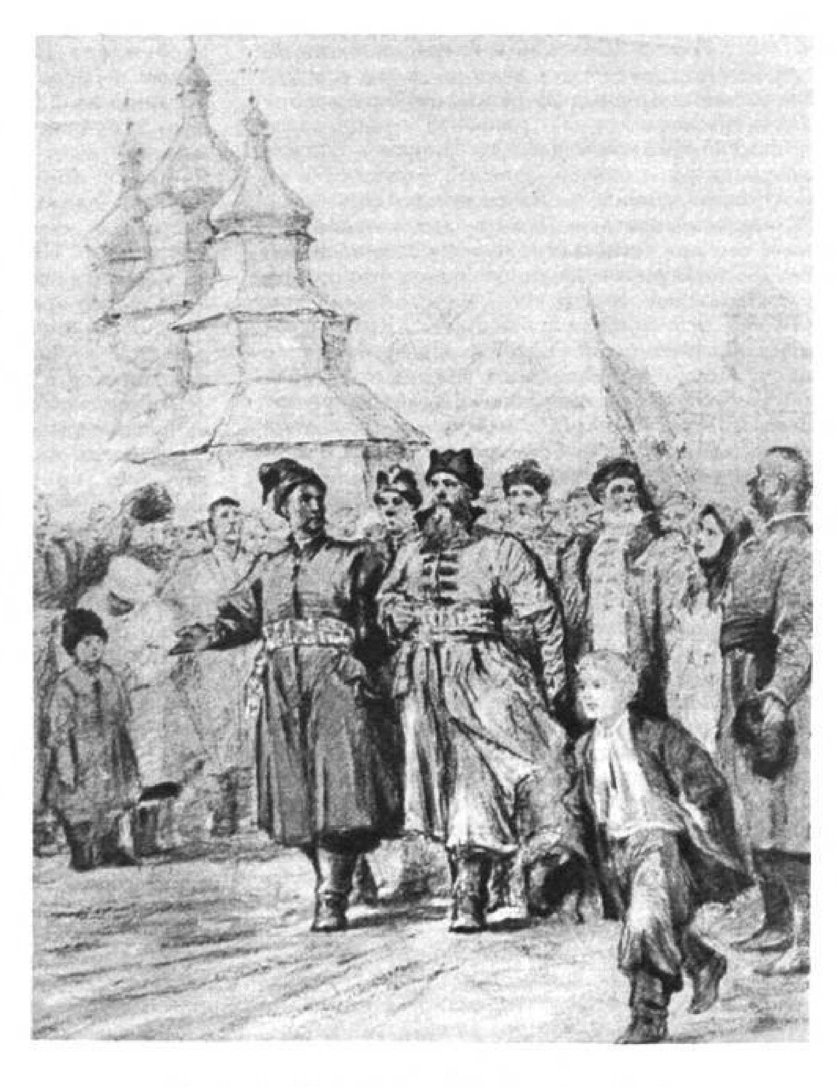
— Увидишь!

...Ночью, когда стрельцы и казаки сидели вокруг костров, толкуя о своем житье-бытье, Тимофей Чумак стоял перед Гуляй-Днем, внимательно выслушивая его распоряжения.

— Переоденешься ляхом, возьмешь у Подопригоры драгунскую одежу и что есть духу катай к Огнивку. Дорогу хорошо знаешь. Не первый раз ехать. Скажи Омельку, пусть начинают в воскресенье. День подходящий. Паны в костел пойдут, базар, наверно, там у них в Шклове будет, кажется, и банкет какой-то должен быть... Наказной гетман передавал...

— А мне с ними оставаться? — спросил Чумак.

— Хочешь в самом пекле побыть?


Встреча первого русского посольства в Конотопе.

— Хотелось бы повидать, как дьяволы-иезуиты перед смертью пляшут.

— Ладно. Погляди. А коли умирать придется, смотри, казаком будь.

Чумак только поклонился Гуляй-Дню:

— Челом тебе, атаман.

— Счастья тебе, казак!..

В Шклове — будто сейм собрался. Множество родовитой шляхты съехалось.

На площадях и улицах шум и гам, стучат колесами кареты, рыдваны, повозки, телеги и арбы. Шляхтичи и шляхтянки кучками собираются возле домов. Иные из панов хохочут, лихо подкручивая усы, кто жалуется, а кто грозит крепко стиснутым кулаком куда-то в степь, зеленеющую под стенами города.

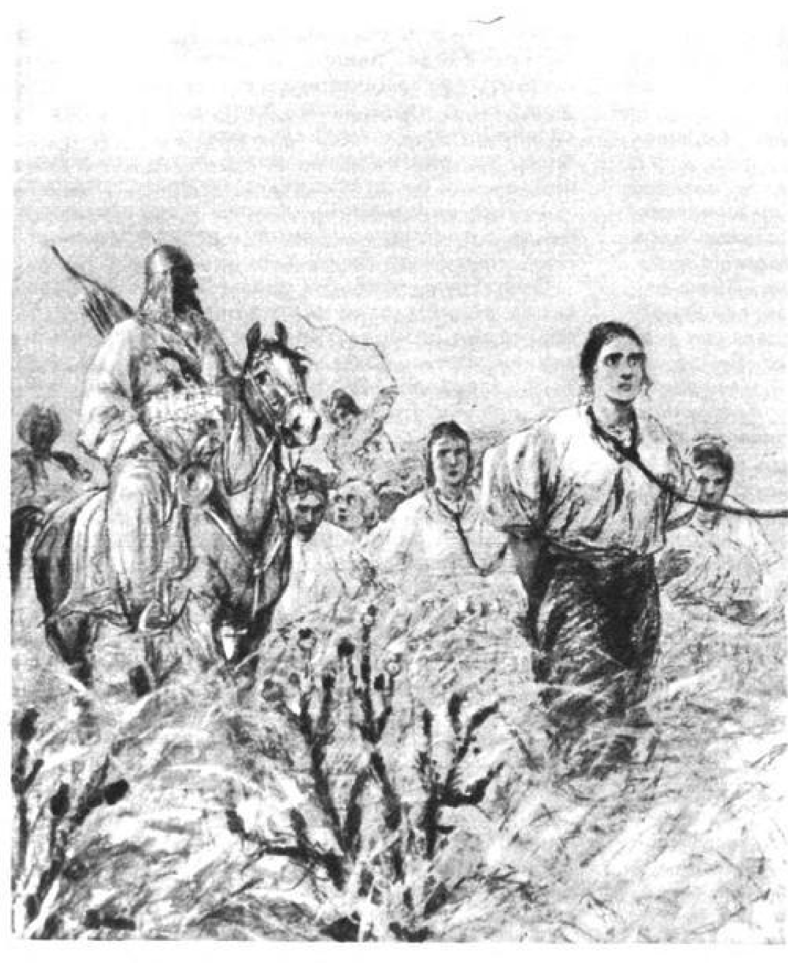
Из окон, растворенных настежь, где слыхать пьяный крик, где песня льется, а где музыка играет.

Между людьми и телегами ходят монахи-доминиканцы в длинных белых рясах, прислушиваются, о чем речь идет, наставляют упавших духом, восхваляют панов, которые рвутся скорее в битву с чернью и московитами.

Слухов и речей столько, что сразу всего не запомнишь. Одни говорят, будто бы король с великой чужеземной армией, при которой состоит сам французский принц Конде, выступил уже из Гродна. Другие рассказывают, что император римский Фердинанд III выслал двадцать тысяч своих гвардейцев и что у них такие мушкеты, которые выпускают по десять пуль сразу. А один шляхтич клялся на сабле перед корчмой «Три дамы», будто бы своими глазами видел, как к королю проскакали верхами послы от царя Московского просить мира, и слыхал он от русского воеводы, что Хмельницкий связан по рукам и по ногам и держат его в царском лагере, и как только мир будет заключен между королем и царем, схизмата[1] повезут в Варшаву, где и четвертуют...

Пан Яблоновский, подсудок шкловский, услыхав от приятеля, что Хмельницкого бросили в темницу и собираются четвертовать, возразил:

— Як бога кохам, то есть легкая смерть для схизмата, клянусь Бахусом и Венерой! Я буду


Увод татарами пленных.

[1] Так католики называли православных.

просить нашего ясновельможного короля, чтобы этого Хмеля посадили в клетку, как зверя, и возили по шляхетским замкам. А мы все будем плевать ему в лицо и кормить раскаленным железом...

Пани Яблоновская даже в ладоши захлопала:

— Как знаменито мой Ясь придумал!

Шляхтичи хохотали. Пили медок, желали хозяину сто лет жить и под музыку отбивали коваными каблуками такую мазурку, что стены тряслись.

Но не все танцевали мазурку. Кому пришлось бросить свою усадьбу, убегая от черни или от московско-казацкого войска, тот зубами скрежетал. Все шляхтичи знали: Радзивилл оставил Шклов и выехал к войску, дабы возглавить генеральную баталию под Борисовом. В нетерпении спрашивали друг друга:

— Когда же ясновельможный гетман даст бой схизматикам?

...Омелько Трапезондский, переодетый шляхтичем, вместе с Олесем Самусем, который выдавал себя за слугу, собрался в дорогу. В четверг вечером к западным воротам Шклова подъехал старенький рыдван, запряженный парой лошадей. Страже у ворот владелец рыдвана шляхтич Гошковский со слезами на глазах рассказал про свою страшную встречу с казаками. Из его слов выходило, что эти разбойники вместе с гультяями какого-то Михася Огнивка бесчинствуют в двух милях от Шклова и что он с единственным слугой своим насилу вырвался из их лап.

Тридцать злотых, умело сунутые шляхтичем караульному солдату, сделали свое дело, тем более что позади уже покрикивали другие шляхтичи в повозках и колымагах. Шляхтича Гошковского с его слугой впустили в город.

А на другой день, как это выяснилось позднее, шляхтича Гошковского видели в корчме «Три дамы», где он угощал питьевым медом нескольких других панов, потом видели его на площади перед монастырем доминиканцев, потом — возле дома полковника Франца Вейде, потом встретили его в предместье, где изнывали от страха православные мещане. Поздно вечером в пятницу он вместе со своим новым знакомцем, паном Шумовским, пировал у старого приятеля Шумовского — подсудка Яблоновского.

Шумовский, изрядно угостившись мальвазией и еле держась на ногах, бил себя кулаком в грудь и всем рассказывал печальную историю пана Гошковского, у которого схизматики замучили жену и сожгли маеток. Пан Шумовский икал и призывал шляхетное панство, не теряя времени, идти и отомстить за его друга. А пан Гошковский для большего к нему уважения хвастал перед панами своими сокровищами. Не раз в течение вечера вынимал из кармана кошелек со злотыми и алмазами, вытряхивал все это на стол, приговаривая:

— Это, прошу вас, мое богатство, все отдам для отчизны, лишь бы только потопить схизматиков в их нечистой крови.

Шляхетское панство не могло оторвать глаз от кучки золота и драгоценных каменьев.

Но когда чья-либо проворная рука как бы случайно протягивалась ощупать блестящий алмаз, пан Гошковский, несмотря на то, что был под хмельком, быстро успевал сгрести свои сокровища обратно в кошелек.

Подсудок и его супруга весьма жалели пана Гошковского. Конечно, его одежда и выговор, манеры и обычаи не выказывали в нем родовитого шляхтича. Но это был именно тот истинный шляхтич, который уже начинал переводиться в Речи Посполитой. Он не был испорчен роскошью, мог спать и на жесткой скамье, подложив под голову кулак. Если нужно было для отчизны, он мог и борща похлебать из одного котла со своей черныю и пить вместо заморских вин простую сивуху, настоенную на можжевельнике.

Пан подсудок Яблоновский был убежден: именно потому, что такие шляхтичи перевелись в Речи Посполитой, что панство чрезмерно предается роскоши, потому и гибнет королевство. Расчувствовавшись, пан подсудок поднял бокал доброго рейнского за здоровье пана Гошковского, а пани Яблоновская кружевным платочком утерла слезу, помянув добрым словом мученицу — супругу пана Гошковского.

На рассвете, когда паны уже понапивались так, что слуги вытаскивали их за руки и за ноги к каретам, пан Гошковский, пошатываясь, вышел из гостеприимного дома пана подсудка.

Полковник Франц Вейде, садясь в свою карету и никак не попадая ногой на подножку, икнул и милостиво кивнул головой пану Гошковскому. И пан подсудок видел, как Гошковский с быстротой, отнюдь не шедшей к его седым усам, кинулся к полковнику Вейде и помог ему влезть в карету. И это также свидетельствовало о простоте души и добром сердце пана Гошковского.

Того, как пан Гошковский очутился рядом с Францем Вейде в карете, пан подсудок уже не видел, ибо его позвала пани подсудкова; естественно, не мог видеть пан Яблоновский и того, как во дворе цейхгауза вылезали из кареты полковник Вейде и пан Гошковский, взявшись за руки и поддерживая друг друга, точно старые друзья.

Это было в субботу утром. В десять часов полковник Франц Вейде должен был идти на военный совет к коменданту Шпачинскому. Но офицера, напомнившего ему об этом, он послал в ад к сатане, ибо сидел в приятной компании пана Гошковского, пил вино и не мог покинуть своего приятеля, который уже называл его братом и бросил ему на колени свой кошелек с золотом и алмазами, — Франц Вейде внимательно разглядывал их еще тогда, когда они поблескивали на столе в зале пана подсудка.

— Бери, брат, все бери, только отомсти схизматам, отомсти! — заклинал пан Гошковский полковника Вейде, пытаясь стать перед ним на колени. Но этого Франц Вейде не мог позволить своему новому другу и приятелю. Опуская в карман кошелек, он заорал:

— Можешь на меня надеяться. Пусть хоть десять сот тысяч хлопов придет под стены Шклова, нас не одолеют. О, мои гвардейцы-пушкари — это не польские жолнеры! — кричал Вейде, позабыв, что пан Гошковский — сам родовитый поляк.— У меня в Восточной башне пороху хватит на сто лет. Самому коронному гетману нет свободного доступа в эту башню, — хвастался Вейде. — Смотри!

Полковник пошатнулся, пытаясь встать; при помощи пана Гошковского это ему удалось совершить. Он снял со стены большой ключ и показал пану Гошковскому.

Пан Гошковский посмотрел на ключ с таким благоговением, точно перед ним явили чудотворную икону. Он вскинул руки к небу и воскликнул:

— Бог да благословит тебя, генерал!

Вейде захохотал:

— Я еще не генерал. Но я буду генералом! — Он ударил кулаком по столу. — Я буду генералом!

— Ты будешь генералом,— подтвердил пан Гошковский.

— Хочешь, я покажу тебе пороховую башню? Ты в жизни еще не видал такого множества бочек пороха.

Пан Гошковский не хотел. Он отмахивался руками и ногами. Франц Вейде расхохотался, услышав, что пан Гошковский в жизни еще не стрелял из пистоля. Полковник Франц Вейде был упорен. Он стоял на своем:

— Идем, я тебе покажу.

Пан Гошковский не мог отказать гостеприимному хозяину и подчинился.

Пока они шли неверной походкой вдоль пушечного двора, пан Гошковский еще улыбался, но когда начали спускаться куда-то под землю и каждый тяжелый шаг полковника Вейде отдавался, точно из пропасти, а от мокрых стен несло холодом и плесенью, пан Гошковский затих. Вейде, казалось, тоже протрезвел.

— Сто пятьдесят шесть,— внезапно сказал пан Гошковский.

— Что? — спросил Вейде, который никак не мог попасть ключом в замок.

— Сто пятьдесят шесть ступенек,— ответил пан Гошковский таким голосом, что Вейде, уже отперший дверь, поглядел на него подозрительно.

Конечно, пан Гошковский не знал (да никто о том и догадаться не мог), что полковник Франц Вейде решил, показав ему башню, оставить его там навсегда. Вейде не хотел разлучаться с кошельком, который так ощутительно оттягивал карман камзола. Он, спускаясь в подземелье, даже потрогал рукой карман, как бы проверяя, не исчез ли кошелек.

— Иди осторожно,— хрипло и трезво кинул Вейде, пробираясь вдоль нагроможденных одна на другую бочек пороха.

Оборотясь, чтобы приказать пану Гошковскому поднять руки и закончить дело, опустив плиту, под которой гудел водяной поток, полковник Франц Вейде открыл рот и, должно быть, закричал. Но крика этого никто не слыхал, потому что в глаза Францу Вейде глянул пистоль и раздался выстрел. Ничего не слышал также и Омелько Трапезондский. Но тем людям, которые были наверху, показалось, будто земля разверзлась и Шклов летит в бездну.

Страшной силы взрыв поднял на воздух пороховую башню.

...Коронный гетман литовский Радзивилл, остановившийся в эту пору привалом в поле, услыхав страшный взрыв, выронил из рук кубок и пролил вино на свой голубой кунтуш.

...Иван Гуляй-День снял шапку и перекрестился.

— Не забудет тебя Украина, Омельян! — тихо выговорил он одними губами, и темная туча, показалось, затмила все кругом.

Гуляй-День поднял руку и выстрелил из пистоля.

Лес, затихший безмолвно под синим небом, ожил. С криком «Слава!» вылетела на дорогу конница. Стрельцы и пешие казаки, толкая перед собой осадные городки, двинулись к стенам крепости. Пушкари открыли огонь зажи-

Сдача в плен польских воевод.

Цвети, Украина моя!

Александр ПРОКОФЬЕВ

На тысячи верст протянулись долины,
Родные луга и поля.
Навеки, навеки цвети, Украина,
Советская наша земля!

Степные зарницы нас тешат игрою
Иль молнии блещут вокруг!
А может, в нависшее небо ночное
Салюты ударили вдруг!

Нет, это мартены огнем задышали
От вольных долин до морей,
Чтоб наши враги никогда не мешали
Цвести Украине моей!

гательными ядрами из пеньки, смешанной со смолой.

Начался штурм Шклова.

Степан Чуйков вкатил в ствол ядро, следом туго напихал пеньки, смешанной со смолой, поднес зажженный фитиль. Жаркой вспышкой опалило лоб, когда нагибался к пушке с пылающим фитилем в руке. Быстро отскочил вместе с пушкарями. Пушка извергла огонь, ядро вырвалось со свистом, огненной кометой пролетело над казацкими лавами и упало в толпу жолнеров, беспорядочно метавшихся возле пороховых бочек на площади перед доминиканским монастырем.

Оглушительный взрыв сотряс землю. Над стенами доминиканского монастыря взвилось пламя. Земля стала дыбом. Обломки кирпичей и железа падали на головы драгун и немецких рейтаров.

Чуйков вытер ладонью потное лицо. Сверкнув глазами из-под обожженных бровей, крикнул подручному Шовковитому:

— В самые кишки панам угодили, Герваську!

— Помогай бог! — откликнулся пушкарь и принялся мочить пеньку в смоле.

К пушке подскакал Гуляй-День. Мигом спрыгнул на землю. Подбежал к Чуйкову, обнял за плечи, прижал к своей широкой груди растерявшегося пушкаря, поцеловал трижды:

— Спасибо тебе от казаков, брат!

Степан Чуйков только дыхание перевел, проговорил весело:

— Знай тульских!..

— Пусти им еще огня с громом за стены, в самое логово иезуитское! — крикнул Гуляй-День и вскочил в седло.

Конь под ним завертелся, заржал, но, подчиняясь могучей руке, кинулся в вихрь битвы, туда, где в пролом стены рвались казаки и стрельцы.

Чуйкову не терпелось схватить саблю, кинуться вслед за казацким атаманом. Но как оставить пушку? Нужно было здесь поглядывать. И так выбрался черт знает куда... Другие пушкари остались позади, а он на свой риск вместе с казаками на руках вынес сюда свою пушку. Полковник Цыклер даже посинел от злости, увидав, что казаки и стрельцы толкают пушку за рвы. А ну как шляхта захватит? Позор! Но шляхта и носа не могла высунуть из-за стен монастыря. Жолнеры, драгуны и рейтары сбились в одно стадо. Региментари собрались в нижних покоях приора Климента Скоповского. Совещались, трубить ли отбой, складывать оружие и сдаваться на милость победителей или продолжать сопротивление. Посланный к коронному гетману гонец не возвращался. Да и мало надежды было, что гонец проберется сквозь казацкие ряды.

В худшем случае оставалось воспользоваться подземным ходом. Пока жолнеры будут держаться, можно вместе с приором и доминиканцами выбраться из этой западни.

Когда казаки и стрельцы прорвались за стены монастыря, Гуляй-День понял: битве скоро конец. С крыши дома приора жолнеры осыпали нападающих градом пуль, обливали расплавленной смолой и кипятком, но казаки и стрельцы упорно карабкались по лестницам и вламывались в окна.

Когда воинам показалось, что уже все окончено, распахнулись монастырские ворота и закованные в латы рейтары с мушкетами в руках, опустив забрала, железным потоком хлынули на казацкие лавы. Капитан Оскар Руммлер шел в первом ряду с пистолем в руке. Грянули выстрелы, и передние ряды казаков и стрельцов сломились, многие повалились наземь. Из амбразур по казакам ударили фальконеты и пищали.

Гуляй-День побледнел. Цыклер, стоявший за рвом на пригорке, поспешно взобрался на коня. Чего доброго, придется бежать! Но дьявол побери этих собак-черкасов с их разбойным вожаком! Дьявол побери этого проклятого пушкаря! Наконец сама судьба отомстит за Цыклера.

Комендант крепости Шпачинский и драгунский полковник Михальский теперь уже оставили мысль о позорном бегстве. Вышло, как уверял комендант. Голытьба не выдержит бешеного натиска железных рядов рейтаров. Шпачинский и Михальский выбежали во двор. Разгоряченный комендант, озираясь по сторонам, стал у входа в монастырь и, размахивая саблей, вопил:

— Бей схизматиков! Вперед, за короля, отомстим за Речь Посполитую!

Железные ряды рейтаров шаг за шагом двигались вперед, вынуждая казаков и стрельцов отходить. Теперь Гуляй-День понял, почему польские региментари берегли чужеземных латников. Он вытянулся в седле и вырос над казацкими рядами с саблей в руке.

— Казаки! Ни шагу назад! Вперед, казаки! Вперед, побратимы!

Гуляй-День вонзил шпоры в бока лошади и кинулся на рейтаров.

Степан Чуйков, увидав, что казаки начали отходить, крикнул пушкарям:

— А ну-ка, живей, еще перца панам-ляхам в юшку! Давай!

Остервенело кидал ядра в жерло орудия. Поднес фитиль. Дернул веревку. Ядра с ревом падали в гущу рейтаров.

— Еще, пушкари!

И снова пушка щедро осыпала обломками железа закованных в сталь немцев и шведов.

Лавы рейтаров прогнулись, начали топтаться на одном месте. В этот миг из-за реки раздалось оглушительное:

— Слава!

К монастырю во весь опор мчались всадники Михася Огнивка. Размахивая саблями, они стремглав неслись за своим вожаком, рядом с которым скакал Тимофей Чумак. Его-то сразу узнал Федор Подопригора, крикнул Гуляй-Дню:

— Не замедлила помога! Гляди, наши, белорусы!

Полковник Шпачинский, заметив конницу, приказал трубить рейтарам отход, но было поздно. Казаки накинулись на рейтаров. Тщетно из амбразур захлебывались фальконеты. Тщетно приор Климент Скоповский пал на колени перед чудотворной иконой Ченстоховской божьей матери. Тщетно полковник Михальский дрожащими руками срывал с себя пышные шляхетские одежды, торопясь натянуть кафтан слуги.

Лежал с проломленной головой капитан рейтаров Оскар Руммлер. По латникам, которых повалили наземь ядра Степана Чуйкова, топали в сапогах и босиком казаки и стрельцы.

Рейтары, не ожидая отбоя, подымали руки кверху, кидали оружие под ноги казакам. На площадь выбегали с поднятыми руками жолнеры и драгуны. Теперь Степан Чуйков уже мог оставить пушку на других пушкарей. Выхватил из ножен саблю и бросился к монастырю. Видел, как перепуганными овцами сбилось шляхетское воинство.

Замолкли в амбразурах фальконеты и пищали. Печально и скорбно трубили трубачи польского войска, оповещая Шклов, что город и крепость сданы на милость победителей.

В мрачном зале, под черным сводом, комендант крепости, полковник кварцяного войска[1], кавалер Речи Посполитой Казимир Шпачинский отстегнул неверными руками саблю в золоченых ножнах, подаренную ему два года назад собственноручно коронным гетманом литовским Радзивиллом, и положил ее на стол перед кошевым низового куреня Гуляй-Днем.

Федор Подопригора спрятал усмешку под нависшими усами. Подмигнул неприметно Тимофею Чумаку, толкнул локтем Михася Огнивка, который стоял рядом, между ним и Гуляй-Днем. Вот, мол, какие мы!

Ломающимся голосом полковник Шпачинский сказал:

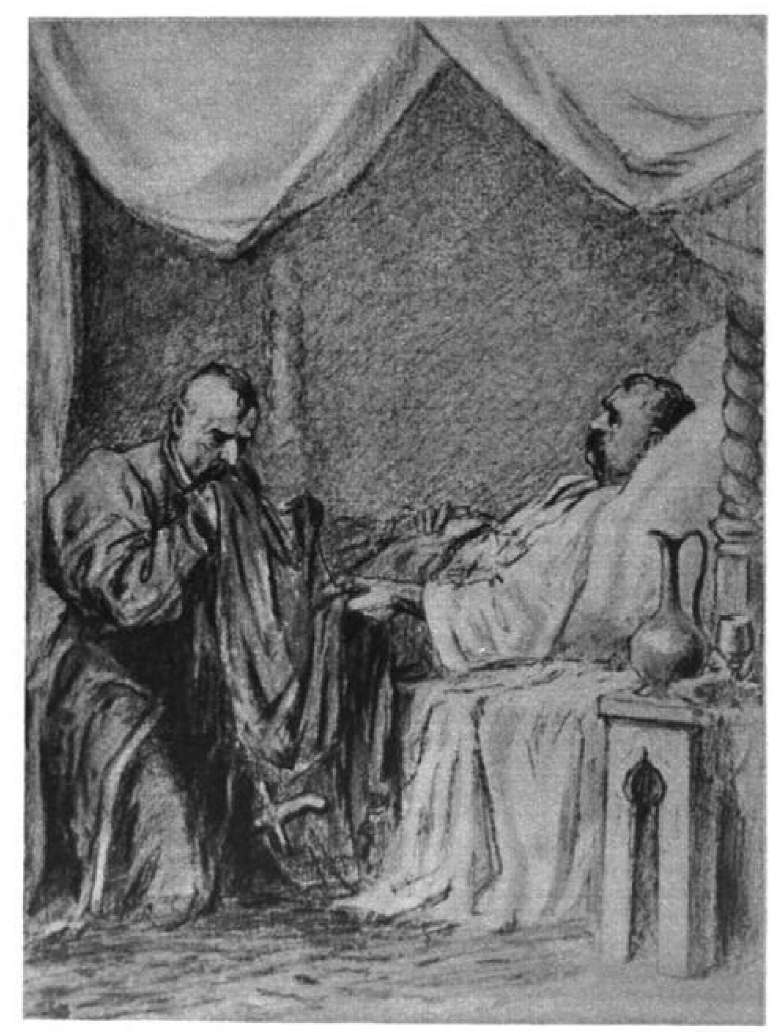
— Сдаюсь на рыцарскую милость пана полковника.

Скользнул недобрым взглядом по разгоряченному лицу Гуляй-Дня и склонил голову, опустил глаза на устланный красными коврами пол.

— Поздно опомнился! — сказал Гуляй-День.

За открытыми дверьми послышались шаги. Окруженные казаками, протиснулись двое, Войт и радца. Первый держал в протянутых руках серебряное блюдо, на нем лежал большой ржавый ключ. Руки войта тряслись, и ключ бренчал на блюде. Поклонился низко, в пояс, и, стараясь не смотреть на коменданта Шпачинского, протянул блюдо Гуляй-Дню:

[1] Войско, на содержание которого отпускалась четвертая часть доходов с королевских имений.



Гуляй-День у гетмана.

— Ключ от города Шклова, пан полковник, в твои руки.

В покои, запыхавшись, протиснулся полковник Цыклер. Оттолкнул плечом Подопригору, стал рядом с Гуляй-Днем, рванул всей пятерней ключ с блюда и опустил в карман камзола.

Подталкивая перед собой кулаком в спину шляхтича, в покои ввалился Степан Чуйков.

— Вот какую птичку поймал,— сказал он Гуляй-Дню, не выпуская из руки локоть шляхтича.

Шляхтич упирался, но рука у Чуйкова была железная.

— Пан полковник! — почти простонал комендант Шпачинский.— Вы — и в мужицкой одежде!..

— Я есть полковник драгун его величества короля Речи Посполитой,— надменно провизжал Михальский, расправляя грудь перед Гуляй-Днем.— Прикажите хлопу отпустить меня!

Лицо Цыклера налилось кровью. Он сделал шаг вперед и тяжело ударил Чуйкова по щеке.

— Как смеешь, сволочь! Скот! Отпусти пана полковника!

Подопригора рванулся к Цыклеру. Гуляй-День крепко ухватил его за локоть. Процедил сквозь зубы:

— Погоди...

Степан Чуйков проглотил набежавшую во рту кровь. Вздрагивала разбитая кулаком Цыклера губа. Глаза застлало багровым туманом. Покачнулся на ногах и, прикусив изуродованную губу, толкнул что есть силы Цыклера в грудь. Полковник пошатнулся и упал, хватаясь руками за край стола. В ту же минуту Чуйков опрометью метнулся в дверь, но никто не кинулся догонять его.

Комендант крепости Шпачинский кривил губы в презрительной улыбке. Ни Гуляй-День, ни Подопригора не помогли Цыклеру подняться на ноги. Только полковник Михальский услужливо поддержал его под локоть.

— Повешу, палками забью...— брызгал слюной Цыклер, гневно сверля глазами Гуляй-Дня.

У того только скулы дергались. Подумал про себя: «Не будь здесь панов ляхов, я бы с тобой поговорил». Сказал Подопригоре:

— Пленников отвести в табор. — Поманил рукой Чумака, шепнул на ухо: — Разыщи стрельца, возьми к себе...

Тимофей кивнул головой, придерживая саблю, выбежал из покоев.

Степан Чуйков остановился на площади перед монастырем. Куда бежать? Какое-то безразличие овладело им. Дрожала рука, которою только что угостил полковника Цыклера. А разве не так следовало отблагодарить?.. Заметил в проломе стены своих пушкарей. Как и велел им, стояли при пушке, не сходя с места. Удивленно глядели на Чуйкова. Сердце его, наполненное обидой, порывисто билось. Вот она, вся награда за честный бой, за меткие выстрелы по шляхетскому войску, за то, что регимента́ря в плен взял. Господи! Да где же правда? За что? Выплюнул себе под ноги сгусток крови. Рассердился сам на себя. Да разве у Цыклера, пса заморского, искать правды? Мелькнула мысль: а у кого же? Может, у боярина Артамона Матвеева? Или у купца Бузкова на тульской мануфактуре? Повстречать бы сейчас своих побратимов, тульских оружейников, рассказать им, пусть бы своими глазами увидали позор Чуйкова...

О том, что сейчас стрельцы по приказу Цыклера могут схватить, заковать в цепи, увезти в Москву, кинуть в Разбойном приказе в застенок, на дыбу поднять,— о том в этот миг и не думал.... Иное грызло сердце, сушило голову: за что?

Кто-то тронул за плечо. Оглянулся, хватаясь за саблю. Но встретил доброжелательный взгляд.

Тимофей Чумак радостно воскликнул:

— А вот где ты, брат! Я уж тебя за стенами искал, а ты вон где... Ну-ка, живей отсюда...

— Куда? — глухо спросил Чуйков, и сердце его застучало сильнее, взволнованное надеждой.

— В хорошее укрытие,— ответил Чумак,— поторопись, ежели не хочешь на перекладине качаться...

— Еще жить хочу,— признался Чуйков, следуя за Тимофеем.

Цыклер ночью пришел в казацкий табор. Оттолкнул караульного перед шатром кошевого. Откинув полу, вошел в шатер. Гуляй-Дню, встретившему его вопросительным взглядом, кинул в лицо угрожающе:

— Доподлинно известно мне: бунтовщик и вор, смерд поганый, пушкарь Чуйков в твоем таборе скрывается. Прикажи разыскать.

— Тебе известно, мне нет.

Хотелось Гуляй-Дню другими словами угостить полковника. Через силу сдержался. Быстро поднялся с кошмы, кликнул казака, велел принести горилки, пригласил Цыклера садиться, откушать, что бог послал. На подносе оставалось еще с вечера жареное мясо, тарелка вишен, огурцы. Цыклер засопел, уселся на седло, сказал спокойнее:

— Такого не слыхано, чтобы смерд поганый на царского воеводу воровскую руку подымал... За такую дерзость быть ему на дыбе три дня и три ночи, а потом отрубят ноги и руки, чтобы другим разбойникам не повадно было такое чинить.

Выпил горилки. Ухватил грязной пятерней кусок солонины, рвал зубами, выпучив глаза от наслаждения.

Гуляй-День закурил трубку. Не хотелось ни пить, ни есть. Дело с пушкарем Чуйковым оборачивалось худо. Следовало бы для верности спровадить пушкаря куда-нибудь, где поспокойнее, куда глаз боярский да старшинский не проникнет... Цыклера, который опрокинул уже третью чарку, успокоил:

— Ты, пан воевода, зря думаешь, будто твой солдат в нашем таборе. Он не дурак здесь прятаться. Должно быть, далеко подался отсюда. Его где-нибудь в селах искать нужно...

Цыклер недоверчиво покачал головой.

— Здесь он. Здесь. А не велишь своим разбойникам выдать его мне, буду челом бить самому царю. Тебя за это не поблагодарят.

Вытер ладонью рот, рыгнул. Колол глазами Гуляй-Дня. Покряхтев, поднялся на ноги. Обиженно фыркая, ушел из шатра, даже не попрощавшись.

Гуляй-День подождал немного. Пристегнул саблю, вышел. Звездное небо было спокойно. Мелькнуло в голове: неужели несколько часов назад на этой земле шла страшная битва? Налетел ветер от Шкловки, принес едкий запах гари, как бы нарочно напомнил недавнюю баталию. А какие еще предстоят вскоре! Гуляй-День вздохнул и пошел отыскивать Подопригору.

Еще издалека услыхал разноголосый гомон. У погасшего костра было много казаков. Кое-кто вскочил на ноги, когда подошел Гуляй-День.

Сидевшие раздвинулись, дали место кошевому. Рядом с Подопригорой сидел Степан Чуйков. Увидав Гуляй-Дня, пушкарь тревожно замолчал. Гуляй-День, посасывая люльку, разглаживал усы. Подопригора тронул за плечо рукой, спросил тихо:

— Что сталось?

Гуляй-День не ответил.

Степан Чуйков усмехнулся, мотнул головой.

— А то, видно, что по мою душу полковник Цыклер приходил...

Гуляй-День пристально поглядел на пушкаря. Что за человек? Какой жизнью жил? Какие мысли у него? Чуйков выдержал внимательный и испытующий взгляд. Не ожидая вопросов, заговорил сам:

— Живым в руки не дамся. Знаю, прощенья мне от воевод не будет... Быть мне на дыбе... А за что муку принять должен? За то, что шляхту гораздо воюю? Что шляхетского полковника полонил, не дал утечь?.. Ведь ты сам своими глазами видел, как я по панам ляхам стрелял! — Не ожидая подтверждения Гуляй-Дня, Чуйков продолжал: — Все выгорело в сердце, душу обожгли, ироды... — Гневно блеснули глаза пушкаря. Ударил себя кулаком в грудь, закричал хрипло: — Да разве я один! Поглядите кругом, казаки! Да какие вы казаки? Пока панов гоните с земли нашей, казаками вас считают, а выгоните проклятых панов ляхов, свои паны вас стреножат... Э! — горько выкрикнул пушкарь и, махнув безнадежно рукой, замолчал.

У Гуляй-Дня дух захватило. Крепко стиснул зубами трубку. Память оживила августовскую ночь под Зборовом. Да разве он сам не такие же слова говорил гетману Хмелю? Притушил пальцем огонь в трубке, спрятал ее в карман, внимательно обвел глазами казаков; они столпились, затаив дыхание, поглядывая то на Чуйкова, то на Гуляй-Дня. Видел Гуляй-День: в самые сердца низовикам угодили слова стрельца. Правда была в них. Ему самому сердце подсказывало: такого издевательства терпеть дальше никак невозможно. Вспомнил козни кошевого Леонтия Лыська. Вспомнил Берестечский позор... Вспомнил, как полковник Громыка угостил пощечиной Галайду. А за что? За то, что от ляшской пули спас... Может, и в самом деле плюнуть на пернач, что торчит у него за поясом, приказать трубачам трубить сбор, поднять свой кош и податься на Низ? Но тут же мелькнула мысль: а кому это наруку? Кому? Известно, кому! Панам ляхам, иезуитскому отродью, шляхте дерзкой и злобной. И, как бы догадываясь о его мыслях, Чуйков решительно сказал:

— А гнать с земли нашей русской захватчиков да бродяг шляхетских нужно. Гнать и искоренять, чтобы и семя их поганое не росло на нашей родине... Не панам да боярам от них горе, а народу бедному, убогому...

Лицо Гуляй-Дня осветилось улыбкой:

— Казацкие слова твои, брат! Знай, побратим: оттого и пошли мы за гетманом Хмелем, что супротив панов ляхов, супротив иезуитов повел нас. Оттого и поддались навечно Москве, что она для нас единая надежда на то, что край наш свободен будет. Стали мы после Переяслава одним краем, и ты помысли, Чуйков, я уже не раз о том думал: хлопство наше и ваше теперь в таком множестве, что и бояре ваши со шляхтичами нашими вкупе — горсточка против нас.

— Твоя правда,— веселее откликнулся Чуйков.

— И вот решил я,— заговорил снова Гуляй-День,— что для тебя дело доброе найдется... Едут завтра наши казаки за ядрами на Остерские рудни. Поедешь туда вместе с Подопригорой. Приглядитесь, хлопцы, как и что. Думаю, там тебя ни Цыклер, ни царь и ни гетман наказной не разыщут....

— Хорошо придумано,— похвалил Подопригора.

— Что же, согласен? — спросил Гуляй-День.

— Согласен,— ответил Чуйков.— Если придется при деле быть, я там такие ядра сработаю, что никакие стены, не то что головы панские, их ударов не выдержат...

...Когда розовая полоса зари легла на окоеме, Гуляй-День, Подопригора, Чуйков и Михась Огнивко вышли из шатра. По правую руку от табора раскинул свои разбитые стены еще вчера неприступный, а ныне поверженный Шклов. Над пожарищами вился черный дым. Столетние дубы густо усеяло воронье. На единственной уцелевшей башне реял белый бунчук, и ветер чуть колыхал тяжелое ало-бархатное знамя.

— Нынче дальше выступим,— сурово сказал Гуляй-День, указывая на запад.

— Тоска гложет меня,— горестно проговорил Чуйков,— что не с вами буду я...

— Еще твое время придет, не тужи,— Подопригора положил руку на плечо Чуйкова.— Только вчера повстречались мы с тобой, а будто знаю тебя век целый...

Михась Огнивко вздохнул. В светлых глазах его, под русыми бровями, заискрились огоньки. Разве и он не мог бы сейчас сказать то же? Кто был он сам несколько дней назад? Быдло и хлоп, за которым, как гончие, охотились жолнеры Радзивилла. Сегодня стоял плечом к плечу между Гуляй-Днем и Чуйковым, и попробовал бы этот проклятый Радзивилл хоть пальцем своим мерзким его тронуть... Озаренное золотыми лучами утреннего солнца лицо Огнивка, точно обрызганное бронзой, просветлело. Господи! Да за такой миг можно было, не жалея, и голову сложить.

Багряное солнце поднималось над белорусской землей, и навстречу ему протягивали свои нежные ветви стройные белокорые березки. Радостно и весело плескались воды Шкловки в отлогих берегах.

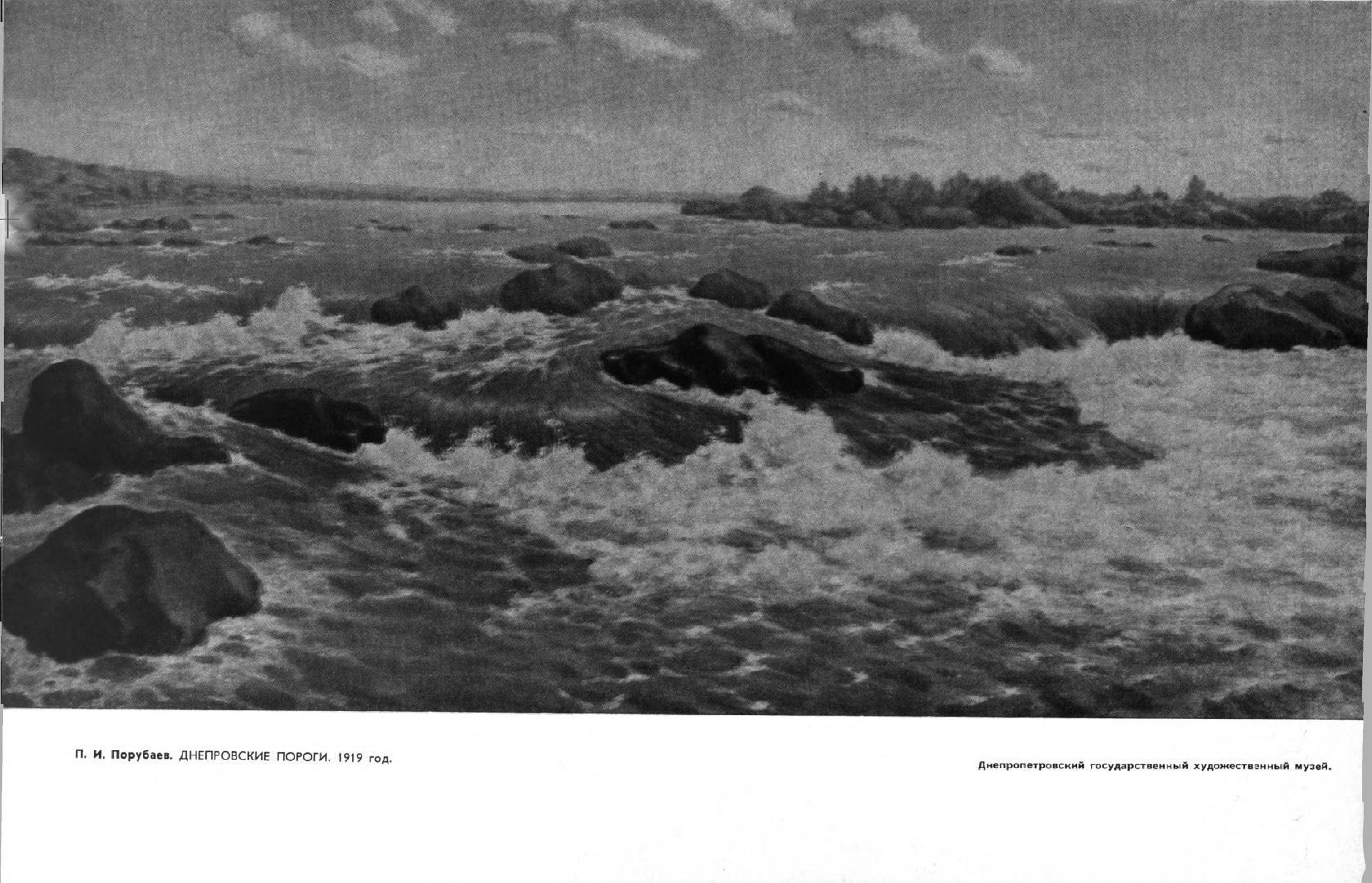
Авторизованный перевод с украинского Бориса ТУРГАНОВА.

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО.

Киевский государственный музей украинского искусства.

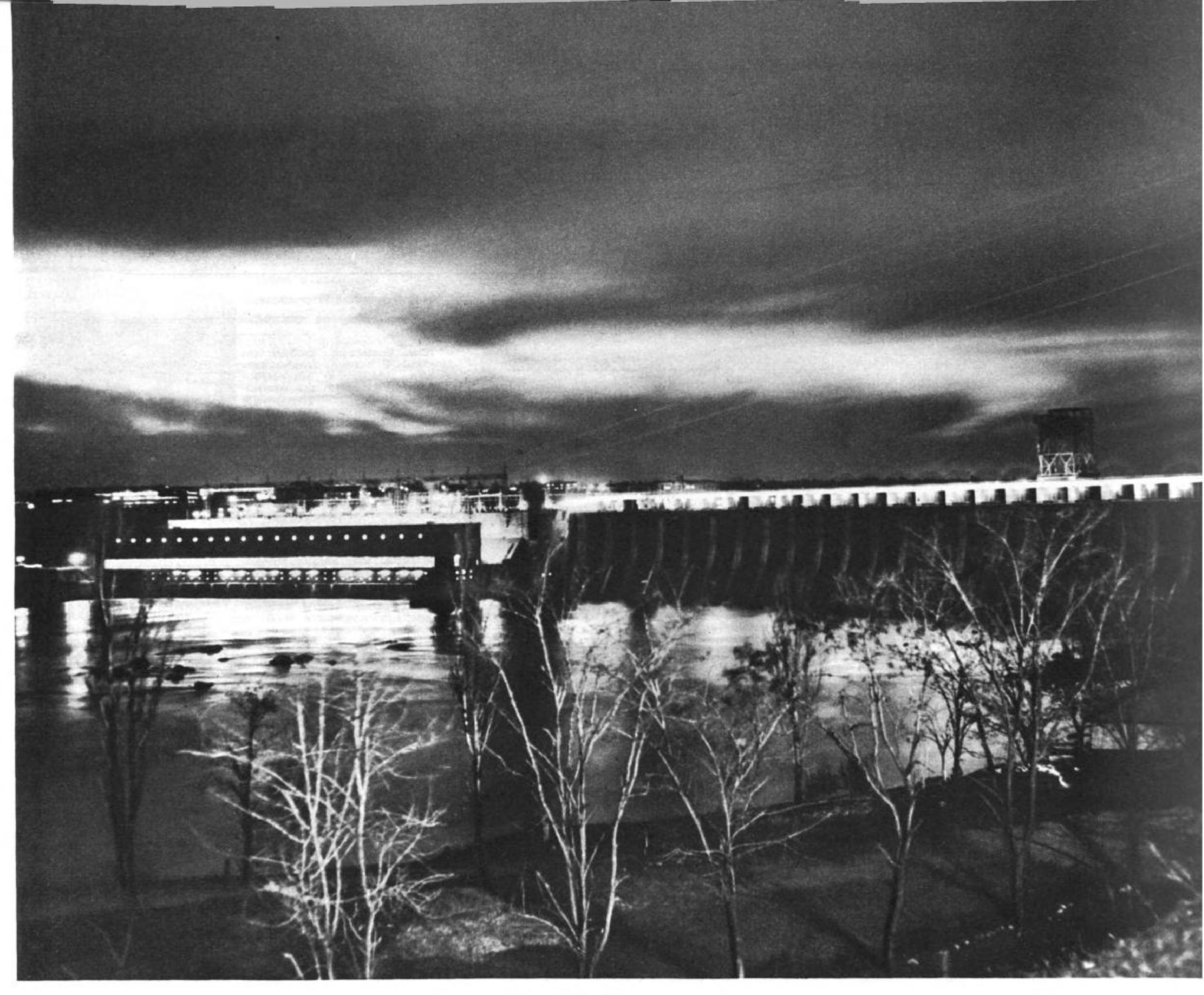
М. И. Хмелько. НАВЕКИ С МОСКВОЙ, НАВЕКИ С РУССКИМ НАРОДОМ.

Киевский государственный музей украинского искусства.



П. И. Порубаев. ДНЕПРОВСКИЕ ПОРОГИ. 1919 год.

Днепропетровский государственный художественный музей.



Днепрогэс ночью.

Фото А. Гостева.

СЕГОДНЯ НА КАХОВКЕ

Свыше двух десятилетий тому назад Алексей Максимович Горький писал строителям Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина:

«Днепр побежден и отныне будет покорно служить делу развития социалистической культуры».

Пуск электростанции на Днепровских порогах в 1932 году был выдающейся победой советского народа. Города, заводы, фабрики, шахты, села Приднепровья и Донбасса получили дешевую энергию. Могучая украинская река стала судоходной на всем своем протяжении.

Еще до Великой Отечественной войны Днепрогэс имени В. И. Ленина вырабатывал больше электроэнергии, чем все электростанции старой России. Техническое «чудо» на Днепре, совершенное советскими людьми, вошло в список крупнейших достижений в борьбе за рост социалистической культуры и подъем народного благосостояния.

Гитлеровские захватчики превратили Днепрогэс в руины. Для возрождения станции потребовались не менее героические усилия, чем на ее создание. Достаточно сказать, что перед восстановлением основных сооружений гидроузла пришлось обезвредить свыше 360 тонн взрывчатых веществ, заложенных фашистами.

Ныне Днепрогэс работает с бо́льшей мощностью, чем до войны. В турбинных залах станции установлены совершенные механизмы отечественного производства. Гидроузел исправно несет свою службу, а его создатели, коллектив «Днепростроя», осенью 1950 года получили от Советского правительства новое задание: построить вторую мощную гидроэлектростанцию около легендарной Каховки.

Истекший год был для строителей Каховского гидроузла периодом больших испытаний и радостных событий. Построенная ими 700-метровая перемычка для защиты котлована от весеннего паводка выстояла под напором днепровских вод. Весною же начались бетонные работы. Расширяясь день ото дня, они охватили огромную площадку стройки, расположенную на 13 метров ниже уровня реки. Гидромеханизаторы вынули из котлованов около 10 миллионов кубометров грунта. Полным ходом идут работы по сооружению судоходного шлюза, здания гидроэлектростанции, водосливной плотины.

Воодушевленные решениями XIX съезда Коммунистической партии, строители Каховского гидроузла дали советскому народу обещание возвести все сооружения на один год раньше установленного срока. Гидромеханизаторы, бетонщики, арматурщики, опалубщики, сварщики — весь многочисленный коллектив «Днепростроя» непоколебимо уверен, что данное слово будет выполнено. Несмотря на суровые условия зимы, более 2 тысяч днепростроевцев вырабатывают по две—три нормы в смену. Выдающийся новатор стройки электросварщик Александр Киселев за десять месяцев выполнил четыре годовых нормы.

Одного взгляда на панораму развернувшейся близ Каховки стройки достаточно, чтобы увидеть, насколько выросла техническая мощь советской строительной индустрии в сравнении с тем временем, когда сооружался Днепрогэс. Мощные землеройные и землесосные механизмы, портально-грейферные краны грузоподъемностью в 10 тонн, сотни самосвалов, копров, бетоновозная эстакада — все это создает величественную картину созидания, характерную для всей нашей страны, страны мирного труда и творчества.

Кипит работа на берегах старого Днепра!

НОВЫЕ ЛЕДОКОЛЫ

Ледокол коснулся воды.

В Хельсинки, на верфи Хиеталахти, принадлежащей концерну «Вяртсиля», недавно состоялся торжественный спуск на воду строящегося для Советского Союза дизельэлектрического ледокола.

Погода в этот день словно нарочно подчеркивала праздничность обстановки. С утра рассеялись плотные, низко плывущие тучи. Сквозь редкие облака пробилось скупое северное солнце.

На просторной территории верфи царит необычное оживление. Здесь много строителей — создателей судна. Присутствуют многочисленные гости. По приглашению финляндского правительства прибыли министр внешней торговли Советского Союза И. Г. Кабанов, заместитель министра морского и речного флота СССР В. М. Пташников, ответственные сотрудники Министерства внешней торговли СССР Н. И. Чеклин и М. К. Артемьев. Здесь же посланник Советского Союза в Финляндии В. З. Лебедев, торговый представитель СССР в Финляндии А. И. Сосунов, ответственные сотрудники советской миссии и торгпредства. Чтобы принять участие в торжестве, прибыли премьер-министр Финляндии Туомиоя, министр торговли и промышленности Аура, посланник Финляндии в Советском Союзе О. Гартц, ответственные сотрудники министерства иностранных дел и министерства торговли и промышленности Финляндии.

Модель дизельэлектрического ледокола «Капитан Белоусов».

Одиннадцать часов утра. На трибуну, украшенную свежей хвоей, поднимаются руководители концерна «Вяртсиля», гости. Начинается спуск ледокола на воду. По установившейся традиции, судно, прежде чем оно коснется воды, должно получить свое имя. Обычно «крестят» судно, разбивая о корпус корабля бутылку шампанского.

...Раздается легкий треск. В воздухе мелькают осколки разбитой бутылки и золотистые капли шампанского. Срывается покрывало, и все собравшиеся читают на борту надпись: «Капитан Белоусов». Выбиваются клинья, поддерживающие ледокол на стапеле, и вот он, скользя по спусковой дорожке, все убыстряя ход, идет к бухте, чтобы впервые спуститься на воду. Раздаются дружные аплодисменты.

Как только был спущен на воду «Капитан Белоусов», на стапеле стали закладывать килевые части второго ледокола.

Ледокол «Капитан Белоусов» — первый из трех крупных судов, строящихся в Финляндии по заказу Советского Союза в соответствии с советско-финским пятилетним торговым соглашением. Длина корабля — 83,16 метра, ширина — 19,4 метра, водоизмещение — 5 360 тонн. Мощность ледокола на валах гребных винтов при полной нагрузке — 10 500 лошадиных сил. Он может развивать скорость в открытом море 16,5 узла.

Ледокол будет располагать автоматической буксирной лебедкой, которая сможет развивать тяговое усилие в 60 тонн. Запасы топлива позволяют ледоколу находиться в непрерывном действии около двух месяцев. На судне установлен опреснитель на 15 тонн воды в сутки.

Г. ХОДУЛИН

Хельсинки.

* * *

Возвратившийся в Москву из Хельсинки заместитель министра морского и речного флота СССР В. М. Пташников рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Финская фирма концерн «Вяртсиля» строит для нас три мощных однотипных дизельэлектрических ледокола.

Они предназначаются для проводки караванов транспортных судов в порты Балтики и Дальнего Востока.

Первый дизельэлектрический ледокол, спущенный недавно на воду, назван именем выдающегося советского полярного мореплавателя капитана М. П. Белоусова.

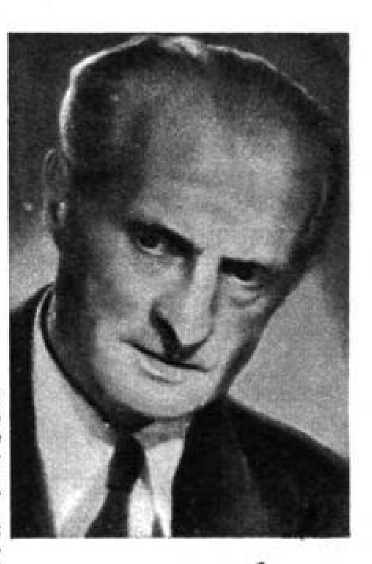
Сейчас на «Капитане Белоусове» идет монтаж главных двигателей и других механизмов. В сентябре 1954 года постройка его будет закончена и на ледоколе взовьется Государственный флаг СССР.

Вслед за «Капитаном Белоусовым» в Хельсинки на заводе «Сандвикен-Шепсдок», принадлежащем концерну «Вяртсиля», будет закончена постройка ледоколов «Капитан Воронин» и «Капитан Мелехов».

Владимир Иванович Воронин, Афанасий Павлович Мелехов и Михаил Прокофьевич Белоусов были пионерами освоения Северного морского пути, прославили свою Родину многими плаваниями. Новые корабли советского арктического флота будут с честью носить имена замечательных русских людей.

Поэт новой Польши

Жизнь!..
Плечи расправлю,
восставши от сна,
Дуновением утра
омоюсь.
Крикну, радостно
крикну,
Небу светлому
кланяясь в пояс:
— Это счастье, что кровь
человека красна!



Как безмерно любил он жизнь! С какой жадностью ловил малейшее ощущение радости, которое она приносит, с каким восторженным упоением воспринимал каждый благодатный дар ее!

Сын фабричной Лодзи, как он с гордостью называл себя, Юлиан Тувим с юных лет видел небо, заволоченное дымом, а под этим небом — людей, дышащих копотью, согбенных под бременем непосильного труда, изнуренных страданиями и горем. Но именно там в нем родилась глубокая и непоколебимая вера, что жизнь может и должна стать для человека неиссякаемым источником радости. С этой верой вошел он в поэзию, чтобы словом своим прокладывать пути к светлому человеческому счастью.

Непомерно трудно было осуществить это стремление в условиях жестокого фашистского режима, воцарившегося в Польше вскоре после первой мировой войны. Юлиан Тувим не был поэтом-борцом, но его стихи о родной земле, о животворящей юности, о немеркнущем чувстве любви, о вдохновляющей силе творчества звучали среди царившего кругом мертвящего мрака гимном красоте и радости жизни, пробуждая веру во всепобеждающую силу человека. В стихах Тувима редко слышны были прямые призывы к борьбе, но стихи его о человеческом горе, о нужде, о несбывшихся мечтах звучали гневным осуждением режиму бесправия и гнета.

Маяковский, познакомившийся с Тувимом во время пребывания в Варшаве в 1927 году, сразу почувствовал в нем большого поэта и в то же время понял, как трудно ему творить, подвергаясь непрерывным нападкам, а порой и преследованиям.

После нападения Гитлера на Польшу, очутившись в эмиграции, Тувим, ранее стоявший в стороне от политической деятельности, стал активнейшим борцом за освобождение своей родины. Он выступает на собраниях и митингах, подписывает воззвания и манифесты, заявляя, что «польская нация желает вести демократический образ жизни и сохранять мирные и дружественные отношения с советским народом». Его стихи получают широкое распространение в польском антифашистском подполье. И когда в 1946 году Тувим вернулся на родину, свободная, демократическая Польша восторженно встретила его как своего народного поэта.

Жажда жить и творить во имя новой жизни овладевает поэтом с новой силой. Воспевая подвиги своего народа, он называет себя политическим поэтом и с гордостью восклицает:

О счастье и радость,
что я гражданин
Свободной навеки
Речи Посполитой!

После поездки в СССР в 1948 году он создает вдохновенные стихи о стране социализма — «К советскому народу» и «С Востока свет», в котором пишет, обращаясь к советским людям:

В Лодзи далекой, друзья, вы
мне некогда снились,
Детские сны теперь в чудную
явь воплотились —
и о ней я пою.
Мир предо мною открылся
могуч и широк,
Новым, прекрасным и
сказочным вижу Восток —
и о нем я пою.

С новыми, возросшими силами отдается он переводам русской поэзии. В свое время Тувим сделал достоянием польских читателей «Слово о полку Игореве», «Медного всадника» и лирику Пушкина, «Облако в штанах» Маяковского. Теперь он публикует переводы первых двух глав «Евгения Онегина», от которых раньше отступился «после многих недель тщетного труда над одной строфой», лирических стихов и песни про купца Калашникова Лермонтова, за которого, по его словам, он раньше не решался браться. Тувим создает и первый польский перевод «Горя от ума».

Я перечитываю его письма. Сколько творческих планов и замыслов! В последнем письме он сообщал, что еще в 1953 году выйдут в свет составленная им «Книга польской поэзии XIX века», в которую включены стихи ста двадцати забытых поэтов, подготовленные им избранные произведения писателя прошлого века Сигурда Висьовского и, «главное — перевод «Кому на Руси жить хорошо». «А в будущем, 54-м, будут еще и другие вещи, над которыми сейчас работаю».

Безмерно любя жизнь, он и не думал о смерти. Недаром свое стихотворение памяти Ежи Борейши он закончил восторженным восклицанием:

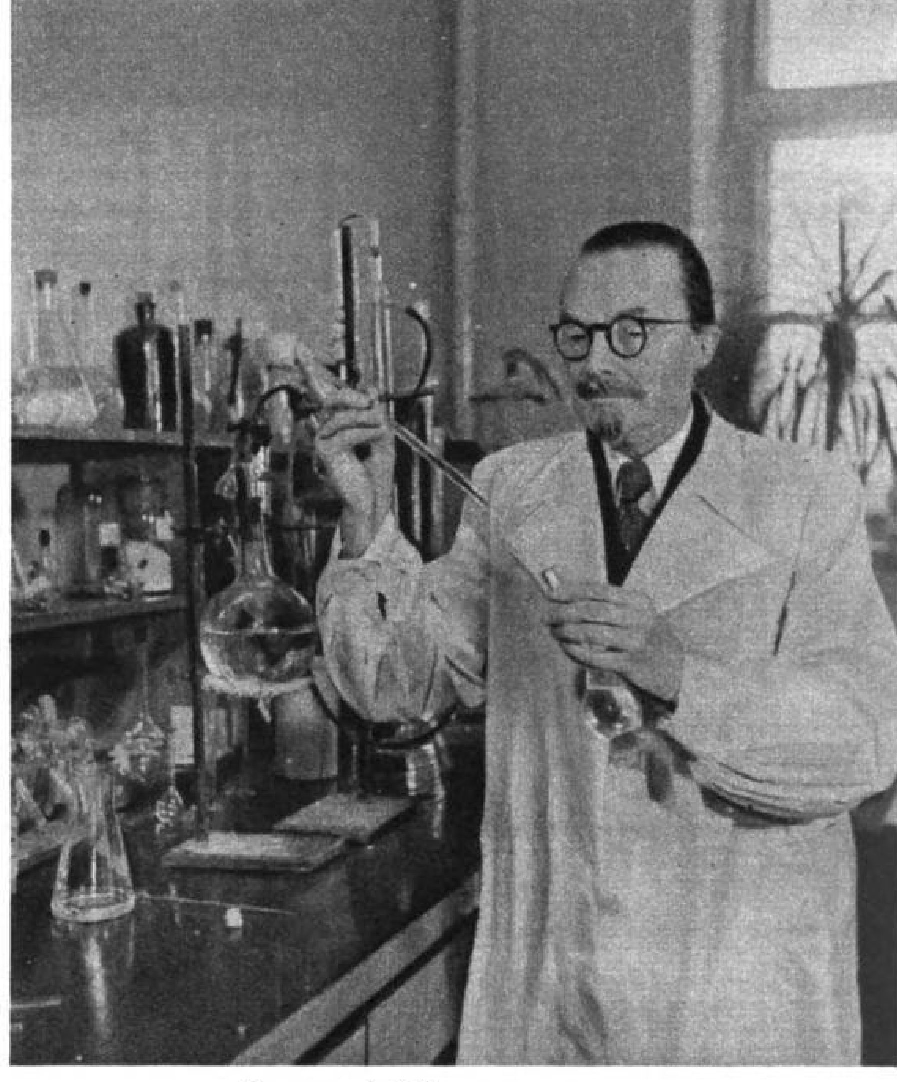
О, ни с чем наши дни
не сравнить,
Когда вовсе воскреснуть
не надо,
Чтоб и после смерти
жить!

27 декабря 1953 года Юлиан Тувим скончался. Но когда в эти дни польское правительство посмертно наградило его орденом Возрождения Польши первой степени, оно наградило живого, бессмертного поэта, который будет своими неумирающими стихами помогать народу строить светлое социалистическое будущее.

М. ЖИВОВ

СОДРУЖЕСТВО УЧЕНЫХ

Академик А. В. ПАЛЛАДИН,
президент Академии наук Украинской ССР



Академик А. В. Палладин.

Украинский народ связан с русским народом не только единством происхождения, но и общностью политического, экономического и культурного развития, уходящего своими истоками в глубину истории.

На протяжении многих веков передовая русская наука и культура оказывали благотворное влияние на украинскую науку и культуру. Это влияние особенно усилилось после воссоединения Украины с Россией в едином государстве. Когда в 1755 году усилиями великого русского ученого М. В. Ломоносова был открыт Московский университет, среди первых его студентов были и многие украинцы.

Научные труды и мировоззрение М. В. Ломоносова оставили глубокий след в работах передовых ученых, общественных деятелей украинского народа — философа и писателя Г. С. Сковороды, философа Ивана Хмельницкого — потомка Богдана Хмельницкого, профессора ботаники и химии М. М. Тереховского и других.

В начале XIX века лучшие представители русского народа вели борьбу с реакционной помещичье-буржуазной культурой за материализм и атеизм в науке, за народность в литературе и искусстве, за братство и свободу всех народов, угнетенных самодержавием. Освободительные идеи сначала декабристов, а потом революционных демократов сказались на развитии культуры и русского, и украинского, и других народов России. На Украине в XIX веке выступили такие выдающиеся деятели передовой украинской культуры, как Т. Г. Шевченко, М. Вовчок, П. Грабовский.

Передовая наука на Украине была неразрывной составной частью общероссийской передовой науки, которой было свойственно материалистическое мировоззрение. Особенно большое влияние оказывали на украинских ученых Сеченов и Менделеев, Мечников и Тимирязев, Зинин и Пирогов, Павлов и Мичурин, Докучаев и Костычев. Некоторые из них долгое время работали в высших учебных заведениях Украины.

Немало крупнейших открытий, изобретений, составляющих славу отечественной науки, было сделано русскими учеными в период их деятельности на Украине. Например, русский академик В. Ф. Зуев открыл месторождения криворожских руд; выдающийся ученый доменщик-практик М. К. Курако работал в Донбассе; на Украине долгое время трудился замечательный русский металлург, Герой Социалистического Труда академик М. А. Павлов — создатель материального и теплового баланса доменной плавки.

Корифей химической науки Д. И. Менделеев, исследуя Донецкий бассейн, написал классический труд «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца» и разработал учение о газификации топлива, увенчавшееся великим открытием. Идея подземной газификации углей, которая, как указывал В. И. Ленин, произведет огромный переворот в промышленности, по воле Коммунистической партии в Советском Союзе впервые в мире стала действительностью.

Не раз прогрессивные деятели русской культуры выступали в защиту украинской культуры и ее представителей, угнетаемых царским правительством. В 1905 году передовые русские ученые, поддержанные русской Академией наук, выступили со специальной «Запиской об отмене ограничения малороссийского печатного слова», требуя признания за украинским языком права на существование.

Украинский народ выдвинул из своей среды ряд талантливых ученых, которые, работая в тесном содружестве и при поддержке русских ученых, в некоторых вопросах опередили исследователей Западной Европы и Америки. Эпидемиолог академик Д. К. Заболотный изучил чумные заболевания в Индии, Аравии, Китае, Монголии, Маньчжурии, Поволжье и Закавказье. В результате он впервые выяснил пути распространения этой страшной болезни и открыл методы противочумной вакцинации.

Украинский ученый Н. Ф. Гамалея был одним из основоположников микробиологии в нашей стране. За много лет до иностранных ученых он установил существование бактериофагов, разработал ряд новых методов лечения некоторых заболеваний. Наряду с выдающимся русским ученым Д. И. Ивановским Н. Ф. Гамалея создал современную науку о фильтрующихся вирусах.

Всемирно известны труды по геохимии минералога академика В. И. Вернадского, первого президента Академии наук УССР, исследования по физиологии А. Я. Данилевского.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла безграничные возможности для развития науки. С первых дней Советской власти, несмотря на разруху и гражданскую войну, Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к строительству новых научно-исследовательских институтов. В 1919 году была создана Академия наук Украинской ССР.

За 35 лет академия превратилась в один из крупнейших научных центров Советского Союза. Она располагает многочисленными институтами, лабораториями, научно-экспериментальными базами, музеями, публичной библиотекой.

Украинские ученые в содружестве с деятелями русской науки оказывали и оказывают большую помощь народному хозяйству СССР.

Выдающееся изобретение действительного члена Академии наук Украинской ССР Героя Социалистического Труда Е. О. Патона — автоматическая дуговая электросварка под флюсом — широко применяется ныне в важнейших отраслях промышленности нашей страны.

Ярким примером достижений советских строителей мостов и электросварщиков может служить цельнометаллический мост через Днепр, недавно сооруженный в городе Киеве. Проектирование и сооружение моста проводились под непосредственным руководством и при участии Е. О. Патона и его учеников.

Биологи совместно с агрономами, зоотехниками и практиками сельского хозяйства достигли больших успехов в повышении урожайности зерновых и технических культур, увеличении продуктивности животноводства и выращивании новых пород крупного рогатого скота.

Комплексная экспедиция Академии наук УССР, возглавляемая Институтом экономики, в результате всестороннего изучения природных и экономических условий колхозного производства Баштанского района, Николаевской области, разработала перспективный план развития сельскохозяйственных артелей юга. На научной основе составлены правильные полевые и кормовые севообороты и намечены пути развития общественного животноводства. С помощью ученых прежде отсталый Баштанский район вышел на одно из первых мест по урожаю зерновых культур.

Многие ученые Украины вместе с учеными братских республик участвовали в решении ряда сложных технических задач, связанных с сооружением крупнейших в мире гидроэлектростанций, строительством мощных турбин, передачей электроэнергии на большие расстояния, созданием мощных экскаваторов и т. д.

Особенно показательно в этом отношении сооружение Каховской ГЭС. Ленинградские ученые совместно с украинскими разрабатывают способы предохранения от разрушения дна реки за плотиной электростанции, находят действенные меры для уменьшения фильтрации вод, просачивающихся через песчаное основание плотины, изыскивают средства защиты берегов.

Институтом электротехники Академии наук ведутся работы по созданию высокочувствительной защиты генераторов электростанции от повреждений при наземных замыканиях линии, а также создаются и другие интересные аппараты и приборы для ГЭС.

Творческое содружество ученых братских республик крепнет год от года, давая свои обильные плоды. Сейчас в наших институтах разрабатывается ряд проблем, имеющих большое значение не только для Украины. Речь идет о борьбе с такими профессиональными заболеваниями, как силикоз и антракоз, о борьбе с внезапными выбросами угля и газа на угольных шахтах, речь идет об увеличении долговечности машин, повышении урожайности сельскохозяйственных культур, о сложнейших вопросах биохимии, физиологии, медицины.

Украинская социалистическая нация внесла и продолжает вносить свой большой вклад в сокровищницу социалистической культуры многонационального Советского Союза, где впервые в мире создано подлинно братское содружество народов, строящих коммунизм.

ТАМ, ГДЕ БЫЛО „ГАЛИЦК

С. МОРОЗОВ **Фото Я. РЮМКИНА.**

Пейзаж Прикарпатья в декабре будто выписан нежными тонами пастели. По календарю давно уже зима, а снега все еще нет, и над землей, набухшей осенней влагой, по ночам стелется туманная дымка. Перед рассветом вдруг, откуда ни возьмись, подует свежий ветерок. На сером горизонте проступит розоватая прорезь, и небосвод быстро раздвигается вширь и ввысь. Из-за редких облаков солнце по-зимнему скупо освещает заиндевевшие поля. Блеклая желтизна увядшей травы, неяркая зелень озимых, бурые пятна паров подернуты проседью первых заморозков.

В прозрачном, струящемся воздухе четко вырисовываются контуры предгорий — равнина плавно переходит в холмы. Дальше, там, где земля сходится с небом, мягкая, волнистая линия обрывается зубчатым пунктиром гор. Труд человека как бы дополняет природный рельеф — тут и там виднеются нефтяные вышки. На равнине они тянутся рядами, будто шагающие в строю богатыри; на холмах возвышаются над темной синевой лесов, как сторожевые башни.

Прикарпатье, древняя земля наших предков! Тут с незапамятных времен обитали племена славян. Веками трудится здесь на равнинах украинский народ, возделывая плодородную почву, добывая богатства недр.

Почему же издавна звался этот край в народе «Галицким пеклом»?

«Чернее черной земли ходили люди по дорогам и полевым стежкам, собирая лебеду, щавель и разную зелень... Со слезами на глазах, припадая к земле, народ молил о дожде. Но небо оставалось словно окаменелым... Работы! Хоть какой-нибудь работы!.. Лишь бы только с голоду не пропасть! — таков был всеобщий вопль, всеобщий стон... Ничего другого не оставалось, как идти на заработки, а заработков как раз и не было нигде в нашем Подгорьи — кроме Борислава... Вот и повалил туда бедный люд со всех сторон... А бориславские богачи только того и ждали».

Так описал Иван Франко «Галицкое пекло» в повести «Борислав смеется».

«Борислав высасывает вдоль и вширь все окрестные села, пожирает молодое поколение, силы, время, здоровье и нравственные устои целых общин, всех масс»,— отмечал он в предисловии к своим «Бориславским рассказам».

Выдающийся украинский писатель и патриот поведал миру о событиях, развернувшихся в Бориславе в 70-х годах прошлого века, когда Прикарпатье было Галицийской провинцией лоскутной Австро-Венгрии.

Измученные каторжной эксплуатацией, бориславские нефтяники — «рипники» объявили забастовку. Вожаками бастующих были «побратимы» — узкая, по сути дела сектантская, группа без какой бы то ни было политической программы. Вчерашние крестьяне-бедняки, не имевшие пролетарской закалки, бориславские «рипники» поддались на бесчестную уловку хозяев, и забастовка была сорвана. Всего лишь несколько дней радостно смеялся рабочий Борислав. Потом снова наступила пора нужды и горя.

Провинциальным, убогим уголком капиталистического мира оставалась Галиция и в панской Польше. И там безнаказанно грабили ее недра пираты под разными флагами: поляки и австрийцы, французы и немцы. Пытал тут счастье и пресловутый швед Нобель, изгнанный из России после Октября.

В Дрогобыче и Львове хозяева — «властники» строили особняки, разъезжали на автомобилях заграничных марок, а в Бориславе шахтеры и нефтяники ютились в бараках, кайло и желонка оставались основными орудиями труда.

Сегодня Антон Иванович Иваницкий показывает нам желонку как редкость почти музейную. На склонах лесистых гор и в лощине, где расположен девятый промысел треста «Бориславнефть», на скважинах работают станки-качалки.

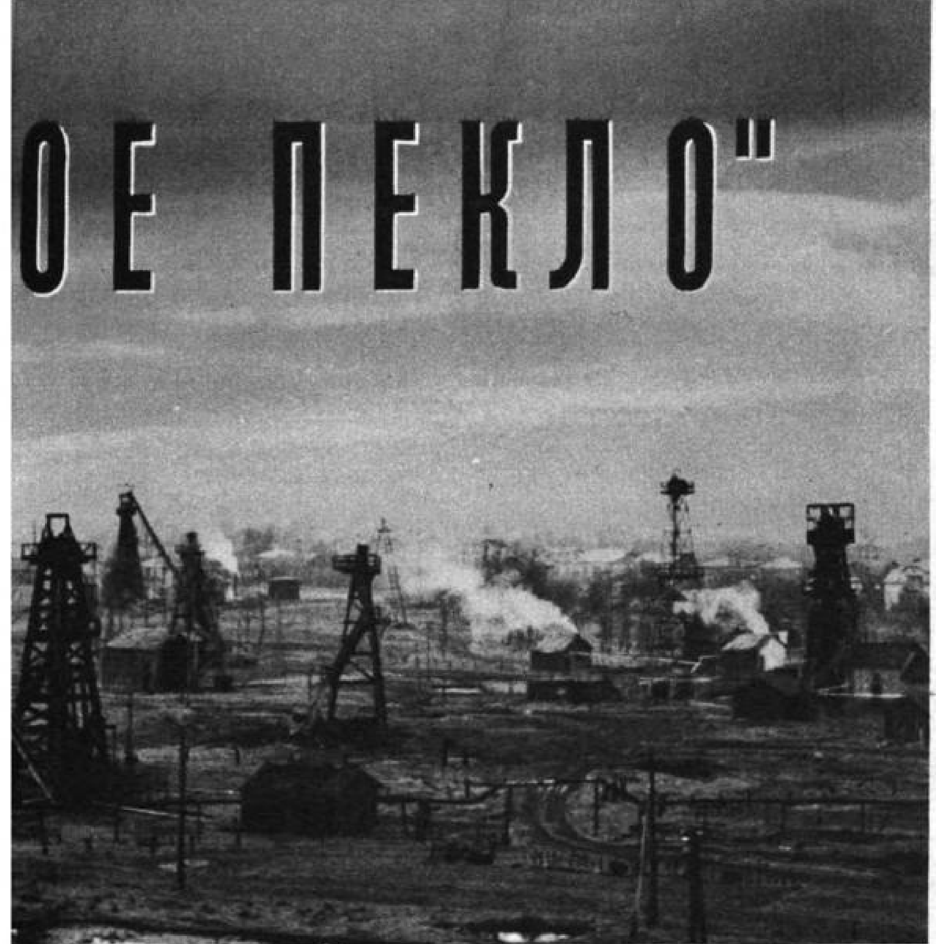
День и ночь едва слышно жужжит электромотор. Словно молот над наковальней, мерно опускается и поднимается массивный балансир, движущий насос, скрытый в скважине. День и ночь из глубин земли поднимается по трубам нефть.

Здесь Антон Иванович сегодня утром включил электромотор станка-качалки. А сейчас смена близится к концу, и, как всегда, обходя участки, к оператору Иваницкому заглядывает сын — старший инженер промысла — Евгений.

Евгению Антоновичу 32 года. Потомственный нефтяник, он начинал рядовым рабочим в тот памятный год, когда Западная Украина воссоединилась с Советским Союзом. Потом руководил комсомольско-молодежной бригадой, окончил вечернюю рабочую школу, уехал учиться во Львов и в прошлом году возвратился в Борислав с дипломом инженера.

Иваницкие не исключение среди бориславцев. На соседнем, восьмом, промысле мы встретили семью с похожей фамилией и похожей судьбой. Более сорока лет жизни отдал Петр Васильевич Иванчук тяжелому ремеслу «рипника». Только два года удалось

Антон Иванович Иваницкий (слева) и его сын Евгений Антонович.



На Бориславских нефтяных промыслах.

ему провести в сельской начальной школе. А его сын Михаил Петрович недавно отпраздновал окончание Львовского политехнического института.

Нередко, гуляя с молодежью по городу или путешествуя в соседний Дрогобыч, старики назидательно показывают сыновьям мост через речку Тысьменицу в Бориславе и площадь напротив церкви, в центре Дрогобыча. Сколько раз, бывало, простаивали тут в толпе безработных Антон Иваницкий и Петр Иванчук, сколько верст прошагали они из Борислава в Дрогобыч и обратно в поисках куска хлеба! Неприютен был для труженика тесный мирок галицийского захолустья.

Евгений Иваницкий и Михаил Иванчук, готовясь стать инженерами, проходили практику на нефтепромыслах Азербайджана, отдыхали в туристских походах по необъятной родной стране. А сколько их сверстников, получив образование тут же, в Дрогобычском нефтяном техникуме, трудится теперь на промыслах Прикарпатья и Небит-Дага, Грозного и Жигулей! Просторен мир, открытый молодым советским гражданам, уроженцам маленького украинского городка.

Да, Борислав — город небольшой. Но, хотя во внешнем облике его и сохранились кое-где черты старой провинции, в труде и быту бориславцев ощутим новый, советский уклад жизни.

Бориславские нефтяники соревнуются с бакинцами. Шахтеры дружат с озокеритчиками Ферганы и полуострова Челекен.

Озокерит — горный воск. И когда движешься по тесным штрекам шахты, невольно сравниваешь ее с огромным ульем. С поистине пчелиным упорством трудятся люди, извлекающие озокерит из недр земли.

Вот замолк пневматический отбойный молоток и, отвалив серую глыбу породы с коричневатыми прожилками озокерита, забойщик Павел Степанович Билык показал рукой на стенку забоя. Словно начинка в слоеном пироге, виднелись тут и там сучья деревьев, тесно переплетенные, спрессованные тяжестью земли.

— Что это?

— От «властников» память осталась.

На территории нынешней шахты в свое время было более четырнадцати тысяч частных шурфов-колодцев. Меньше всего думая о безопасности горных работ, хищники-хозяева крепили стенки колодцев на скорую руку плетнями. Нередко плетни обваливались, скважины засыпались вместе с людьми. Скольких безвестных тружеников погребла так бориславская земля!

Подземная добыча озокерита доживает свой век. Скоро на смену отбойному молотку придут экскаваторы.

Стены новых строений поднимаются и в центре Борислава и на промыслах. По соседству с вышками немало новых свежевыбеленных коттеджей под светло-серыми оцинкованными крышами. Это собственные дома, построенные нефтяниками на ссуды, полученные от государства.

Один из таких застройщиков-новоселов, Василий Дмитриевич Карбовнык, пригласил нас в гости. В столовой голубыми изразцами и медными брусьями сверкает газовая печь. За стеклами широких окон виднеются деревья и кустарники фруктового сада.

Рассказывая о себе, Карбовнык показал на кучу полусгнивших досок, сложенных в дальнем углу сада:

— То старая халупа была. Ще батькина... Эх, не дожил батько!..

Вечером мы встретили Василия Дмитриевича в кругу товарищей. В зрительном зале Дворца культуры собрались буровые мастера, операторы скважин, горняки озокеритовых шахт. Шел концерт художественной самодеятельности.

В лихом гопаке кружились по сцене дивчины и парубки в ярких народных костюмах. Танцевальный ансамбль бориславских нефтяников показывал новую программу перед отъездом в Киев на республиканскую олимпиаду. Вслед за танцорами сцену занял симфонический оркестр, и полились мелодии «Запорожца за Дунаем», «Кармен».

За пюпитрами перед раскрытыми нотами сидели скрипач Михаил Бабич, пожилой бориславский нефтяник, и юная виолончелистка Аня Максимова. Дочь рабочего, она окончила музыкальное училище в Дрогобыче и теперь преподает в бориславских школах. На контрабасе играл токарь-комсомолец Орест Флюнт. Недавно он вернулся с военной службы в Северном флоте и восторженными описаниями красот Заполярья заслужил у друзей-музыкантов шутливую кличку «варяжского гостя».

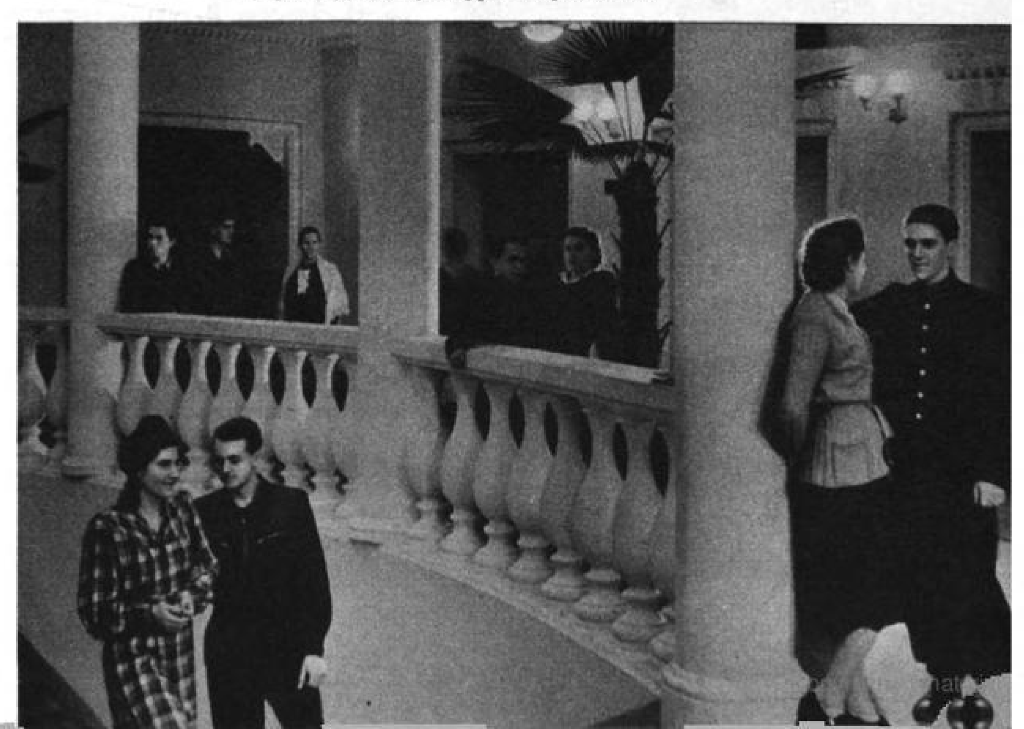
Таковы сегодняшние бориславцы — молодые и старые, люди разных поколений, но одной исторической судьбы.

Рассказ о прикарпатских нефтяниках будет неполным, если не заглянуть в соседний с Бориславом курортный городок Трускавец. Когда-то рядом с «галицким пеклом» для нищих тружеников в Трускавце был рай для богатых бездельников. Теперь хозяева украинской земли радушно встречают здесь своих гостей. Из Башкирии, с берегов Эмбы, с Сахалина и из Ухты едут советские люди отдыхать и лечиться в Трускавец, славный минеральными водами и целебным озокеритом. Над старомодными дачками бывших частных пансионов высится белокаменный дворец — новая, недавно отстроенная всесоюзная здравница нефтяников.

Таково сегодня Прикарпатье — древняя славянская земля, преображенная советским строем.

Трускавецкий санаторий нефтяников.

В фойе Дома культуры нефтяников.



Ежедневно в семь часов тридцать минут вечера во всех драматических и оперных театрах Украины — а их свыше 70 — начинаются спектакли. Со сцены одних театров звучит украинская речь; со сцены других — русская, но во всех зрительных залах украинцы и русские сидят рядом, и слово, которое произносит актер, рождает живой, благодарный отклик в их сердцах.

Сценическое искусство Украины с давних пор связано с русским реалистическим театром. Произведения классической и современной русской и украинской драматургии идут во всех театрах республики — от Ужгорода, расположившегося в живописных горах Закарпатья, до города шахтеров Сталино, от промышленного Харькова до портовой Одессы.

Сегодняшний день театров Украины находит свое отражение в публикуемых нами кратких сообщениях, полученных из разных областей республики.

Одна из последних постановок Государственного академического украинского драматического театра имени Франко — «Днепровские зори» Я. Баша. Сцена из 3-го действия. Светловидов — народный артист СССР Ю. Шумский (справа) и Бережной — народный артист УССР В. Добровольский.

Фото Н. Козловского.

Ежегодно московские театры гастролируют в Киеве, Харькове, Львове и других городах Украины, а украинские театры, в свою очередь, знакомят со своим репертуаром трудящихся Российской Федерации. Этот творческий обмен примет особенно широкие размеры весной 1954 года, когда вся страна будет отмечать историческую дату — трехсотлетие воссоединения Украины с Россией.

Театр имени Франко готовит к московским гастролям новую пьесу украинского писателя А. Ильченко «Петербургская осень». В центре пьесы — дружба великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко, пламенно любившего русский народ, с выдающимися русскими революционными демократами. В пьесе показан период жизни Шевченко в Петербурге после возвращения его из ссылки.

Театр собирается также поставить пьесу Л. Дмитерко «Навiки разом» («Навеки вместе»), «Грозу» Островского в новом переводе А. Ильченко и новую пьесу А. Корнейчука из современной советской жизни.

В городе шахтеров

Более тридцати лет назад при политотделе шестой армии организовался театр, которому впоследствии было присвоено имя А. С. Пушкина. После окончания гражданской войны театр продолжал работать во многих городах Украины. Когда он обосновался в Енакиеве, это был уже творчески сложившийся коллектив.

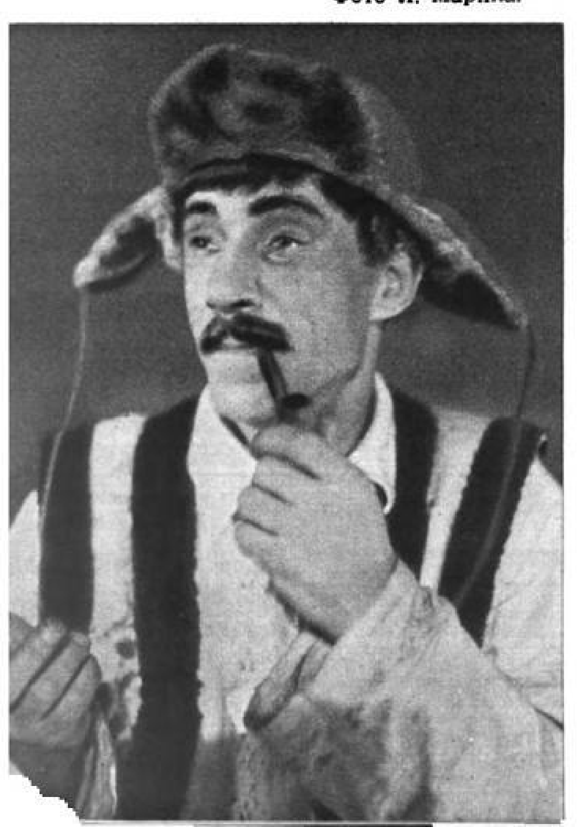
Свыше пятнадцати лет здесь работают заслуженный артист Туркменской ССР режиссер М. Амитов, артисты М. Семена, Р. Коненко, А. Плетнев, Т. Жукова, Н. Крамина, С. Рочинский, М. Нестеренко, Н. Зайцев. В театре выросло немало талантливых молодых актеров. Среди них — окончившая недавно Киевский театральный институт И. Малкова, играющая сейчас роль Сони в пьесе А. Чехова «Дядя Ваня», Оли — в «Семье» И. Попова, Гали — в «Не называй фамилий» В. Минько. Около пяти лет выступает на сцене Енакиевского театра Л. Коренев. Лучшая его актерская работа — исполнение роли Мастакова в горьковском спектакле «Старик».

А. Новиков начал свою театральную жизнь рабочим сцены, а сейчас исполняет роли молодого Ульянова в «Семье», Рамона — в «Третьей молодости» братьев Тур, Петра — в пьесе М. Горького «Последние».

Умелое воспитание молодежи — залог роста этого спаянного творческой дружбой театрального коллектива.

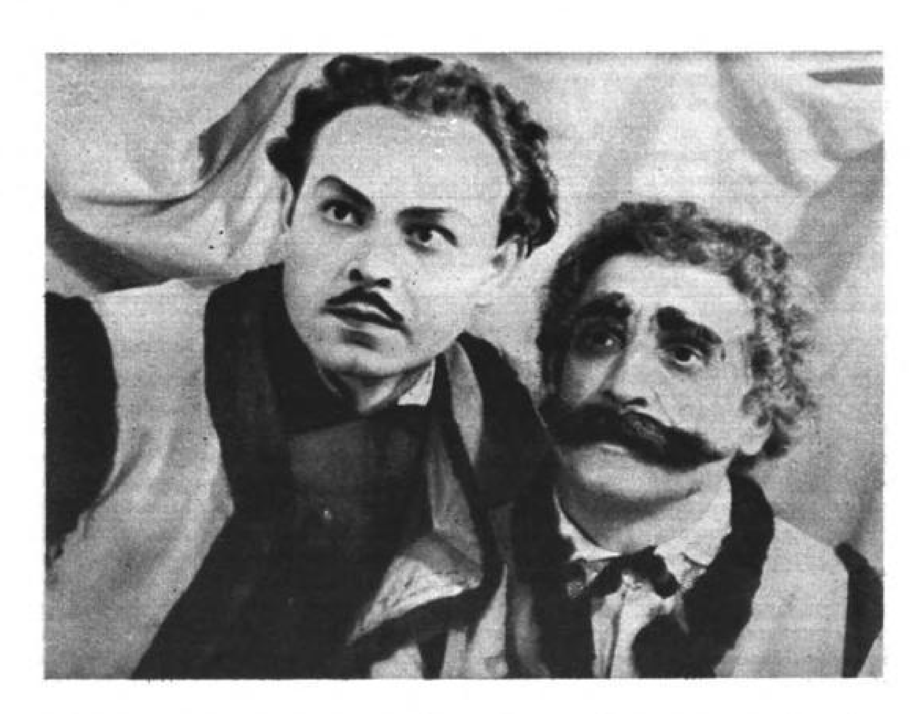
«Украденное счастье» И. Франко. Микола — заслуженный артист Туркменской ССР А. Я. Плетнев.

Фото Л. Марика.



Самый молодой

Измаильский областной драматический театр имени Т. Г. Шевченко — один из самых молодых на Украине: скоро он отметит свою четвертую годовщину. В репертуаре театра и русская классика и современные советские пьесы. Зрители Измаила и области, городов Станислава, Луцка, Ровно, Кишинева, где бывал на гастролях театр, тепло встречали его коллектив. Особенное признание получили «Разлом» Б. Лавренева, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Зыковы» А. М. Горького.



«Любовь на рассвете» Я. Галана. Слева направо: Семен Негрич — В. А. Александров и Иван Негрич — А. В. Леонидов.

«Шторм» В. Билль-Белоцерковского. Сцена из 2-го акта. Председатель укома — И. П. Моровщик, редактор уездной газеты — Г. И. Некряч, матрос — А. Ф. Некряч.

Спектакль о бойцах революции

Полтавский областной музыкально-драматический театр имени Н. В. Гоголя поставил недавно пьесу «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, одно из лучших произведений советской драматургии. В спектакле, пользующемся успехом, участвуют лучшие актеры театра.

Имени Щорса

В небольшом уездном городишке Александровске до революции совсем не было театра. В городском саду летом на кое-как сколоченных подмостках изредка подвизались проезжие куплетисты и фокусники. Потом какой-то местный делец приспособил под театральное помещение хлебный лабаз. В этом «храме искусства» время от времени давали свои представления гастролирующие труппы.

После революции в Александровске, переименованном в город Запорожье, все пошло по-другому. В специальном здании театра начали выступать стационарные труппы, открылись клубы, кинотеатры.

Запорожье, озаренное по вечерам тысячами огней Днепрогэса, «Запорожстали» и других заводов и фабрик, раздвинуло свои границы на несколько десятков километров. На центральной улице Ленина высится новое чудесное здание Запорожского украинского драматического театра, носящего имя легендарного героя гражданской войны на Украине — Николая Щорса.

Театр имени Щорса в нынешнем, 1954 году будет отмечать 25-летие своего существования. За эти годы коллектив театра поставил на своей сцене большое количество спектаклей — лучшие пьесы советских драматургов, произведения русской, украинской и западноевропейской классики. В сезон 1952—1953 года спектакли театра просмотрели около 30 тысяч колхозников — частых его гостей.

Всенародный праздник коллектив отмечает постановкой пьесы А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий», повествующей о славных страницах истории Украины.

Ю. ЯГНИЧ

Театр Буковины

Минуло 22 года со дня основания Черновицкого украинского драматического театра. Один из ведущих творческих коллективов Советской Украины, Черновицкий театр сложился необычным путем. Начало его истории связано с организованным в 1931 году Харьковским театром революции. Для этого молодого творческого коллектива, в который вступили многие из работающих ныне в Черновцах актеры, а также главный режиссер театра Б. Борин и художник А. Плаксий, характерным было стремление к современной теме, занимавшей ведущее место в его репертуаре, страстная увлеченность искусством.

В 1940 году, когда Северная Буковина воссоединилась с Советской Украиной, Харьковский театр был переведен в Черновцы. Коллектив его пополнился.

Театр много работал над созданием своего оригинального репертуара. Так появились спектакли «Земля» В. Василько (по повести выдающейся украинской писательницы О. Кобылянской), «Весенний поток» и «Ярослава» драматурга З. Прокопенко. Все эти спектакли сохраняются в репертуаре театра в течение многих лет и неизменно пользуются успехом не только у черновицких зрителей.

В текущем сезоне театр покажет «Грозу» А. Н. Островского, историческую драму «Порт-Артур» А. Степанова и И. Попова, комедию белорусского драматурга А. Макаенка «Извините, пожалуйста!», пьесы Ю. Чепурина «Вешние воды» и В. Розова «Страница жизни». Готовится инсценировка произведения украинского классика Панаса Мирного «Повия».

Г. ЛЕЙЧЕНКО

«Сильные духом» Д. Медведева и А. Гребнева. Сцена из 9-й картины. Николай Кузнецов — заслуженный артист УССР Ю. А. Величко.
Фото А. Антошко.

«Вей, ветерок!» Яна Райниса. Барба — С. Ф. Рунцова, Улдыс — А. Ф. Трощановский.
Фото О. Визира.

Одесский государственный театр оперы и балета. Сцена из балета «Олеся» Е. Русинова. Постановка народного артиста УССР В. Вронского.

Фото О. Малаховского.

Один из старейших

Театр имени Т. Г. Шевченко был создан 15 марта 1919 года. После изгнания войсками Щорса петлюровцев театр, находившийся тогда в Киеве, сначала назывался «Первый театр Украинской Советской Республики». В 1927 году театр переехал в Днепропетровск.

Многие произведения советской драматургии — «Виринея», «Конец Криворыльска», «Любовь Яровая», «Разлом», «Интервенция», «Гибель эскадры», «Выстрел», «Оптимистическая трагедия», «Первая Конная» (спектакль был поставлен режиссером Ал. Диким), «Платон Кречет», «Правда», «Русские люди» — шли на сцене Днепропетровского театра. Особенно крепким и плодотворным было творческое содружество с драматургом А. Корнейчуком: в театре имени Шевченко поставлены девять его пьес. «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука впервые увидел свет на днепропетровской сцене.

Днепропетровский областной драматический театр имени Шевченко. «Навеки вместе» Л. Дмитерко. Соратник Богдана Хмельницкого полковник Пушкарь — заслуженный артист УССР Н. Ф. Ильченко.

Большим событием в жизни театра была постановка пьесы украинского драматурга Любомира Дмитерко «Навеки вместе», раскрывающей великую силу дружбы русского и украинского народов. Этот спектакль театра удостоен Сталинской премии.

Днепропетровский театр имени Шевченко хорошо знают и трудящиеся Российской Федерации — зрители Рязани и Иванова, Свердловска и Нижнего Тагила, Молотова и Березников. Театр гастролировал и в Москве и в городах Белоруссии. Традиционной стала дружба шевченковцев с трудящимися Ленинграда, где театр побывал четыре раза.

С. ПОПИК

На оперной сцене

Когда-то на этой сцене пели Шаляпин, Собинов и Нежданова. Нередко выступали здесь представители славной семьи оперных певцов — Григорий и Александр Пироговы, Максакова и Давыдова...

Одесский театр оперы и балета, насчитывающий уже седьмое десятилетие, немало сделал для ознакомления своих зрителей с русской и западноевропейской оперной и балетной классикой. Здесь много работают и над новыми операми и балетами, созданными советскими композиторами — Т. Хренниковым, Д. Кабалевским, И. Дзержинским, Б. Асафьевым, Р. Глиэром, А. Крейном, З. Палиашвили, Ф. Яруллиным. На сцене Одесского театра родились балеты украинских композиторов К. Данькевича «Лилея» и Е. Русинова (он же дирижер театра) «Олеся», навеянные жизнью украинской деревни. Здесь же в новой редакции ставится ныне опера «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича — одно из лучших произведений советского оперного искусства.

Десятый сезон театра

В апреле 1954 года исполняется 10 лет с того дня, как в освобожденной от фашистских оккупантов Виннице раскрылся занавес на сцене Музыкально-драматического театра. Впрочем, слово сцена было далеко не точным определением той «спичечной коробки», как шутя называли здесь площадку, на которой ставил свои первые спектакли коллектив вновь созданного театра.

Отступая под натиском Советской Армии, оккупанты сожгли здание городского театра, уничтожили богатый театральный гардероб, реквизит, декорации. Надо было все создавать сначала. Но и в этом небольшом, мало приспособленном помещении театр уже в первый сезон показал зрителю пьесы Кропивницкого, Котляревского, Корнейчука, Симонова.

С каждым годом росло художественное мастерство творческого коллектива, расширялся его репертуар. Одновременно шло строительство нового здания. В 1948 году в Октябрьские праздники состоялось открытие нового здания театра, сооруженного при участии населения города.

Зал на 800 мест, просторная, хорошо оборудованная сцена, нарядное фойе, благоустроенные подсобные помещения — таким стал этот дворец искусства. Коллектив Винницкого театра часто выезжает в районы и села области, а летом — на гастроли в города Российской Федерации.

В нынешнем сезоне коллектив готовит новые спектакли: «На крутых берегах» драматурга Н. Зарудного, «Огненный мост» Б. Ромашова, «Сон князя Святослава» И. Франко, «Дети солнца» А. М. Горького.

К. ВИТАВСКИЙ

Винницкий областной музыкально-драматический театр. «Лымеривна» Панаса Мирного. Сцена из 4-го акта. Слева направо: Карпо — заслуженный артист УССР Я. И. Глыб, Наталья — М. Б. Анищенко, Шкандыбиха — М. К. Болтянко, Лымериха — Л. П. Шеремет.

Фото Н. Овчаренко.

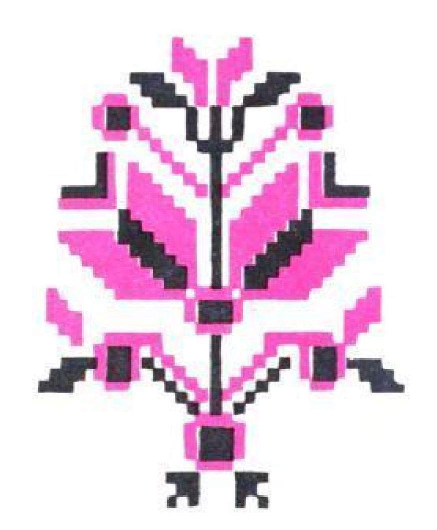
Народное творчество Украины

Фото Н. Козловского.

Самобытные высокохудожественные произведения прикладного искусства создаются украинским народом. Ярко и радостно искусство художников-умельцев, исполненное поэтической выдумки. Украинские женщины бережно хранят богатейшие народные традиции, любовно воссоздают национальный орнамент в своих искусных вышивках. Кто не знает ярких, разнообразных декоративных рисунков украинских вышивальщиц!

Много искусства вкладывают народные художники в создание керамических изделий. Их формы и роспись отмечены подлинным талантом и мастерством. Эти изделия украинцев известны далеко за пределами Советского Союза.

Решетиловские вышивальщицы за работой. Художественная промартель имени Клары Цеткин. Полтавская область.



Опошнянские мастера майоликовых изделий славятся на Украине. Продукция артели «Художественная керамика» не раз отмечалась дипломами и грамотами на выставках. На снимке: сортировка майоликовых изделий после обжига.

Тарапунька и Штепсель начинают телевизионную передачу.

Ю. ТИМОШЕНКО, Е. БЕРЕЗИН

Короткометражный фильм «Тарапунька и Штепсель под облаками» — первый опыт создания кинофельетона. Его авторами (сценаристами, режиссерами) и участниками являются талантливые украинские эстрадные артисты Ю. Тимошенко и Е. Березин.

Они рассказывают о своей работе над фильмом.

Работая на эстраде уже много лет, мы всегда с удовольствием отмечали, что советские люди любят юмор и сатиру, правда, бывало обидно, что слушало нас относительно небольшое количество зрителей. Когда на помощь пришло радио и грамзапись, сатира стала преследовать свои «объекты» везде: дома у радиоприемников, на улицах у репродукторов, на пароходе и в поезде, в часы отдыха и командировок.

Успех произведений, исполняемых на эстраде, находится в прямой зависимости от их актуальности и злободневности. Порой жизнь эстрадного произведения исчисляется буквально днями.

Как-то, выступая в день, когда в Москве открылось новое здание МГУ на Ленинских горах, мы об этом знаменательном событии сказали с эстрады шутку, вызвавшую тогда одобрительный смех. Через два дня эту шутку еще приняли легкой улыбкой, а через неделю один из зрителей возмущался: «Уже пора говорить про открытие ГУМа, а вы все про открытие МГУ рассказываете. Стыдно вам так отставать от жизни!»

Что навело нас на мысль обратиться к искусству кино? Опыт показал, что интермедии, рассчитанные на зрителя, многое теряют, когда их не видят, а только слушают. Радио и грамзапись лишают зрительного восприятия, очень важного в эстрадном искусстве. И вот мы написали короткометражную комедию о том, как Тарапунька и Штепсель, обозревая «из-под облаков» чудесный Киев, увидели при этом немало недостатков, мешающих людям жить лучше, счастливее.

Читатели, не знакомые со спецификой киноискусства, не знают, как много времени, сил и энергии тратится на кадры, которые проходят потом на экране в течение 2—3 секунд. Достаточно сказать, что для съемки полета Штепселя на зонтике исполнителю этого трюка пришлось почти целый день висеть подвязанным на тросах к потолку, и, право, нелегко ему было изображать на лице «удовольствие» от такого «веселого» полета. Тарапунька, тоже улыбаясь, висит на ветке дерева. Но ему было совсем не до смеха, когда его по ошибке «подвесили» на гнилую ветку и она обломилась.

Много можно было бы рассказать о комбинированных съемках оператора Б. Горбачева, позволившего нам взобраться «под облака» и прыгать оттуда без всякого риска для жизни. Но о чудесах кино пусть говорят кинодеятели, а мы расскажем о том, что сопутствовало созданию нашего фильма.

Немалые затруднения были вызваны самим жанром кинофельетона. Наш незатейливый сценарий довольно бойко прошел по всем соответствующим инстанциям. Получив ряд разноречивых заключений, он был все же утвержден.

Мы уже приступили к съемкам, но сценарий продолжали обсуждать — на этот раз в основном лица и учреждения, которые критиковались в кинофельетоне.

Обиды росли. Кинематографисты, например, в общем одобряя сценарий, возражали против того места, где критиковались беспорядки в кино:

— Оно, может, и неплохо, но неуместно...

— Хорош сценарий,— говорили писатели,— здорово вы кинoруководителей пробрали, вот только это место, где вы про писателей говорите... стоит ли?

— Интересный сценарий,— сказал товарищ из горисполкома,— правильно вы критикуете писателей и киношников, поделом им. Но не кажется ли вам, что следует убрать строки, где вы говорите о недостатках в работе горисполкома? И не лучше ли поговорить о красоте нашего города?

Подобные замечания поступали и из других учреждений, но это только убеждало нас в том, что критика наша правильная.

Возражений не вызвали, пожалуй, только заглавные титры и финальная надпись: «Конец». Невероятно много времени уходило у нас на доказательство правильных и, казалось, абсолютно понятных вещей. Тем не менее съемки пришли к концу.

Смонтированы последние кадры отснятого материала, и мы, пригласив осветителей, рабочих мастерских, всех, кто был свободен в это время, отправились в просмотровый зал.

На экране замелькали первые кадры. Смятение и неуверенность охватили нас. И вдруг веселый смех раздался в зале... Мы облегченно вздохнули и уже со спокойным сердцем пришли на первый официальный просмотр в студии. Там собрались редакторы, местные киноработники, руководители студии. Началась демонстрация фильма. Все сидели серьезные и насупленные,— видимо, так полагалось им на работе. Вдруг кто-то в зале захохотал во все горло. Все возмущенно повернулись в сторону нарушителя (шофера), который немедленно был удален из зала. Более сложным оказалось положение с другим нарушителем — киномехаником, крутившим ленту. Выгнать его нельзя было, и присутствующим оставалось только возмущенно разводить руками каждый раз, когда из кинобудки вместе со снопом лучей несся в зал раскатистый смех.

Просмотр кончился, как и шел, при гробовой «творческой» тишине.

— Смешно,— сказал сосредоточенно и убежденно директор студии.

— Смешно,— так же мрачно присоединился маститый кинорежиссер.

— Смешно-то смешно, — подтвердил серьезно редактор, — но поправки необходимы.

И вот посыпались поправки.

Молоденькую редакторшу больше всего волновало, почему в фильме молодежь целуется до записи в загсе.

— Какой пагубный, растленный пример!

Ее коллега решил вступиться за Гоголя:

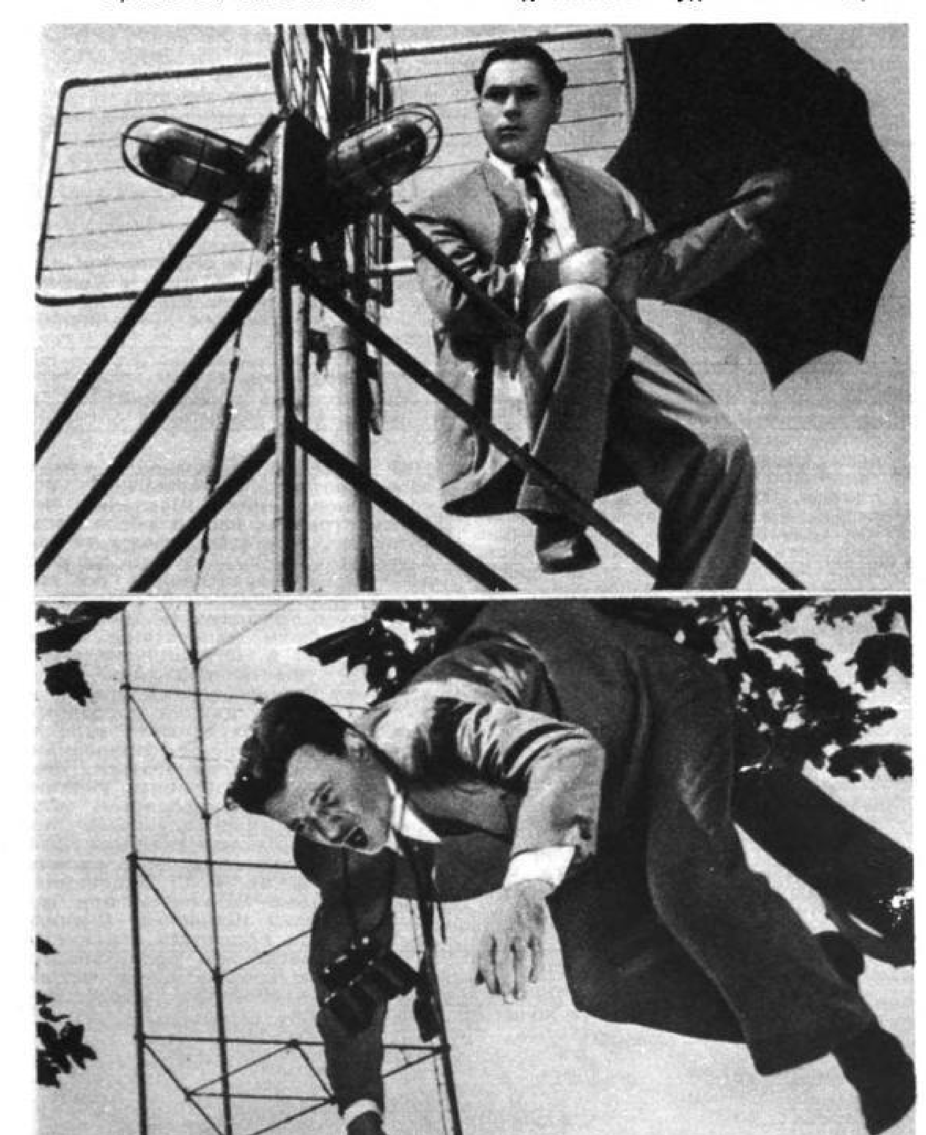
— Или читайте всю повесть «Страшная месть» или цитируйте со сноской и указателем страницы и тома, а то ведь подумают, что это ваши собственные слова: «Чуден Днепр при тихой погоде...»

А один товарищ заявил коротко, но ясно:

— Лучше бы на эти деньги построили дом!

В фильм, который идет на экране 20 минут, были внесены 22 поправки. На одной из них, самой последней, нам хочется остановиться подробнее. В Киеве года три тому назад была построена новая гостиница, которую почему-то назвали «Палас». Мы в наших интермедиях много раз высмеивали это претенциозное наименование. Разговор об этом мы решили повести и с экрана. Когда фильм был закончен, просмотрен в множестве организаций и готовился к выпуску на широкий экран, горсовет переименовал гостиницу, назвав ее «Украина». Эту последнюю поправку в фильме мы сделали с нескрываемым удовольствием. Это была не только поправка в фильме, но и поправка, которую сатира делает в жизни, к чему сатирики и призваны. Такие «поправки» — самая лучшая им награда.

Сейчас мы работаем над новой короткометражкой — «Приключения с пиджаком Тарапуньки». Первый наш кинофельетон закончился тем, что Тарапунька, благополучно совершив падение с вышки на землю, разорвал свой пиджак. Приключения Тарапуньки и Штепселя, связанные с их попытками починить пиджак или купить новый, легли в основу сюжета будущего фильма. Мы надеемся, что в работе над новым короткометражным фильмом нас не ждет опять борьба с полнометражными затруднениями.



«Тарапунька и Штепсель под облаками». Наверху Штепсель — артист Е. Березин, внизу Тарапунька — артист Ю. Тимошенко.

Братья-великаны

Музыка К. ЛИСТОВА. Слова А. ЖАРОВА.

В дружной семье живут
Два брата-великана.
Нивы у них цветут
От моря
До моря-океана...

Русские равнины,
Степи Украины!..
Чем горды мы?
Чем сильны мы?
Тем, что мы едины.

Древних времен наказ
Браты не забывали.
Вместе врагов не раз
До дома,
До дома провожали.

Русские равнины,
Степи Украины!..
Чем горды мы?
Чем сильны мы?
Тем, что мы едины.

Ленинский стяг несут
Два брата, два народа.
В славной семье живут
Богаче,
Богаче год от года.

Русские равнины,
Степи Украины!..
Чем горды мы?
Чем сильны мы?
Тем, что мы едины.

Братский Союз кипит
Отвагой трудовою.
Киев с Москвою слит
Счастливой,
Счастливой судьбою...

Русские равнины,
Степи Украины!..
Чем горды мы?
Чем сильны мы?
Тем, что мы едины.

О стихотворении Некрасова на смерть Шевченко

Корней ЧУКОВСКИЙ

В этом известном стихотворении есть одна своеобразная особенность: в нем трижды обличается бог как злейший враг и губитель людей.

Наиболее резко это обличение звучит в тех стихах, где говорится о последнем периоде жизни Шевченко, когда поэт, воротившись из ссылки, стал приближаться к желанному счастью:

Кончилось время его
несчастливое,
Все, чего с юности ранней
не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
ТУТ ЕМУ БОГ ПОЗАВИДОВАЛ:
Жизнь оборвалася.

По мысли этого стихотворения, бог, ненавидя людей, завидуя каждой их удаче и радости, с особенной жестокостью преследует лучших из них:

Так погибает ПО БОЖИЕЙ
МИЛОСТИ
Русской земли человек
замечательный...

Во всем литературном наследии Некрасова не найдется других стихов, где бог изображался бы как враг человечества, как источник зла. Здесь же этот образ появляется снова и снова. Некрасов даже называет провидение «игривым», ибо оно, по его словам, затем и медлит убивать свою жертву, чтобы вдоволь наиздеваться над нею и прикончить ее в тот самый миг, когда счастье покажется ей особенно близким. Так, говорит Некрасов, оно и поступило с Шевченко:

Но, сократить не желая
страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей ПРОВИДЕНЬЕ
ИГРИВОЕ.

Откуда же взялась у Некрасова эта необычная тема, не встречающаяся в его прочих стихах? И почему он так настойчиво развивает ее именно в стихотворении, посвященном Шевченко?

Мне кажется, что ответить на эти вопросы нетрудно, стоит только всмотреться внимательно в гениальную шевченковскую книгу «Кобзарь». Там эти мысли повторяются много раз.

В жизни Шевченко, как и в жизни Некрасова, не было, кажется, такого мгновения, когда он всем сердцем не чувствовал бы творящихся вокруг него зол и неправды. Эта чуткость к чужому страданию и привела его к мысли, что если бы в небе действительно был хоть какой-нибудь бог, разве люди могли бы дойти до таких отчаянных мук? Изображая, например, горькую участь крепостного «селянства», Шевченко восклицал в «Кобзаре»:

Бо немає
Господа на небі!

. . . .

Нема навіть кругом тебе
Великого бога!

Правда, «селян» поучали, что им надобно веровать в бога, чтобы безропотно и даже радостно гибнуть, но

Як же його вірить?
Заплющивши очі?
Ох, рад би я вірить, та серце
не хоче.

Тут все дело именно в необычайной способности Шевченко чувствовать страдания народа как свою, личную боль. Для него, как и для Некрасова, в тогдашней России не было ни единого звука,

Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

Так как в то время многие из порабощенных людей, из «отих окрадених, сліпих невольників», все еще уповали на милосердие божье, Шевченко неустанно твердил в «Кобзаре», что если в мире существует всевидящий бог, он, судя по его делам, отличается беспощадной жестокостью, он заодно с теми, кто угнетает народ, он глумится над народными бедствиями:

А може й сам на небесі
Смієшся, батечку, над нами
Та, може, радишся з панами,
Як править миром!..

Отсюда гневные упреки поэта, обращенные к безжалостному богу, и эти постоянные горькие вопросы в стихах:

Чи бог бачить ізза хмари
Наші сльози, горе?

. . . .

А бог куняє. Бо се було б
диво,
Щоб чути і бачить — і
не покарать.

Ведь делаются страшные вещи: «дочку с теличку однимає у мужика... і бог не знає». Закабаленных людей «мордують», распинают и вешают, а он слеп и равнодушен к этим пыткам:

А ти, всевидящее око!
Чи ти дивилося звисока,
Як сотнями в кайданах гнали
В Сибір невольників святих,
Як мордували, розпинали
І вішали?!

Уж лучше бы, по мысли Шевченко, этот «игривый», злокозненный бог забыл о страдающих людях, отвернулся от них и вообще оставил их в покое. Шевченко восклицал с горьким украинским юмором:

Коли одпочити
Ляжеш, боже утомленний?
И нам даси жити!

И когда обнаруживаешь, что в свое краткое стихотворение, посвященное памяти Шевченко, Некрасов трижды вводит образ бога-мучителя, бога-врага, трудно отказаться от мысли, что это сделано под живым впечатлением тех потаенных стихотворений Шевченко, которые в то время (в 1861 году) еще не были напечатаны ни в русских, ни в заграничных изданиях, а существовали лишь в рукописях. Именно в этих стихах и были преимущественно сосредоточены те «богохульные» строки, которые мы сейчас приводили. Вряд ли можно сомневаться, что, сблизившись с великим украинским поэтом, руководители «Современника» — Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — знали полный «Кобзарь», без цензурных купюр: может быть, от Н. С. Курочкина, переводившего Шевченко, или даже от самого Шевченко. Очевидно, Некрасов перечитал его книгу и под впечатлением прочитанного применил к самому поэту встречающийся в «Кобзаре» образ жестокого бога.

Гімн братерству

Музика П. МАЙБОРОДИ.

Слова М. РИЛЬСКОГО.

В дружбі цвіте наша родина,
Вільна, велика, радянська сім'я,
В творчім труді завжди єдина.
Гордо людини підносить ім'я.

ПРИСПІВ:

Слався довічная дружба священна,
Скріплена кров'ю в жорстоких боях,
Майте вгорі, світлі знамена,
До комунізму показуйте шлях!

Квітне любов з роду до роду,
Не зупинити дзвінких наших рік!
Слався в віках, воле народу,
Слово Богдана прослався повік!

ПРИСПІВ.

Троє сторіч нас побратало,
Сяє безсмертя в майбутньому нам,
В битвах за мир меч і орало
Служать незрадно трудящим рукам.

ПРИСПІВ.

Світу маяк наша держава,
Світові приклад радянські діла.
Братським серцям шана і слава,
Партії слава, народам хвала!

ПРИСПІВ.

Привет

Максим ТАНК

Сколько горя изведала ты, сколько раз
По земле твоей вражья катилась лавина.
Но свободы лучи засверкали для нас,
Для тебя, Украина!

Наша Партия путь начертала прямой
И народы сплотила навек воедино.
Под созвездьем Кремля, вместе с братской Москвой
Ты цветешь, Украина!

Шар земной на гербе оплели мы венком.
В нем колосья, что наши взрастили равнины.
И колосья твои золотистым зерном
В нем горят, Украина!

Песня, радуя сердце, летит на простор,
Над страною парит на крылах голубиных.
Слышу в хоре шестнадцати верных сестер
Голос твой, Украина!

Гул московских салютов, сиянье ракет
Возвещают бессмертных побед годовщины.
Созидатель и воин — участник побед —
Твой народ, Украина!

Ныне славим в кругу нашей дружной семьи
Твой с Россией союз трехсотлетний, старинный.
От счастливой сестры — Беларуси — прими
Наш привет, Украина!

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКИЙ.

Единство

Антанас ВЕНЦЛОВА

Я услыхал сердцебиенье
Твое в раздольной песне юга,
И эта песня — приглашенье,—
Она зовет меня, как друга.
Шевченко думу о народе
Вынашивал неколебимо...
Ты к солнцу поднялась, к свободе,
Сынами Родины любима.
В войну плечом к плечу мы бились,
Неся сквозь бой любовь к Отчизне,—
За мир, за Киев и за Вильнюс,
За Сталинград — во имя жизни.
Мне часто снится Днепр могучий,
Цветенье белое Полтавы,
Поля безбрежные и кручи,
И упоительные травы,
И города — они все краше
И все моложе час от часа, —
И Днепрогэс — сиянье наше,—
И шахты славного Донбасса.
Прими же от меня, литовца,
Привет сердечный, Украина!
Повсюду о тебе поется,
На разных языках — едино.
Разноязычные народы,
Мы — граждане Страны Советов.
Единство наше в эти годы —
Залог великого расцвета.
...Я услыхал сердцебиенье
Твое в раздольной песне юга,
И эта песня — приглашенье,—
Она зовет, как сердце друга.

Перевел с литовского
Лев ОЗЕРОВ.

Спортсмены УКРАИНЫ

М. ЗАСЛАВСКИЙ

Фото Н. ВОЛКОВА и И. ШАИНСКОГО.

Славится своими спортсменами Украина. В богатых колхозных селах, на заводах и в шахтах, на школьных площадках и вузовских стадионах растет сильная молодежь.
В сборных командах СССР — по гимнастике, борьбе, плаванию, легкой атлетике, гребному спорту, волейболу — вы обязательно встретите спортсменов УССР.
О лучших из них и рассказывает этот фотоочерк.

МЕЧТА СПОРТСМЕНА

Заслуженный мастер спорта Петр Денисенко и известный украинский поэт, лауреат Сталинской премии Платон Воронько — большие друзья. Поэт посвятил спортсмену шутливое стихотворение, в котором есть такая строфа:

Жить бажаю при здоров'і
Денисенкові Петрові.
Підстрибнути трохи вище —
Сантиметрів до півтищі!

Это ли не мечта каждого прыгуна — приблизиться к «полтыще сантиметров», к пятиметровой высоте!

Правда, осуществить эту мечту не удалось пока никому, и спортсмен, преодолевший планку на высоте, скажем, 4 метра 20 сантиметров, уже считается прыгуном высокого класса. В нынешнем году Петру Денисенко удалось снова улучшить рекорд СССР. Его достижение — 4 метра 44 сантиметра. Для Денисенко, находящегося сейчас в расцвете сил, такой результат, разумеется, не предел. Он принадлежит к числу тех беспокойных людей, которым не свойственно останавливаться на достигнутом.

Петр Денисенко с глубоким уважением отзывается о замечательном русском спортсмене Николае Георгиевиче Озолине, основоположнике советской школы прыжков с шестом. Глубокие знания Озолина, его научный подход к тренировке, высокие волевые качества, отточенная техника всегда служили образцом молодому украинскому спортсмену.

— Прыгун с шестом, — говорит Денисенко, — должен обладать скоростью спринтера, руками штангиста, владеть своим телом, как хороший гимнаст, быть смелым и решительным, как альпинист.

Настойчиво развивая в себе эти качества, украинский спортсмен готовится к новому штурму высоты.

СИЛАЧ С ВОЛЫНИ

Имя Андрея Хвесика, колхозного спортсмена из Волынской области, известно далеко за пределами Украины. Он первым из многотысячной армии сельских тяжелоатлетов страны получил почетное звание мастера спорта СССР.

Четыре раза штангист легкого веса Хвесик выходил победителем всесоюзных конкурсов сельских силачей. И всегда, возвращаясь в родной поселок Любешев, он думал о том, что своим опытом нужно поделиться с учениками. Молодой мастер организовал среди колхозников тяжелоатлетическую секцию, и пять его воспитанников уже стали штангистами-разрядниками.

Весной нынешнего года Хвесику впервые довелось побывать в одном из старейших русских городов — Ярославле, — где проходил финал IV всесоюзного конкурса сельских силачей. Никогда не забудет он той теплоты и сердечности, с какой жители Ярославля встретили украинских гостей.

НА КОВРЕ

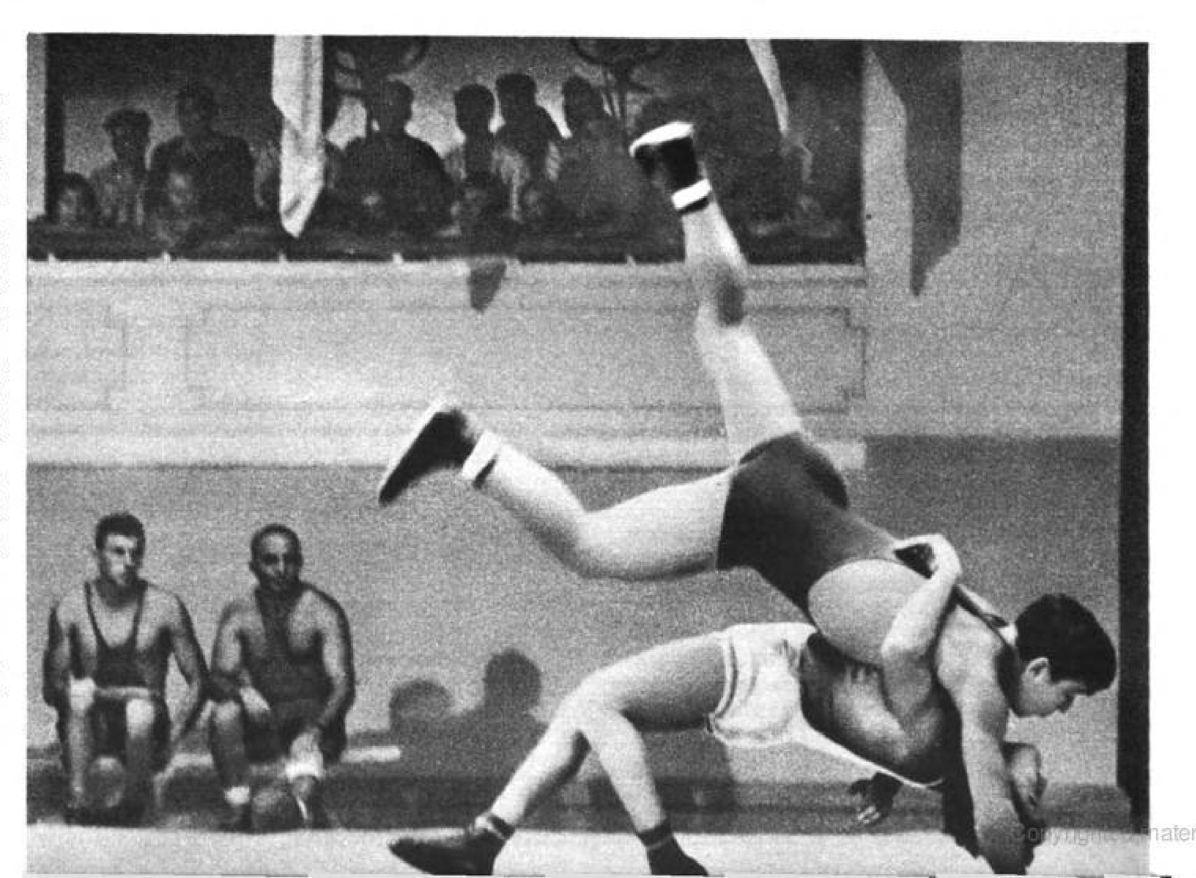
Олимпийские соревнования по классической борьбе были серьезным испытанием для каждого участника. Здесь, в Хельсинки, встретились представители многих стран, среди них — чемпионы Турции, Швеции, Ирана, Финляндии, Египта. Но Яков Пункин, молодой борец из Запорожья, несмотря на это, был полон решимости добиться победы.

Первого своего противника — сильного и изворотливого француза Мерле — Пункин положил на лопатки через 11 минут 17 секунд после начала схватки. Затем советский спортсмен добился победы над турком Безбеем, венгром Полаком. Египтянин Рашид долго сжимал Пункина в могучих своих объятиях, но и он был положен на лопатки.

Стоявшему на пьедестале почета Якову Пункину под звуки Государственного Гимна СССР была торжественно вручена золотая медаль олимпийского чемпиона. Вместе с ним это почетное звание завоевали советские спортсмены Иоганнес Коткас, Шазам Сафин, Борис Гуревич.

Выступления на борцовском ковре заслуженного мастера спорта Якова Пункина не всегда сопровождались успехом. Были у него и неудачи, — например, в последнем чемпионате мира. Но Пункин не из тех, кто сдается. Он снова и снова отрабатывает технику, пополняет арсенал захватов и бросков, заботится о своей всесторонней физической подготовке.

Летом 1953 года в Бухаресте во время IV Всемирного фестиваля молодежи товарищи по команде увидели на ковре прежнего Пункина — борца, умеющего молниеносно проводить каскад блестящих приемов. Украинский спортсмен получил еще одну золотую медаль — победителя спортивных состязаний на фестивале. На снимке: Яков Пункин (внизу) ведет схватку с Шазамом Сафином.



ИСТОРИЯ ЧЕМПИОНА МИРА
←

...Увенчанный лавровым венком, по ледяной дорожке медленно скользит новый чемпион мира. Он совершает традиционный «круг почета», и ему, крепышу в темносинем костюме с буквами «СССР» на груди, аплодируют десятки тысяч людей, собравшихся на трибунах стадиона в Хельсинки.

Это было в феврале 1953 года. Возрождая славные традиции замечательных русских конькобежцев, советские спортсмены одержали блестящую победу. Звание чемпиона мира завоевал молодой украинец Олег Гончаренко, на второе место вышел его талантливый русский товарищ, абсолютный чемпион СССР Борис Шилков...

Семь лет назад юный харьковчанин Олег Гончаренко впервые стал заниматься скоростным бегом на коньках. Он вырос в семье спортсменов: мать Олега много лет была чемпионкой республики по конькам и велоспорту, отец — известным футболистом.

Под руководством опытных харьковских тренеров Желубовского и Черного юный спортсмен быстро рос. Он стал сильнейшим конькобежцем республики, и до сих пор все юношеские и мужские рекорды Украины принадлежат ему.

Но настоящее мастерство, высокий международный класс пришли к Олегу тогда, когда, закончив техникум, он переехал в Москву. Здесь молодой спортсмен стал систематически тренироваться под руководством известного русского скорохода Константина Кудрявцева. В борьбе с лучшими советскими конькобежцами на ледяных дорожках Москвы, Горького, Кирова, на высокогорном катке близ Алма-Аты Олег Гончаренко за короткий срок добился выдающихся успехов.

«НИЧЕГО ОСОБЕННОГО»
→

В 1951 году в Минске во время соревнований на первенство Советского Союза по легкой атлетике произошло событие, которое буржуазные журналисты не преминули бы назвать «величайшей сенсацией». В забеге женщин на 800 метров группу опытных спортсменок опередила представительница украинской команды — худощавая девушка, почти никому не известная за пределами республики. И не только опередила, но и установила мировой рекорд.

Этой неизвестной девушкой была Нина Откаленко (Плетнева).

Она прошла дистанцию за 2 минуты 12 секунд.

На финише девушку окружили корреспонденты газет. Они настойчиво расспрашивали Нину Откаленко о ее жизни. Но девушка в ответ только разводила руками, смущенно улыбалась и говорила: «Не знаю, что вам и рассказать, нет в моей жизни ничего особенного».

Да, она занимается легкой атлетикой только второй сезон. Да, впервые выдвинулась на заводских соревнованиях в небольшом донецком городе Дружковке. Первый успех окрылил, стала серьезно тренироваться; ей очень много помогли занятия с опытными тренерами — сначала в родной Дружковке, а потом в Сталино и в Киеве. Да, ей всячески шли навстречу — и на заводе и в спортивном обществе «Шахтер». Ведь все это так обычно, что вряд ли может заинтересовать журналистов.

То, что она, рядовая физкультурница, так быстро стала мировой рекордсменкой, не казалось девушке из шахтерского города чем-то необычным...

Сейчас заслуженный мастер спорта Нина Откаленко учится в Киевском институте физкультуры. Здесь она встретила двух спортсменок — мастеров спорта Нину Чернощек и Дору Баракович, тоже выступающих на дистанции 800 метров. В благородной спортивной борьбе с ними и с другими спортсменками Нина Откаленко много раз повышала свое достижение. В нынешнем году она снова улучшила свой результат. Теперь он равен 2 минутам 7,3 секунды. Близкие к этому результаты показывают и Нина Чернощек и Дора Баракович.

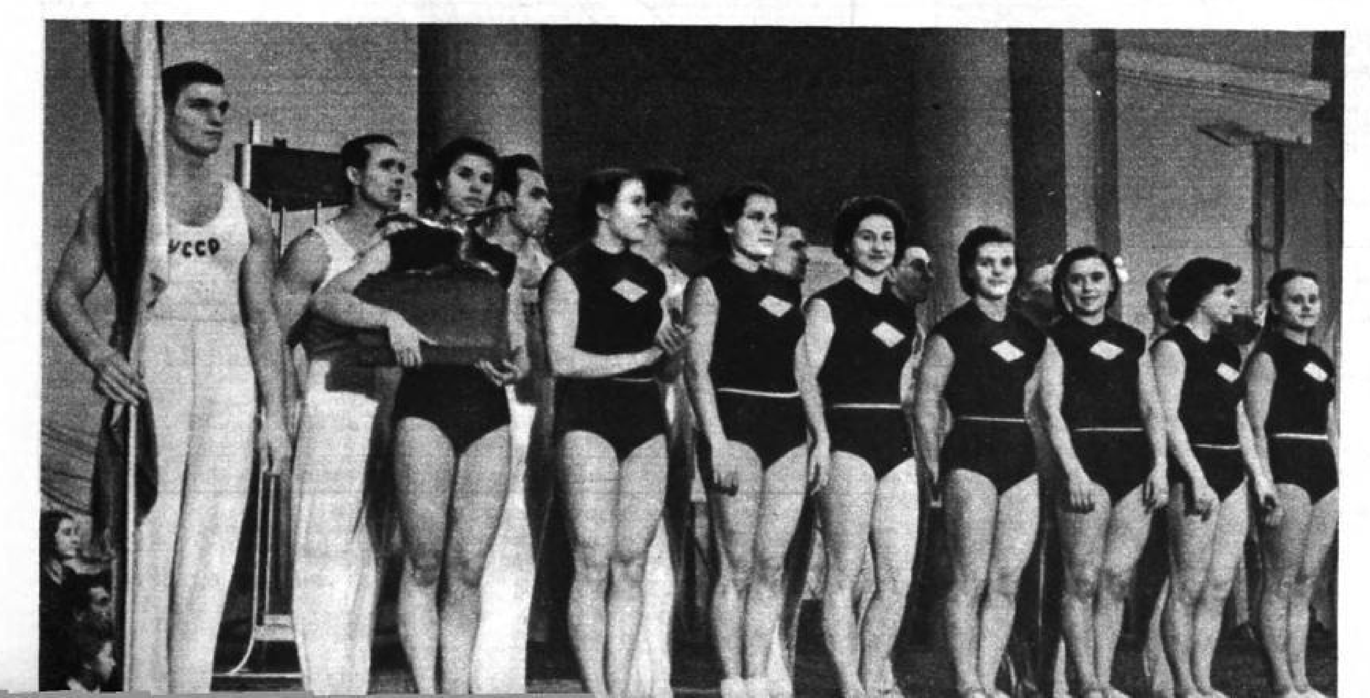
Содружество трех киевских спортсменок принесло еще один мировой рекорд — в эстафетном беге 3 × 800 метров.

ГИМНАСТЫ УКРАИНЫ

Завоевать командное первенство СССР по спортивной гимнастике, пожалуй, труднее, чем одержать победу на таком крупнейшем международном состязании, как олимпийские игры.

Тем почетнее успех команды Украины, ставшей чемпионом страны 1953 года. Успех этот заслужен. В составе украинской команды выступают абсолютные чемпионы олимпийских игр и многократные чемпионы страны — Виктор Чукарин, Мария Гороховская, абсолютная чемпионка СССР Генриэтта Коновалова, такие опытные мастера, как Нина Бочарова, Дмитрий Леонкин, Иосиф Бердиев. А рядом с ними молодая смена: девятнадцатилетняя киевская студентка Лариса Дирий, ученик украинского тренера Александра Семеновича Мишакова — Борис Шахлин.

...Украинскими гимнастами гордится весь советский народ.



Неопубликованное письмо Рылеева

Многие произведения поэта-декабриста К. Ф. Рылеева посвящены истории борьбы Украины за свою независимость — поэмы «Войнаровский», «Наливайко», дума «Богдан Хмельницкий».

Поэт в соответствии с исторической правдой показывает, что авантюристические попытки гетмана Мазепы оторвать Украину от России не находили поддержки в народе. Два украинца, захваченные в плен приверженцами Мазепы, говорят гетману:

Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал;
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду...

Поэт работал над драмой о Богдане Хмельницком (отрывки из которой были впервые опубликованы в 1951 году в «Огоньке» № 30). По свидетельству декабриста Ф. Глинки, Рылеев намеревался посетить места, где развертывались изображаемые им события.

Передовая украинская интеллигенция зачитывалась произведениями Рылеева еще при его жизни и была благодарна поэту за его горячее сочувствие украинскому народу. Показательно письмо украинского поэта Н. А. Маркевича, сотрудничавшего в альманахе Рылеева и Бестужева-Марлинского «Полярная звезда»:

«Позвольте мне вам писать, как истинный гражданин своего любезного отечества, как добрый малороссиянин. Итак, могу ли я хладнокровно читать «Войнаровского» и «Наливайку»? Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность... «Исповедь Наливайко» врезана в сердцах наших и моем также».

Ответное письмо Рылеева до сих пор оставалось неопубликованным. Оно было написано 18 октября 1825 года — незадолго до восстания декабристов и ареста поэта.

В начале письма, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве в Москве, Рылеев сообщает, что отрывок из поэмы Маркевича «Жизнь» будет напечатан в альманахе «Полярная звезда» на 1826 год, и просит выслать отрывки из поэмы «Паризина».

«Теперь позвольте поблагодарить вас,— пишет далее Рылеев,— за лестное окончание письма вашего. Я Русской, но три года жил на Украйне: мало для себя, но довольно для того, чтобы полюбить эту страну и добрых ея жителей... Я писал, что чувствовал, и никогда не думал, чтобы особые труды мои заслужили такое лестное внимание потомков Хмельницкого и Наливайко. Не один вы, многие из соотечественников ваших подобным обращением отзывались ко мне. Это такая награда, которая навсегда оставит меня в долгу перед вашим отечеством. Дай мне бог сил и возможности хотя бы несколько отблагодарить земляков ваших».

Н. ПРОКОФЬЕВ

Нерон и Дмитрий Замфиры

На окраине молдавского села Джурджулешты на пологом скате высокого холма белеет небольшой домик. Окна его обращены туда, где неширокая лента Прута соединяется с голубым Дунаем.

В нескольких метрах от домика начинаются виноградники, и тянутся они ровными рядами почти до самого берега Прута.

Мы входим в тщательно прибранный дворик. На стене висит мемориальная доска с портретом М. М. Коцюбинского. Надпись гласит:

«В 1895 году великий украинский писатель М. М. Коцюбинский побывал в селе Джурджулешты и написал рассказ «Для общего блага», в котором показана судьба молдаванина Нерона Замфира, жившего в этом доме».

Вспоминаем сюжет рассказа. В Джурджулешты (по рассказу — Лоешты) прибыла комиссия, которая тщательно искала зараженные вредителем — филлоксерой — виноградники. Зараза была обнаружена на участке Нерона Замфира. Члены комиссии приказали вырубить виноградники — единственное богатство крестьянина.

«Голову мою рубите, не виноград...— молил Нерон Замфир,— не лишайте меня куска хлеба, не делайте сиротой, потому что я погибну...»

Но что зависело от комиссии? Могла ли она улучшить положение молдавских виноградарей?.. И вот результат: виноградники уничтожены, жена Замфира умерла, сам Нерон остался с малолетними детьми, обреченными на нищенское существование.

«В основу рассказа был положен действительный факт, с которым встретился Коцюбинский в 1895 году, когда он был в Бессарабии в составе комиссии по уничтожению филлоксеры.

Царская цензура, решив, что этот рассказ «в душе крестьянина... может возбудить только ненависть к властям», запретила его распространение.

С тех пор минуло более чем полвека. В доме, где умер Нерон Замфир, живет его сын Дмитрий Неронович. Он привык к тому, что его часто навещают приезжие.

Замфир знакомит нас с глубоким стариком, старейшим жителем села Афанасием Ивановичем Ротару, который хорошо помнит приезд комиссии и трагедию Нерона, виноградники которого были уничтожены.

— Только один человек из комиссии,— рассказывает Ротару,— поддержал Нерона. Он не чурался молдаван, а сам пришел в дом Нерона, заговорил с ним, помог ему деньгами. Хоть и с украинской земли этот человек прибыл, а сердцем понял он молдавского крестьянина. Позже мы узнали, что то был Коцюбинский.

Дмитрий Неронович показывает нам стопку книг. Это рассказы и повести Михаила Коцюбинского, изданные на русском, украинском и молдавском языках.

— Часто я перечитываю «Для общего блага». За сердце берет, потому что правда там написана. Украинский писатель сумел в душу молдаванина заглянуть. Эх, посмотрел бы отец мой на наш колхоз «Советский Дунай», как его сын кузнечное дело на селе наладил!..

Да, не узнал бы Нерон Замфир родные края. На десятки километров протянулись сады и виноградники, на площади в 1 200 гектаров колхоз сеет пшеницу, а на пастбищах его несметные отары овец. В минувшем году колхоз получил около 50 тысяч литров вина!

Сын Нерона — Дмитрий — живет в полном довольстве. Внук Ваня оканчивает семилетку, после чего собирается поступить в педагогическое училище.

Когда мы вышли из дому, приближался вечер. По широкому Дунаю плыли навстречу друг другу два небольших парохода — «Киев» и «Советская Молдавия». Они повстречались на середине реки и обменялись приветственными гудками. Сначала прозвучал тонкий голос «Советской Молдавии», потом — густой бас «Киева», и эхо откликнулось из глубины молдавского села Джурджулешты...

Ю. ЧЕРНОВ

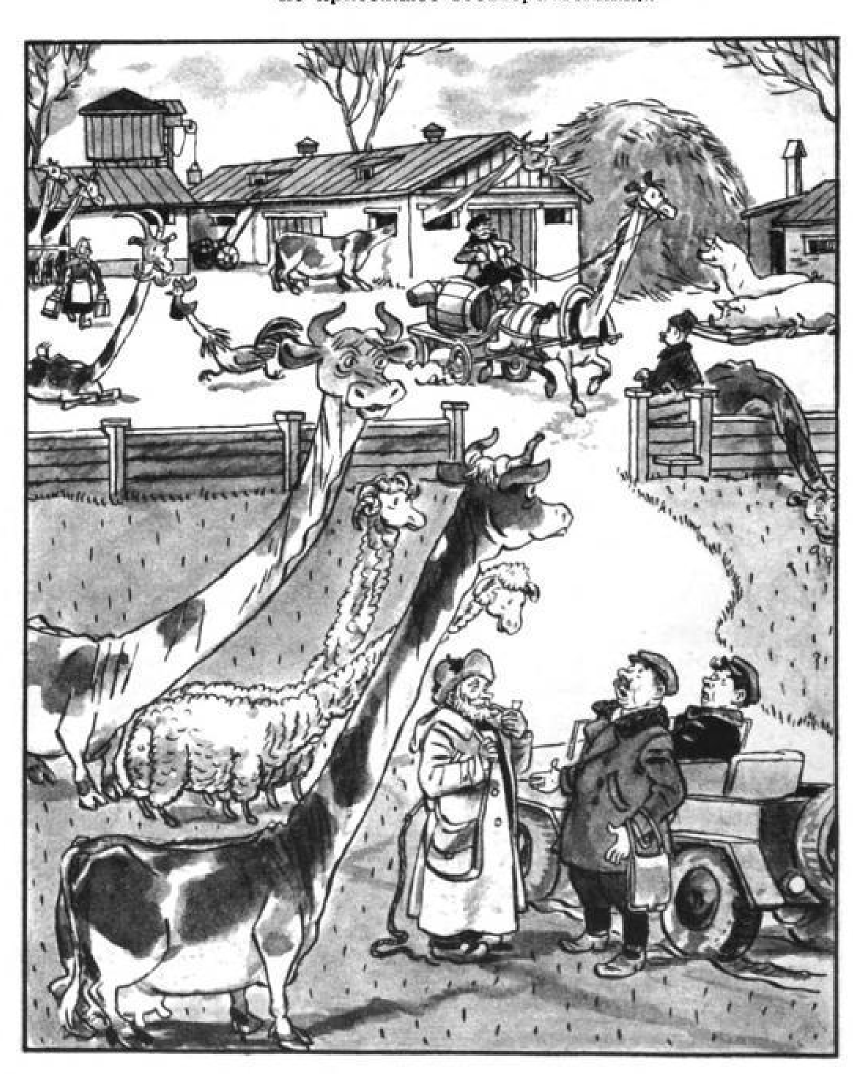
ПЕРЕЦЬ в

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА

— Мама! Что это папа среди ночи кричит?
— По привычке. Раньше он в это время совещания проводил.

Рисунок В. ГЛИВЕНКО.

В некоторые животноводческие фермы подолгу не приезжают зооветработники...



— Отчего это у них такие длинные шеи?
— Долго высматривают: не едет ли зоотехник...

Рисунок В. ГЛИВЕНКО.

гостях у ОГОНЬКА

ВЫЕЗЖАЮТ НА СРЕДНЕЙ...
Рисунок БЕ-ША.

НА СВОЙ АРШИН

Спекулянтка: — Понимаю. Разбавляет водой...
Рисунок А. АРУТЮНЯНЦА.

— Вам обязательно нужно заняться физкультурой.
— Не могу, доктор! Я по горло занят работой в Управлении физкультуры и спорта.
Рисунок З. ТОЛКАЧЕВА.

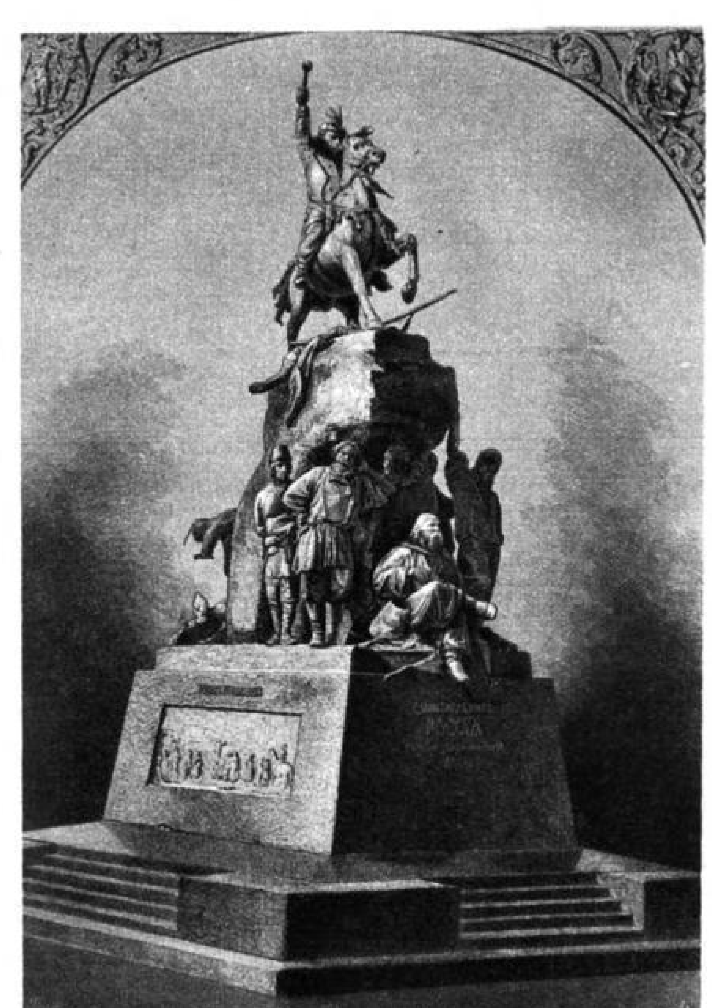
СЛУЧАЙ В ОДНОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ
Почти по Гоголю

— А что вы тут делаете, добрые люди, для нас?..
Рисунок В. ЛИТВИНЕНКО.

КРИК ХОЗЯЙСКОЙ ДУШИ

— Зачем вы ставите такие большие подпорки? Хотите развалить телятник?..
Рисунок В. ЛИТВИНЕНКО.

История одного памятника



На одной из площадей Киева на гранитной скале застыл всадник, пришпоривший горячего коня. Рукой, в которой зажата булава, он указывает на северо-восток, на Москву. На темном граните памятника слова: «Богдан Хмельницкий».

История памятника весьма примечательна. В журнале «Киевская старина» за 1888 год мы читаем:

«Мысль о сооружении памятника освободителю Малороссии возникла почти одновременно с возбуждением внимания к южнорусской старине в кружке киевских ученых, видным представителем которого в 40—50-х годах был профессор и первый ректор Киевского университета М. А. Максимович. В дружеской переписке его с М. П. Погодиным о Богдане Хмельницком, печатавшейся в издаваемом им же в 1859 году альманахе «Украинец», находим следующее любопытное место: «Когда в виду московского Кремля любуюсь я великолепным памятником Минина и Пожарского, то всегда говорю себе: зачем же и до сих пор нет ни в Киеве, ни в Переяславе подобного памятника освободителю Малороссии от того же самого ига, тяготевшего над нею еще более и долее, чем над Москвою».

Мысль о сооружении памятника нашла горячий отклик среди прогрессивной интеллигенции Киева. Был создан специальный комитет, который обратился к петербургскому художнику М. И. Микешину с вопросом, «не пожелает ли он заняться изготовлением проекта памятника Хмельницкому в Киеве...» Микешин принял на себя эту задачу и, приехав в Киев, сделал первоначальный эскиз памятника. В 1869 году проект Микешина получил «высочайшее утверждение».

Мы видели рисунок и описание проекта, сделанные Микешиным. Проект коренным образом отличается от памятника, стоящего на площади Богдана Хмельницкого. В первоначальном варианте были такие детали: «под копытами лошади распростерт труп иезуита, покрытый изорванным польским знаменем; тут же и обрывки разорванных цепей; на пути Хмельницкого, за его конем, помещается сброшенная копытом лошади, падающая со скалы фигура польского пана. На переднем плане памятника ниже Хмельницкого имела быть помещена группа из пяти фигур: в центре ее, под навесом скалы, сидит украинский кобзарь, поющий славу народному герою, а его задумчиво слушают — с одной стороны великоросс и белорус, а с другой малоросс и червоноруc» [1]. На трех сторонах пьедестала — три бронзовых барельефа, изображающих Збаражскую битву, Переяславскую Раду и торжественную встречу Богдана Хмельницкого с народом в Киеве.

Но от «высочайшего утверждения» до сооружения памятника прошло почти 19 лет. В царской империи «не нашлось» средств для сооружения монумента. Киевскому генерал-губернатору князю Дондукову-Корсакову в 1870 году было дано «высочайшее соизволение на открытие повсеместной в империи подписки на сооружение в Киеве памятника Б. Хмельницкому».

Сбор средств продолжался 16 лет, причем вместо нужной суммы — около 145 тысяч рублей — было собрано лишь 44 тысячи.

Строительство памятника срывалось. И тогда художник Микешин заявил: «желая со своей стороны содействовать скорейшему осуществлению патриотического дела, я решил сделать сбавку на 49.500 руб. из сметной суммы и готов принять на себя изготовление всех художественных и бронзовых работ на сумму 95.700 руб., не включая стоимости металла и каменных работ».

Но денег все равно не хватало. К тому же «хозяева» города в лице Дондуковых-Корсаковых и иже с ними вообще считали неприемлемым предложенный вариант памятника. Их шокировали фигуры представителей народа, они признали эти фигуры «неуместными, могущими вредить художественному впечатлению монумента и без нужды лишь увеличивающими стоимость памятника».

Проект памятника отвергли, и автор вынужден был переработать его, оставив лишь конную статую Хмельницкого.

Немало мытарства претерпел Микешин при осуществлении и этого упрощенного варианта памятника. Лишь через 4 года после представления первоначального проекта «последовало высочайшее повеление об отпуске из складов морского ведомства 1600 пудов лома зеленой меди для отливки фигуры памятника Б. Хмельницкого». Микешин приступил к работе. Ему отвели одну из мастерских Адмиралтейства. Но в самый разгар работы последовал приказ: немедленно очистить помещение. Художник вынужден был перенести свои работы в Манеж. Однако через месяц его выдворили и отсюда. Пришлось срочно строить на свои средства мастерскую.

В 1875 году были исчерпаны собранные средства; работы вовсе прекратились.

Прошло 11 лет. В 1886 году под давлением общественности государственная казна наконец «расщедрилась». Она отпустила 12 тысяч рублей на окончание строительства. В 1888 году состоялось открытие памятника.

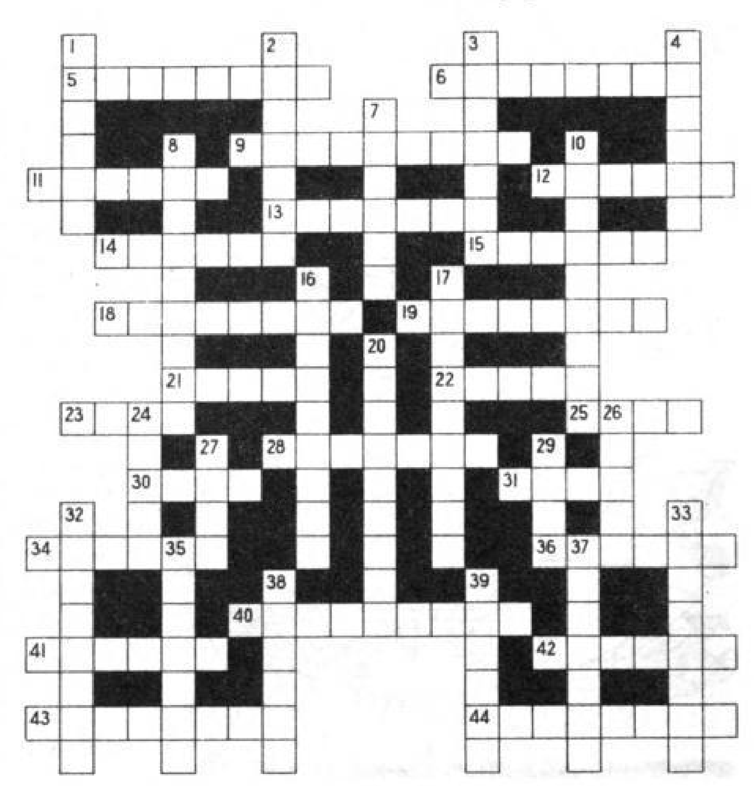
В. МИХАЙЛОВ,
П. ПОРТНОВ

Киев.

[1] Червонная Русь — так называлась в то время Галиция.

В этом номере на вкладках—репродукции картин: Портрет Богдана Хмельницкого, М. И. Хмелько «Навеки с Москвой», П. И. Порубаева «Днепровские пороги»—и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Завод сельскохозяйственных машин в Запорожье. 6. Поэма Т. Шевченко. 9. Украинский писатель-драматург. 11. Народная артистка СССР. 12. Украинцы-горцы. 13. Украинский и русский народный танец. 14. Отечество. 15. Город в Донбассе — родина передового движения за высокую производительность труда. 18. Название сборника повестей Н. В. Гоголя. 19. Город в районе месторождения марганца на Украине. 21. Украинский писатель. 22. Вид транспорта. 23. Приток Дуная. 25. Разновидность клена. 28. Украинский композитор. 30. Заранее намеченная система мероприятий. 31. Государственное объединение. 34. Часть национального костюма украинки. 36. Один из вожаков движения беглых крепостных крестьян в Прикарпатье. 40. Автор книги «Люди с чистой совестью». 41. Специалист, достигший высокого искусства в своем деле. 42. Поселок в районе газовых месторождений в предгорьях Карпат. 43. Украинский писатель. 44. Картина Т. Шевченко.

По вертикали:

1. Команда корабля, самолета. 2. Город в районе строительства крупной гидроэлектростанции. 3. Украинское кушанье. 4. Украинский музыкальный инструмент. 7. Береговые леса, заливаемые в половодье. 8. Музыкант. 10. Помещение для чтения лекций. 16. Народная украинская песня-танец. 17. Шахтерский город. 20. Опера П. И. Чайковского. 24. Гибрид кукурузы, выведенный на Украине. 26. Приглашение к участию в соревновании. 27. Народное собрание. 29. Денежные средства, ресурсы, запасы. 32. Зернохранилище. 33. Историческое название территории на западе Украины. 35. Приток Днепра. 37. Пробное, показательное изделие. 38. Председатель колхоза в пьесе А. Корнейчука «В степях Украины». 39. Белорусский поэт, переводчик произведений Т. Шевченко и П. Тычины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

3. Пресса. 8. Кефаль. 11. «Караваево». 12. Здание. 13. Лирика. 14. Режим. 15. Омск. 19. Вата. 21. Коллектив. 24. Гудаута. 25. Албанец. 26. Система. 27. Окучник. 30. Индустрия. 31. Сцеп. 33. Корт. 37. Аврал. 39. Железо. 40. Арахис. 41. Энергетик. 42. Талант. 43. Токарь.

По вертикали:

1. Макет. 2. Школа. 4. Радио. 5. Синус. 6. Капелла. 7. Записки. 9. Ферма. 10. Локва. 16. Мичуринец. 17. Сортамент. 18. Диалектик. 20. Телевизор. 22. Вахта. 23. Бахча. 28. Букварь. 29. Стратег. 31. Смета. 32. Ереван. 34. Осадки. 35. Триер. 36. Поэт. 38. Пакт.

— А сюда, товарищ Мороз, вам входа нет.

Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

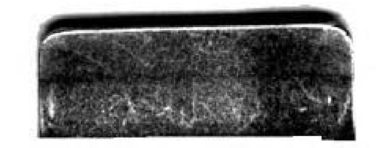
А 00602. Подп. к печ. 5/I 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. №971. Заказ 3253. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КИЕВ. ПАМЯТНИК Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

КИЕВ. КРЕЩАТИК.

Рисунки В. Высоцкого.



Цена номера 3 руб.